

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1(7)
2016**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2015

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография*

Е. Осиповой

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203
Адрес электронной почты:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 28.09.2015

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,79
Тираж 1000 экз.
Заказ № 7/3*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 3ба*

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>З. А. Аскеров</i>	кандидат юридических наук, Ph D, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Е. Е. Каймульдинов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. С. Подшибякин</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Р. А. Ромашов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. А. Сергеевнин</i>	кандидат исторических наук, Ph D, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Каламкарян Р. А. <i>Международно-правовая значимость вклада Российской Федерации в систему международного правосудия</i>	5	Kalamkaryan R. A. <i>International Legal Importance of the Contribution of the Russian Federation in the System of International Justice</i>
Головкин Р. Б., Лепёшин Д. А. <i>Юридические особенности соотношения понятий «лидерство» и «руководство»</i>	30	Golovkin R. B., Lepyoshin D. A. <i>Legal Aspects of the Relationship Between the Concepts «Leadership» and «Guidance»</i>
Головкин Р. Б., Соколова А. В. <i>Понятие юридического инжиниринга</i>	38	Golovkin R. B., Sokolova A. V. <i>The Concept of Legal Engineering</i>
Марков А. М. <i>Право и нравственность</i>	46	Markov A. M. <i>Law and Morality</i>
Молчанов Б. А. <i>Эколого-правовая политика Российского государства при освоении приарктического пространства (досоветский период)</i>	53	Molchanov B. A. <i>Environmental and Legal Policy of the Russian State with Free Shipping-starting Arctic Space (pre-Soviet Period)</i>
Новиков М. В. <i>Правоотношения в современном русском обществе: подходы к понятию и специфика методологии исследования</i>	59	Novikov M. V. <i>Legal Relations in a Modern Russian Society: Approaches and Methodology</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Колосов А. С. <i>Актуальные вопросы применения законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве</i>	65	Kolosov A. S. <i>Topical Problems of Application of the Legislation on Ensuring the Right to Defense in Criminal Procedure</i>
Лепёшин Д. А., Лепёшина Н. Д. <i>Перспективы развития института примирения сторон в современном гражданском процессе</i>	72	Lepyoshin D. A., Lepyoshina N. D. <i>Prospects of Development of Institute of Mediation in a Modern Civil Procedure</i>
Гриненко А. В. <i>Особенности задержания несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления, и избрания в отношении их мер пресечения</i>	77	Grinenko A. V. <i>Features of Detention of Minors Suspected of Crimes and Election in Respect of Them Preventive Measures</i>

Головинская И. В. <i>Проблемы участия понятых в производстве следственных действий</i>	84	Golovinskaya I. V. <i>The Problems of Participation of Witnesses in Investigative Actions</i>
Погодина И. В. <i>Государственно-частное партнерство в налоговой и таможенной сферах</i>	89	Pogodina I. V. <i>Public-private Partnership in Tax and Customs Spheres</i>
Капусткин А. С. <i>Наградное процессуальное законодательство</i>	94	Kapustkin A. S. <i>Award's Procedural Legislations</i>
Сведения об авторах	106	Information about the authors
Правила оформления и представления рукописей	109	Rules of Registration and Submission of Manuscripts

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 341.01

Р. А. Каламкрян,

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВКЛАДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В работе раскрывается международно-правовая значимость вклада Российской Федерации в систему международного правосудия.

Ключевые слова: Российская Федерация, международное правосудие, международная законность и правопорядок.

R. A. Kalamkaryan,

INTERNATIONAL LEGAL IMPORTANCE OF THE CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL JUSTICE

Abstract. The work shows the international law significance of the contribution of Russian Federation in the system of international justice.

Key words: Russian Federation, international justice, international legality and law order.

Международно-правовая позиция Российской Федерации, заявившей о своей приверженности верховенству права, ориентирована на всемирное обеспечение режима международной законности и правопорядка.

Отправление международного правосудия входит в качестве системообразующей основы всего внешнеполитического курса Российского государства. Осуществление должных критериев поведения государств на всех стадиях разбирательства в Международном суде ООН (возбуждение дела в суде, судопроизводство, слушание дела в суде, исполнение решения суда) рассматривается Россией как элемент готовности государств содействовать реализации основополагающих документов современности, принятых с общего согласия всех государств – членов мирового сообще-

ства (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.).

Цель международного судебного и арбитражного производства состоит, как известно, в содействии урегулированию международных споров. В рамках этой основной цели ставится задача всемерно обеспечить законные права государств, прекратить противоправные и вообще любые действия, наносящие в той или иной мере ущерб субъективным правам отдельного государства. В глобальном масштабе задача, поставленная перед Международным судом ООН (далее: Суд) и арбитражем, определяется необходимостью добросовестного соблюдения международных обязательств, но уже не по отношению к какому-либо конкретному государству, а на универсальной основе. Последнее обстоятельство рассматривается как гарантия верхо-

венства права в международных отношениях.

Устав ООН и Статут Международного суда ООН, устанавливая цели международного судопроизводства, предусматривают, что при обращении в Суд государства будут исходить именно из них и руководствоваться исключительно ими. Соответственно, любое обращение в Суд с другой целью, нежели та, которая определена Статутом Международного суда ООН, должна рассматриваться как злоупотребление правом и поэтому считается нарушением принципа добросовестности. Цели, ради которых государство в случае злоупотребления правом обращается в Суд, представляются мнимыми, ибо они не обеспечены нормой международного права. Суд со своей стороны в качестве санкции за неправомерное использование права на обращение в Суд может признать данный иск недействительным с юридической точки зрения и отказать в принятии его к производству.

При исследовании международно-правовых аспектов злоупотребления правом при обращении в Суд следует отметить, что этот вопрос, к сожалению, весьма мало разработан в науке международного права. Вообще процедурным вопросам международного судебного производства в международно-правовой литературе традиционно уделяется меньше внимания по сравнению с анализом существа вынесенного решения. Повышенный интерес ученых к всестороннему рассмотрению содержания решений международных судебных органов в общем-то понятен. Каждое решение Суда – это своеобразный вклад в теорию международного права. Это никто не оспаривает. Вместе

с тем соразмерное с рассмотрением содержания решения Суда исследование международно-правовых аспектов процедурного порядка позволяет выявить причины прекращения судопроизводства и закрытия дел, хотя государства – участники спора формально признали обязательную юрисдикцию Суда. В конечном итоге анализ процедурных аспектов международного судопроизводства позволяет ответить на следующие вопросы. Почему государство, признавшее в той или иной форме обязательную юрисдикцию Суда, не явилось в Суд или не представило своих доводов? Почему государство, признавшее обязательную юрисдикцию Суда, выдвинуло заведомо необоснованные предварительные возражения против компетенции Суда на предмет неподсудности спора, хотя подсудность спора Суду очевидна или прямо вытекает из предмета спора? Вопросы эти отнюдь не риторические. Они несут в себе значительную смысловую нагрузку и достаточно рельефно отражают суть рассматриваемых проблем. Действительно, почему государство, принявшее обязательство о признании обязательной юрисдикции Суда, вместо того чтобы своим добросовестным поведением содействовать Суду в отправлении правосудия и изыскании справедливого решения, создает искусственные препятствия на пути нормального хода судопроизводства, сводя его в конечном итоге на нет?

В процессе последующего анализа попытаемся определить, каким же нам видится в свете принципа добросовестности поведение государств в процессе судопроизводства и какие действия государств (как истца, так и ответчика) следует рассматривать как неправо-

мерные, вступающие в противоречие с данным принципом.

Первое, с чем обычно сталкиваешься при исследовании вопроса о том, какое поведение представляется недопустимым с точки зрения принципа добросовестности, это запрещение злоупотребления правом при обращении в Суд. Специальных работ, непосредственно посвященных данному предмету, практически нет. И это неудивительно, поскольку обычно внимание ученых сосредоточивается на проблемах, возникающих из факта неявки в Суд и выдвижения предварительных возражений против компетенции Суда. Концентрируя свои усилия на изучении влияния факта неявки в Суд государства-ответчика, равно как и факта выдвижения им предварительных возражений против компетенции Суда, ученые в большинстве случаев упускают из виду сам феномен поведения государства. А именно насколько это поведение соответствует или, наоборот, не соответствует выполнению на основе принципа добросовестности принятого обязательства о признании обязательной юрисдикции Суда. Между тем, если вдуматься и оценить факт намеренной неявки в Суд или факт выдвижения предварительных возражений против компетенции Суда на предмет подсудности очевидно подсудного Суду спора, все быстро становится понятным и объяснимым. Государство, свободно принявшее обязательство о признании обязательной юрисдикции Суда, своими конкретными действиями отнюдь не способствовало его добросовестному выполнению. По сути дела, обструкционистские действия государства создают искусственные препятствия на пути нормального хода судопроизводства. Тем самым предпринимаются попытки обойти принятое ме-

ждународное обязательство, формально его не отвергая и даже заявляя о своей приверженности ему.

Исследование темы о злоупотреблении правом при обращении в Суд, а также в ходе проведения самого судебного разбирательства, помимо того, что оно имеет несомненную теоретическую важность в связи с ее недостаточной научной разработанностью, будет иметь и непосредственное практическое значение, поскольку поможет выявить в поведении государств конкретные проявления нарушения принципа добросовестности на стадии международного судопроизводства.

Вопрос о злоупотреблении правом при обращении в Суд стоит достаточно остро. Имеющиеся прецеденты из судебной практики придают этому вопросу актуальность. Между тем в порядке констатации следует сказать, что соответствующие примеры такого противоправного поведения государств, к сожалению, до настоящего времени пока еще не стали предметом пристального внимания юристов-международников. В работе французского ученого Ф. Монкондьи «Злоупотребление правом при индивидуальном обращении в Европейскую комиссию прав человека»¹ рассматриваются международно-правовые аспекты регулирования права обращения отдельного лица в Европейскую комиссию прав человека в соответствии с п. 2 ст. 27 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Непосредственно не затрагивая отношения между государствами, она тем не менее может слу-

¹ *Monconduit F. L'Abus du droit de recours individuel devant la Commission Européenne des droits de l'homme // AFDI. 1971. Paris, 1972. P. 347-365.*

жить ориентиром при рассмотрении вопроса о злоупотреблении правом со стороны государства при обращении в Суд. Исследуемому вопросу посвящен также небольшой раздел в книге Э. Золлер «Добросовестность в международном публичном праве»¹, в котором автор высказывает весьма спорные взгляды по проблеме соотношения принципа добросовестности и злоупотребления правом при обращении в международные судебные органы.

Любое исследование о злоупотреблении правом непременно включает в себя определение наличия намерения данного государства использовать признанное за ним право с единственной целью – нанести ущерб другой стороне, обманным путем скрыть совершенный незаконный акт или уклониться от прежнего обязательства. Во всех указанных случаях государство намеренно использует признанные за ним субъективные права в целях, прямо противоположных тем, ради которых эти права и были первоначально признаны за государством как суверенной единицей.

Намерение использовать свои права не по назначению, с целью нанести ущерб противоположной стороне или уклониться от принятого международного обязательства, может присутствовать и при обращении в Суд. Злоупотребление правом на стадии открытия судопроизводства, как и любые другие намеренные действия государства (в данном случае, безусловно, носящие противоправный характер), может проявлять себя в форме конкретных актов или оказаться следствием юридически значимого поведения государства. Соответственно, злоупотребление

правом при обращении в Суд может вытекать или из самого иска, или из поведения государства.

Относительно констатации злоупотребления правом при обращении в Суд как результата специфического содержания искового заявления, вопрос стоит в двух плоскостях. Первый и наиболее часто встречающийся случай злоупотребления правом имеет место тогда, когда истец использует право на обращение в Суд с другой целью, нежели та, которая определена самим международным правом, текстами Устава ООН и Статута Международного суда ООН. Здесь, в свою очередь, возможны две альтернативы. Истец использует право на обращение в Суд в политических и пропагандистских целях. Вместо того чтобы с учетом принципа добросовестности использовать право (полученное в результате признания обязательной юрисдикции) на обращение в Суд исключительно в целях поддержания международной законности и достижения справедливого урегулирования спора, государство пытается воспользоваться возможностью обращения в Суд в политических и пропагандистских целях. Это первая альтернатива. Вторая альтернатива представлена попыткой государства использовать право на обращение в Суд с просьбой о пересмотре дела без достаточных на то юридических оснований, исключительно с целью уклониться от добросовестного выполнения обязующих постановлений Суда, который вынес соответствующие решения. Другими словами, имеет место юридически несостоятельная попытка избежать международно-правовых последствий своих противоправных действий посредством явно недопу-

¹ Zoller E. *La Bonne Foi en Droit International Public*. Paris, 1977. P. 142–147.

стимого с юридической точки зрения иска с просьбой о пересмотре решения. Поскольку затрагивается вопрос о производстве по пересмотру дела и выдвигается довод о юридической несостоятельности при определенных обстоятельствах иска о пересмотре дела, закономерно спросить о том, какие же требования международного права необходимо выполнить для признания обоснованности просьбы о пересмотре. Таких требований, как это записано в ст. 61 Статута Международного суда ООН, два. Первое – качественного порядка, а второе – это элемент незнания произошедших изменений в международной обстановке ни Судом, ни самой стороной, выступающей с иском о пересмотре. Так, просьба о пересмотре решения может быть заявлена лишь на основании вновь открывшихся обстоятельств, которые по своему характеру могут оказать решающее влияние на исход дела. Однако эти вновь открывшиеся обстоятельства должны быть неизвестны ни Суду, ни стороне, просящей о пересмотре. Вместе с тем вполне понятно, что такая неосведомленность не должна быть следствием небрежности, и это выступает здесь непременным условием.

Требования, предъявляемые международным правом к производству по пересмотру дела, как мы видим, достаточно серьезны. Они призваны не допустить случаи недобросовестного поведения государства, когда под видом обращения в Суд с иском о пересмотре дела предпринимается попытка уклониться от должного выполнения обязующих постановлений вынесенного решения. Суд обладает комплексом полномочий, позволяющих ему с высокой степенью беспристрастности,

с целью установления наличия нового обстоятельства, как оценить его характер (насколько это обстоятельство может оказать решающее влияние на исход дела), так и констатировать факт его незнания (действительно ли обстоятельство, о котором идет речь, не было известно ни Суду, ни стороне, просящей о пересмотре).

После того как Суд определенно устанавливает наличие нового обстоятельства с признанием за последним характера, дающего основание к пересмотру дела, он на основе собственного определения объявляет о принятии просьбы о пересмотре. Возможность обращения в Суд с просьбой о пересмотре дела ограничена жесткими временными рамками. Так, просьба о пересмотре должна быть заявлена до истечения шестимесячного срока после открытия новых обстоятельств (п. 4 ст. 61 Статута Международного суда ООН). Вместе с тем устанавливается строгий верхний предел (по времени) представления иска о пересмотре. Никакие просьбы о пересмотре не могут быть заявлены по истечении десяти лет с момента вынесения решения (п. 5 ст. 61 Статута Международного суда ООН). Временные рамки в совокупности с требованиями по существу иска о пересмотре дела призваны в конечном итоге свести к минимуму, а если возможно, то и вообще исключить всякую попытку государства использовать присущее ему право добиваться законности через Суд в корыстных, не имеющих ничего общего с международной законностью целях, а именно уклониться от добросовестного выполнения обязующих постановлений вынесенного (в отношении его) решения.

Намеренный характер такого поведения, противоправного по своей сущности, очевиден. Определяющим критерием правомерности и допустимости с точки зрения международного права действий государства, направляющего искомое заявление в Суд, выступает принцип добросовестности. Попытка достижения справедливости и законности через Суд непосредственно связана с принципом добросовестности и с добросовестным поведением государства вообще. Если государство действительно намеревается добиваться справедливости и законности через обращение в Суд, то и мотивы, и намерения, и, наконец, само поведение должны определяться принципом добросовестности. В противном случае все будет как раз наоборот. Если мотивы, намерения, поведение государства строятся не на основе принципа добросовестности (например, на стремлении под видом просьбы о пересмотре дела уклониться от выполнения обязующих в отношении его постановлений решения), то, естественно, ни о каких целях достижения справедливости и законности (через Суд) здесь говорить не приходится. Все достаточно просто: только добросовестное поведение государства определяет добросовестный характер его намерений и законность преследуемых им целей при обращении в Суд с иском.

Такой в общем-то однозначный с точки зрения юридической логики вывод, как это ни странно, расходится с мнением французского юриста Э. Золлер. Постараемся кратко изложить ход мыслей, который привел этого ученого к весьма спорным заключениям. Э. Золлер первоначально совершенно верно выбрала отправную точку для своих

рассуждений. Она пишет, что если государство выступает в защиту права вообще и в защиту международного права, то тем самым оно подтверждает свою приверженность принципу добросовестности. Тезис бесспорен и вряд ли требует дополнительных комментариев. Однако далее Э. Золлер делает вывод, который далеко не так однозначен, как это ей самой представляется. Добросовестность государства-истца не проверяется, пишет она, и в этом нет необходимости не только потому, что она всегда подразумевается *juris tantum*, а потому, что она неизбежна. Поскольку цель сама по себе справедлива (добиться судебного разрешения международного спора), мотивы, которые ее вдохновляют, также в обязательном порядке являются таковыми¹.

Выдвинутое Э. Золлер заключение не так однозначно, как это может показаться на первый взгляд. Да, действительно, предполагается, что государство, которое обращается в Суд с определенным иском против другого государства, должно быть заинтересовано в установлении справедливости и поддержании законности в международных отношениях. Однако вовсе не исключаются случаи, когда государство, обращаясь с иском в Суд, руководствуется на самом деле совсем другими мотивами. В политико-пропагандистских целях, заявляя о своей приверженности праву, оно в действительности намеревается уклониться от выполнения обязующих (в отношении его) постановлений уже вынесенного Судом решения. Предполагать заранее во всех случаях и так однозначно добросовестность государства, обращающегося с иском в Суд, не только не уместно, но,

¹ *Zoller E. Op. cit. P. 147.*

скажем, даже слишком скоропалительно. Так должно быть *ex hypothesi*. Суд правомочен перед тем, как принять дело к производству, тщательно удостовериться в том, имеет ли данное притязание достаточное фактическое или правовое обоснование. Если Суд убедится, что иск мотивирован недобросовестными намерениями заявителя и направлен на то, чтобы ввести Суд в заблуждение, то, естественно, он будет отклонен и государству будет отказано в открытии судопроизводства.

Линия поведения Суда в данном случае вполне логична и единственно правильна. Суд руководствуется в своих действиях задачами обеспечения своего нормального функционирования и ставит цель поддержания законности в международных отношениях. В рамках достижения указанных задач и целей юридически и морально вполне оправданна позиция Суда, когда он при оценке того, насколько данное притязание имеет достаточное фактическое и правовое обоснование, проявляет определенную жесткость при анализе мотивов и в целом поведения заявителя. Добросовестный характер мотивов и поведения заявителя вписывается в общие рамки задач и целей международного судопроизводства и совпадает с заинтересованностью Суда в обеспечении безопасности процесса функционирования судебного процесса. Все в международном правопорядке достаточно взаимосвязано. Соблюдение принципа добросовестности в мотивах и поведении заявителя – в отношении как непосредственно самого Суда, так и контрагентов по исковому заявлению – соответствует общим задачам и целям международного судопроизводства. В связи с этим представляется абсолют-

но недопустимым отделять (как это делает Э. Золлер) цели и задачи Суда от необходимости обеспечения соблюдения принципа добросовестности в поведении заявителя.

Квинтэссенция мыслей французского юриста сводится к следующему: «Убедить государство в том, что оно сможет всегда бороться за свое право, представляется фактически более важным, чем обеспечить защиту противоположной стороны от нарушения принципа добросовестности»¹. В качестве доводов в пользу ненужности анализа мотивов и поведения заявителя Э. Золлер ссылается на трудности и даже невозможность установлений в международном праве фактов злоупотребления правом при обращении в Суд. Эти ссылки юридически несостоятельны. Суд обладает всеми нужными полномочиями, чтобы в рамках процедуры установления того, имеет ли данное притязание достаточное фактическое и юридическое обоснование, тщательно и беспристрастно оценить мотивы и поведение заявителя. Если мотивы истца носят явный признак недобросовестности, а само поведение заявителя в конечном итоге направлено на сокрытие факта нарушения принципа добросовестности в отношении другой стороны (например, государство под видом просьбы о пересмотре дела уклоняется от добросовестного выполнения обязующих постановлений вынесенного решения по делу с данной стороной), то Суд в естественном порядке отклонит иск заявителя и откажет в открытии производства по пересмотру дела. Суд уже в силу необходимости выполнять свою основополагающую задачу – поддер-

¹ Zoller E. Op. cit. P. 146.

живать законность и справедливость в международных отношениях – крайне заинтересован в обеспечении собственной юридической безопасности и в проведении на должном уровне, а также в нормальном, обычном с точки зрения международного права, порядке любого начатого им производства. Не случайно всякие попытки посягательства и ущемления в какой-либо форме признанных согласно Статуту Международного суда ООН прав и прерогатив Суда (например, намерение заявителя использовать процедуру обращения в Суд в неправомерных целях) признаются Судом недопустимыми и отвергаются без всяких колебаний. Такова логика судебного производства.

Использование права обращения в Суд с другой целью, нежели та, которая определена Статутом Международного суда ООН, становится лишь одним из проявлений злоупотребления правом, вытекающим из существа самого искового заявления. Было бы крайне удивительно, если бы здравая логика судебного производства, исключая одни проявления злоупотребления правом, например те, о которых столь подробно и основательно говорилось выше, не запрещала другие. Логика судебного производства в этом плане абсолютна. Даже самые незначительные злоупотребления правом, вытекающие из существа искового заявления, могут подорвать доверие государств к Суду как хранителю законности в условиях мира, построенного на верховенстве и господстве права. Отсюда понятна позиция Суда.

В плане запрещения любых проявлений злоупотребления правом не допускается произвольное использование права на обращение в Суд. Что здесь конкретно имеется в виду? Воз-

можны два варианта противоправного поведения. Первый вариант включает в себя два случая. Вполне реальной представляется ситуация, когда по аналогии с индивидом в рамках внутреннего правопорядка то или иное суверенное государство, подтверждая навязчивую приверженность судебному разбирательству, время от времени обращается с одним и тем же иском заявлением, которое до этого уже неоднократно отвергалось Судом, как не имеющее достаточного фактического и правового обоснования. Злоупотребление правом в такой форме может проявить себя тогда, когда государство в своем исковом заявлении жалуется на нарушение его права на справедливое отправление правосудия, в то время как на самом деле предмет иска был уже до этого – и причем неоднократно – объектом международного судебного разбирательства.

Второй вариант произвольного использования права на обращение в Суд имеет место тогда, когда заявитель в своем иске ссылается на аргументы, которые подтверждают его незнание или якобы незнание реальной функции права (согласно Статуту Международного суда ООН) на обращение в Суд.

Четкое понимание судом своей миссии в международном правопорядке предопределяет строго отрицательное отношение к любым формам злоупотребления правом при обращении в Суд – как к тем его проявлениям, которые вытекают из существа самого иска, так и к тем, которые являются следствием поведения государства¹.

¹ Об этом см.: *Morelli G. Function et objet de l'intervention dans le proces international // Essays in International Law in Honour of Judge Manfred Lachs. The Hague, 1984. P. 403–409.*

Суд для обеспечения нормального хода своего производства нуждается в содействии со стороны заявителя, обязанного представить всю требуемую информацию обо всех аспектах спора. Поскольку речь идет о защите субъективных прав государства, то считается, что информация, которая требуется для открытия судебного производства, должна быть в полном объеме представлена заявителем, ибо никто, кроме него, в такой степени не ознакомлен со всеми конкретными фактами нарушения этих прав.

Предполагается, что прежде всего именно истец (а потом уже сам Суд как главный судебный орган ООН) заинтересован в восстановлении субъективных прав государства и обеспечении общей законности. В связи с этим (как на момент подачи заявлений, так и на всех последующих этапах судебного производства) истец должен активно взаимодействовать с Судом в деле представления любой затребованной им информации, касающейся конкретного дела. Статут Международного суда ООН (ст. 40) и Регламент Международного суда ООН (ст. 38) ориентируют государство-заявитель именно на это. Суд со своей стороны, во-первых, следит за тем, чтобы вся требуемая по иску информация представлялась точно в срок, отвечала критериям честности и точности, не была урезана по форме или по содержанию, а также не содержала бы фальшивую информацию в целях обмана Суда. Во-вторых, Суд вправе устанавливать санкции и формы прекращения (закрытия) дела или признания иска недействительным за отказ в представлении всей необходимой информации, касающейся заявления, а также за представление заведомо неточной и фальшивой информации.

Установлению таких санкций обычно предшествует заключение Суда о том, что он не в состоянии высказываться по существу дела вследствие поведения заявителя, явно злоупотребляющего своими правами.

В каких же формах проявляет себя здесь противоправное поведение заявителя? Два случая представляются наиболее адекватно отражающими суть явления: или заявитель не соблюдает установленные правила процедуры Суда и не уточняет мотивы своего иска, или же он представляет суду урезанную, фальшивую информацию с целью намеренно ввести Суд в заблуждение.

Касаясь первого случая, отметим следующее. Суд как главный судебный орган ООН образуется и действует в соответствии с постановлениями своего Статута (ст. 1 Статута Международного суда ООН). Для непосредственного выполнения своих функций Суд составляет Регламент, в котором он устанавливает правила судопроизводства (ст. 30 Статута Международного суда ООН), Положения Статута и постановления Регламента Международного суда ООН определяют совокупность правил, которые должен соблюдать на всех стадиях судебного процесса прежде всего сам заявитель, поскольку именно от него исходило обращение в Суд и именно по его инициативе было открыто судебное производство. Важнейшим фактором соблюдения Статута и Регламента Международного суда ООН заявителем выступает, естественно, принцип добросовестности. Разумеется, если заявитель действительно заинтересован в обеспечении нормального функционирования судебного производства, если он действительно руководствуется целью нахождения справедливого

разрешения собственного дела и, наконец, если он действительно привержен основополагающей идее – поддержать международную законность, которую и призван обеспечивать с помощью юридических средств Суд.

Логичным с точки зрения здравого смысла поведение истца можно назвать тогда, когда он, используя право на обращение в Суд и являясь непосредственным инициатором возбуждения дела, использует это право сугубо и исключительно в рамках требований, которые устанавливаются Статутом и Регламентом Международного суда ООН. И соответственно противоречащим логике и здравому смыслу будет такое поведение, когда, используя право на обращение в Суд, заявитель своим последующим поведением препятствует нормальному ходу судопроизводства. В частности, не представляет Суду в установленный срок документы или объяснения обязательного характера или дополнительно к ним любые другие, которые могут быть затребованы Судом как необходимые для успешного завершения судебного процесса. Последовательное уклонение заявителя от добросовестного выполнения своих процессуальных обязанностей согласно Статуту и Регламенту Международного суда ООН вполне справедливо может быть расценено Судом как злоупотребление правом на обращение в Суд.

Проявляя твердость в отношении соблюдения тех процессуальных обязанностей, которые имеют существенное значение для нормального хода разбирательства дела, Суд вместе с тем проявляет достаточную гибкость применительно к элементам формального порядка. Этим фактом Суд стремится

показать свою принципиальную позицию по отношению к добросовестному исполнению заявителем (инициатором возбуждения дела) своих процессуальных обязанностей. Несоблюдение заявителем на должном уровне процедур, имеющих существенное значение для прохождения в нормальном порядке разбирательства, будет расцениваться не иначе, как нарушение принципа добросовестности и соответственно как злоупотребление правом на обращение в Суд.

Вместе с тем Суд нельзя назвать органом, которому присущ крайний формализм в установлении требований, подлежащих выполнению заявителем. Суд достаточно либерален в обеспечении соблюдения принципов своей деятельности. Показателен такой прецедент. В деле о праве прохода через территорию Индии дебатировался в интенсивном объеме вопрос, может ли относительно небольшой период (три дня) между представлением Генеральному секретарю ООН декларации о признании обязательной юрисдикции и направлением на имя Секретаря Суда письменного заявления о возбуждении дела рассматриваться как злоупотребление правом (на обращение в Суд) со стороны истца. Известно, что письменное заявление Португалии о возбуждении дела было представлено в Суд даже ранее истечения небольшого промежутка времени (всего по истечении трех дней), которое предположительно должно было позволить Генеральному секретарю ООН препроводить копии декларации Португалии о признании обязательной юрисдикции Суда всем участникам Статута и Секретарю Суда (п. 4 ст. 36). Суд не усмотрел в этом факте какого-либо

правонарушения и отказался рассматривать такое поведение заявителя как некое злоупотребление правилами процедуры. При этом посчитал, что договорная (согласительная) связь, которая составляет основу действия факультативного постановления (Статута Международного суда ООН), может устанавливаться между заинтересованными государствами именно в тот день, когда государство сдает свою декларацию Генеральному секретарю ООН для последующей передачи им копий таковых участникам Статута и Секретарю Международного суда ООН¹.

На фоне столь гибкого и в целом либерального отношения Суда к соблюдению заявителем принципов своей деятельности особо ответственно звучит жесткое требование Суда к необходимости исполнения истцом тех постановлений Статута и Регламента Международного суда ООН, которые имеют действительно существенное значение для нормального прохождения дела. Именно оценивая добросовестность выполнения этих постановлений истцом, Суд делает выводы о том, имело ли место злоупотребление с его стороны правом на обращение в Суд, или нет.

В чем же, собственно, состоят требования Суда в отношении добросовестного выполнения заявителем своих процессуальных обязанностей на стадии возбуждения дела и на стадии письменного производства? Какие статьи Статута и Регламента Международного суда ООН конкретно оформляют эти требования в предписания юридически обязательного характера?

¹ Cour internationale de Justice (CIJ). Recueil. 1957. P. 146.

Прежде всего должны быть выполнены условия общего порядка. Исковое заявление адресуется на имя Секретаря Суда. Регламент Международного суда ООН в ст. 38 конкретизирует требования, предъявляемые Судом к подаваемому заявителем исковому обращению. В заявлении должна быть указана сторона, против которой возбуждается дело, а также предмет спора (п. 1 ст. 40 Статута Международного суда ООН). В представленном заявлении также по возможности должны содержаться: ссылка на то правовое постановление, которым заявитель имеет в виду обосновать юрисдикцию Суда; точное указание предмета спора: краткое изложение фактов и доводов, на которых основывается данное заявление, при условии дальнейших добавлений в меморандуме и тех доказательств, которые будут приложены к нему. Поскольку исковое заявление с просьбой о возбуждении дела является официальным документом данного государства, то, как и любой его юридический акт, оно должно быть подтверждено подписями официальных лиц соответствующего уровня. Подлинник заявления подписывается либо соответствующим официальным представителем стороны, его подающей, либо дипломатическим представителем этой стороны в месте пребывания Суда, либо, наконец, лицом, должным образом уполномоченным. Если документ подписан не дипломатическим представителем стороны в месте пребывания Суда, а другим лицом, эта подпись должна быть легализована этим дипломатическим представителем или компетентным органом *надлежащего* правительства.

Требование, выдвигаемое международным правом в отношении при-

сутствия в исковом заявлении точного указания предмета просьбы, краткого изложения фактов и доводов, которыми просьба подтверждается, представляется настолько обоснованным и существенным, что без его наличия Суд вообще может признать такую просьбу недействительной и расценить ее как злоупотребление правом на обращение в Суд. В случае такого заключения Суд отказывает заявителю в открытии производства по делу.

Противоправное поведение заявителя, проявляющееся в нарушении принципа добросовестности при исполнении процессуальных обязанностей, может выявить себя не только и не столько на стадии возбуждения дела, сколько уже непосредственно в процессе письменного производства.

Для нормального прохождения дела важно взаимодействие сторон с Судом при проведении двух частей судопроизводства. В ходе первой части производства – письменной – заявитель и ответчик должны в соответствии со ст. 43 Статута и ст. 45 Регламента Международного суда ООН сообщить Суду и сторонам меморандумы, контрмеморандумы, ответы и реплики на ответы. Эти сообщения в указанном выше порядке производятся через Секретаря Суда в порядке и в сроки, установленные Судом. Всякий документ, предъявляемый одной из сторон, должен быть сообщен другой в засвидетельствованной копии.

Изложенные требования носят четкий и однозначный характер. Они продиктованы прямой заинтересованностью Суда в создании условий для прохождения дела в нормальном порядке и в оптимальные сроки. Если намерения заявителя совпадают с общей

заинтересованностью Суда, то естественно было бы предположить, что он приложит максимум усилий в этом направлении и, конечно, точно в установленном Судом порядке и в точно установленные сроки добросовестно выполнит свои процессуальные обязанности. В частности, это касается сообщения Суду ответа после получения контрмеморандума противоположной стороны (ст. 43 Статута Международного суда ООН) или предъявления любого документа или объяснения, затребованного Судом до начала слушания дела (ст. 49 Статута Международного суда ООН). В том случае, когда заявитель систематически не сообщает Суду своего ответа, а также не предъявляет Суду срочно понадобившиеся документы или объяснения, Суду не остается ничего иного, как констатировать факт уклонения заявителя от добросовестного выполнения своих процессуальных обязанностей и вынести заключение о злоупотреблении заявителем своим правом на обращение в Суд. В ситуации, подобной изложенной здесь, Суд правомочен пойти двумя путями: или признать заявление недействительным и, соответственно, прекратить всякое последующее производство по иску, или просто вычеркнуть данное дело из списка дел, подлежащих рассмотрению. В том случае, когда Суд решит признать исковое заявление недействительным, его недействительность будет иметь относительный характер, т. е. будет признана, начиная с какого-то этапа письменного производства, а не с момента представления иска в Суд. Вместе с тем Суд может пойти и на такой исключительный шаг, как признать иск недействительным с самого начала. То есть исковое заявле-

ние становится абсолютно недействительным юридическим актом.

Каковы же основания для столь серьезного шага Суда? Логичной причиной для такого шага служат представление в Суд иска или же последующих процессуальных бумаг и документов, которые содержат заведомо фальшивую информацию и ставят своей целью ввести Суд в заблуждение, фальсифицировать весь процесс судебного производства. Признание Судом иска недействительным с самого начала здесь представляется шагом верным не только логически, но и с точки зрения международного права. Юридический акт государства (в данном случае иск заявителя), совершенный с обманным намерением субъекта ввести противоположную сторону (Суд) в заблуждение относительно мотивов своего поведения и конкретных обстоятельств дела, должен быть признан недействительным с самого начала. Следует ожидать такой же реакции Суда и в случае, когда иск или какой-либо последующий документ, поданный в порядке процессуальных действий заявителя, содержит оскорбительные выпады в адрес кого-либо из членов Суда или официальных лиц государства-ответчика, равно как его представителей, поверенных и адвокатов.

Принцип добросовестности, будучи важнейшим регулятивным принципом международного судопроизводства, в равной степени должен определять поведение как государства-заявителя, так и государства-ответчика. И это понятно. Без добросовестного выполнения обеими сторонами своих процессуальных обязанностей невозможно обеспечить нормальный ход судопроизводства и его успешное и справедли-

вое завершение. Представляется, что государства, принявшие в той или иной форме обязательную юрисдикцию суда, сами должны быть искренне заинтересованы в проведении на высоком правовом уровне судебного разбирательства. Потенциальная готовность государств своим добросовестным поведением максимально содействовать беспрепятственному прохождению судопроизводства выступает как логическое производное из факта их согласия передавать все возникающие споры на рассмотрение в беспристрастный судебный орган. На этом фоне случаи несоблюдения принципа добросовестности в поведении государств, например создание искусственных преград для нормального хода судопроизводства, следует рассматривать не просто как отдельные правонарушения, а как невыполнение основного фигурирующего здесь международного обязательства – признания обязательной юрисдикции Суда. Случаи противоположного поведения ответчика, как показывает практика Суда, бывают двух типов. Во-первых, государство выдвигает заведомо необоснованные предварительные возражения против компетенции Суда – общей или по конкретному делу. И во-вторых, государство, не явившееся в Суд или не представившее своих доводов, оспаривает действительность всего судебного разбирательства и, соответственно, решения Суда в целом под тем предлогом, что его аргументы по данному делу не были заслушаны. Вопросу о предварительных возражениях посвящена ст. 79 Регламента Международного суда ООН. Суть этого широко известного в практике Постоянной палаты международного правосудия и Суда процессуального инсти-

тута состоит в том, что он предваряет рассмотрение дела по существу. Любое предварительное возражение должно быть заявлено не позднее истечения срока, установленного для предъявления первого документа письменного судопроизводства, который должен быть представлен стороной, заявившей возражение. После получения Секретарем Суда заявления о возражении, рассмотрение дела по существу приостанавливается. Суд выносит постановление по возражению или присоединяет это возражение к производству по существу. Если Суд отвергает возражение или присоединяет возражение к производству по существу, он вновь определяет сроки для продолжения судебного разбирательства. В противном случае признание Судом обоснованности предварительных возражений в естественном порядке влечет за собой оставление дела без рассмотрения по существу.

Проблема допустимости предварительных возражений стала предметом интенсивных споров в науке международного права. Разногласия между учеными касались, в частности, того, возможно ли вообще выдвижение предварительных возражений в случае, когда дело начато путем нотификации специального соглашения. Вопрос о допустимости предварительных возражений в случаях, когда дело возбуждено путем заявления, уже был решен положительно в п. 1 ст. 38 Регламента Постоянной палаты международного правосудия (далее: Регламент ППМП). В ходе предпринятой реформы Регламента ППМП в 1934–1936 гг. Координационной комиссией было выдвинуто предложение внести редакционные изменения в п. 1 ст. 38 таким образом, чтобы представление любых

предварительных возражений стало допустимым с точки зрения правил процедуры. Предложение сделать допустимым заявление предварительных возражений в случае, когда дело начато путем нотификации Специального соглашения (компромисса), вызвало критические замечания значительного числа ученых (Д. Анцилотти, Фромажо, Ван Айсинга, М. Шерни)¹. Критика достаточно обоснованна. Допустимость выдвижения предварительных возражений против компетенции Суда (в случае наличия согласованного между сторонами компромисса, который наделял Суд соответствующей компетенцией) представляется несовместимой с самим фактом существования компромисса. Эта мысль удачно выражена М. Шерни в его курсе международного права, прочитанном в Гаагской академии международного права: «Именно само процедурное последствие – приостановление рассмотрения дела по существу – как результат заявления возражения представляется нам мало совместимым с существованием специального соглашения, по которому стороны намеревались передать спор в суд для разрешения дела по существу, и одновременно с этим – с фактом отсутствия различия сторон в отношении их позиции в судебном процессе»². Это последнее обстоятельство и было отмечено Постоянной палатой международного правосудия в решении от 15 августа 1929 г. о компетенции Европейской Комиссии по Одру: «...в деле, возбужденном в суде путем

¹ *Mabrouk M.* Les Exceptions de procedure devant les juridictions internationales. Paris, 1966. P. 179–180.

² *Scerni M.* La Procedure de la C.P.J.I. // RCADI. 1938. Paris, 1948. T. 65. P. 642.

компромисса... не существует ни истца, ни ответчика»¹. Так, известно, что, если дело возбуждается на основе специального соглашения, каждая из сторон представляет в один и тот же срок меморандум и контрмеморандум, а по необходимости ответы и реплики на ответы (ст. 46 Регламента ППМП). И наоборот, когда дело возбуждается на основе заявления, документы представляются в Суд в особом порядке: меморандум заявителя, контрмеморандум ответчика и соответственно, если Суд сочтет необходимым, ответ заявителя и реплика на ответ ответчика (ст. 45 Регламента ППМП).

Исследование вопроса о допустимости предварительных возражений в случае, когда дело возбуждается на основе специального соглашения (компромисса), имеет, наряду с общетеоретической значимостью, непосредственное отношение к рассматриваемому нами предмету, поскольку затрагивает поведенческий аспект деятельности сторон на стадии письменного судопроизводства. Не нарушает ли государство своим поведением принцип добросовестности, когда после возбуждения дела на основе согласованного текста компромисса оно выдвигает предварительные возражения против компетенции Суда? На наш взгляд, здесь налицо недобросовестное отношение государства к выполнению обязательства обратиться к Суду для разрешения межгосударственного спора. А это обязательство, как известно, составляет

суть компромисса – именно того специального соглашения, посредством которого возбуждается дело в Суде.

Все сказанное нами в отношении недопустимости с точки зрения принципа добросовестности заявления предварительных возражений в случае, когда дело возбуждается на основе компромисса, является естественным продолжением развития позиции той значительной и авторитетной части представителей науки международного права, которые в самых категорических выражениях указывали на неприемлемость в свете логики судебного производства выдвижения предварительных возражений против компетенции Суда в делах, возникших путем нотификации специального соглашения. Так, известный итальянский юрист, судья Постоянной палаты международного правосудия Д. Анцилотти с большим возмущением говорил о позиции государства, которое после возбуждения дела в Суде на основе имеющегося текста соглашения предприняло бы шаги по выдвижению возражения против компетенции Суда. Его коллега судья Постоянной палаты Фромажо со своей стороны задавал такой вопрос: как можно предоставлять заявителю право ссылаться на некомпетентность Суда, который компромисс наделил всей надлежащей компетенцией и к которому этот заявитель только что обратился? В таком же духе высказался и судья Ван Айсинга².

Ученых, высказавшихся столь категорически однозначно против допустимости предварительных возражений в делах, начатых путем нотификации специального соглашения (компромисса), можно понять и в целом принять

¹ Cour permanente de Justice internationale. Serie A. No. 23. P. 45. Об этом см.: Rosenne Sh. Procedure in the International Court. A Commentary on the 1978 Rules of the International Court of Justice. The Hague, 1983. P. 104–107.

² *Mabrouk M.* Op. cit. P. 180.

их понимание проблемы. Государства своими последующими действиями и поведением не вправе лишать самого существа соглашения, на основе которого ими было возбуждено дело в Суде. Вместе с тем здесь не учитывается следующее обстоятельство. Допустим, два государства на основе специального соглашения (компромисса) после того, как они точно определили объект спора, обратились в Суд в целях его урегулирования. Однако в ходе процедуры судебного разбирательства одно из государств в нарушение буквы и духа компромисса пошло на произвольное изменение объекта спора. Разве может в этом случае противоположная сторона перед лицом недобросовестного поведения другого государства быть лишена права выдвижения предварительных возражений против компетенции Суда? Отсюда представляется логически верным допустить возможность представления предварительных возражений против компетенции суда, когда одна из сторон своим недобросовестным поведением нарушает букву и дух компромисса, внося произвольные изменения в объект спора. В конечном итоге категоричность в позиции и суждениях противников допустимости предварительных возражений в случаях, когда дело возбуждено путем компромисса, сменилась на дух разумного восприятия проблемы. Фромажо, один из тех, чьи взгляды на этот счет были весьма категоричны, в итоге состоявшихся дискуссий не отрицал возможность случая, когда возражение против компетенции Суда допустимо (даже тогда, когда дело возбуждено путем нотификации компромисса): выполнение компромисса могло быть подчинено соблюдению определенно-

го условия. Соответственно, несоблюдение этого условия делает оправданным выдвижение предварительных возражений¹. К уже сказанному добавим, что ситуация в случае нарушения буквы и духа компромисса, когда одна сторона произвольно изменяет объект спора, вполне вписывается в рамки права международных договоров. Недобросовестное отношение одной из сторон специального соглашения, каким является компромисс, дает право другой стороне – участнику двустороннего юридического акта предпринять меры охранительного порядка (приостановить действие в целом или в части этого специального соглашения). Применительно к процедуре судопроизводства меры охранительного порядка принимают форму возражений против компетенции Суда. Компромисс, как известно, ставит своей целью наделить Суд соответствующей компетенцией. Возражение стороны в этом плане приостанавливает действие компромисса и как следствие устанавливает препятствие на пути наделения Суда предусматриваемой (согласно компромиссу) юрисдикцией.

Итогом реформы Регламента ППМП (1934–1936 гг.) явилась выработка ст. 62 Регламента, главный смысл которой (и соответственно ст. 67 Регламента 1972 г. и ст. 79 Регламента 1978 г.) состоит в том, что отныне вместо формулировки, допускавшей предварительные возражения только в делах, начатых на основе заявления, было зафиксировано положение, которое, помимо этого, позволяло представлять любые предварительные возражения также и в делах, которые возбуждают-

¹ *Mabrouk M.* Op. cit. P. 181.

ся на основе нотификации специального соглашения.

Все сказанное выше по вопросу о предварительных возражениях в аспекте добросовестного поведения государств на стадии письменного производства позволяет сделать некоторые выводы, имеющие непосредственное отношение к последующему анализу. Допустимость предварительных возражений не зависит от способа, посредством которого дело возбуждено в Суде. Это может быть специальное соглашение (компромисс) или одностороннее заявление. В принципе, могут быть заявлены любые предварительные возражения. Важным здесь представляется то обстоятельство, что предварительные возражения не должны носить характер необоснованного с точки зрения права и факта заявления, не содержащего каких-либо подтверждаемых доказательств и направленного с исключительной целью – создать искусственные преграды на пути нормального хода судебного разбирательства. Выдвижение подобного рода возражений против компетенции Суда, по сути дела, есть не что иное, как способ уклониться от добросовестного соблюдения международного обязательства о признании обязательной юрисдикции. Так, недопустимыми представляются предварительные возражения против компетенции Суда, выдвинутые под предлогом неюридического характера спора. Равным образом неприемлемы с точки зрения принципа добросовестности такие заявления ответчика, в которых отрицается юрисдикция Суда ввиду того, что специальное соглашение, наделявшее Суд соответствующей компетенцией, якобы прекратило свое существование, хотя на самом деле со-

глашение остается действующим международным правовым документом. Характерной и вполне логичной реакцией Суда на необоснованное с точки зрения факта и права возражение было его постановление, в котором Суд отвергал это возражение и переходил к рассмотрению дела по существу. На решение вопроса о том, отвергнуть или присоединить возражение к производству по существу, суд имеет все полномочия в силу ст. 79 Регламента Международного суда ООН.

В практике Суда последнего времени можно насчитать достаточное количество случаев, когда Суд отвергал возражение того или иного государства-ответчика как необоснованное с точки зрения права и факта и, соответственно, переходил к разбирательству по существу.

В аспекте исследуемого вопроса интерес представляют три дела: дело о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране, дело о континентальном шельфе Эгейского моря и дело о юрисдикции в области рыболовства.

В первых двух делах Суд однозначно и в категорической форме отверг предварительные возражения ответчиков (Ирана и Турции), в которых они оспаривали подсудность спора на том основании, что возникший спор якобы не являлся юридическим, а имел исключительно политический характер¹. Неприемлемость с точки зрения чистой судебной логики и недопустимость с позиций современного международного права заявлений о неюридическом характере спора очевидны. Принятие Судом возражения подобного рода в качестве сколько-нибудь юридически

¹ CIJ. Recueil. 1979. P. 15; 1980. P. 20; 1978. P. 13–14.

состоятельного тезиса противоречило бы принципу запрета *non-liquet* и подрывало бы устои общепризнанного понимания законченности международного права. Суд, как известно, не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Вся прежняя практика Суда и международного арбитража вряд ли могла создать почву для иллюзий тех государств, которые пытались под предлогом неюридического (политического) характера спора уклониться от добросовестного выполнения принятого обязательства о признании обязательной юрисдикции Суда (соответственно арбитражного обязательства). Так в общем-то и произошло, хотя в споре между Грецией и Турцией о континентальном шельфе Эгейского моря Суд по другим причинам констатировал свою неправомочность рассматривать данное дело ни по одному из оснований, на которые ссылается Греция. Вопрос о допустимости возражений со стороны государств в отношении неюридического характера спора, а именно по делу о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране и по делу о континентальном шельфе Эгейского моря, не могли обойти вниманием юристы-международники. Здравомыслие в объективной оценке практики Суда и заинтересованность в обеспечении понимания цельности международного права практически никогда не покидали ученых. Так было и в отношении указанных двух дел. Позиция ученых, вписываясь в общее русло вынесенных решений, принципиально отрицательна по отношению к заявле-

нию возражений на предмет якобы неюридического характера спора¹.

Суд как главный судебный орган ООН может решать и уже решает любые споры, переданные ему на разрешение сторонами. Даже весьма политизированные споры становятся предметом разбирательства. Суд никогда в своей практике не отвергал какой-либо спор только по причине присутствующих ему явно выраженных политических аспектов. И это понятно. Пойдя на такой шаг, Суд не только поставил бы под сомнение цельность международного правопорядка и подорвал бы общепризнанный характер принципа запрета *non-liquet*, но и сделал бы невозможным установление верховенства и господства права в международных отношениях. Эффективность мирового порядка в условиях господства права обусловлена возможностью урегулирования любых споров, поскольку известно, что отдельно чисто юридических и чисто политических споров просто не бывает. Споры, затрагивающие вопросы международного права, всегда, как правило, сопряжены с политическими интересами того или иного государства. На пустом месте, фигурально говоря, они не возникают. И просто так, без вмешательства международных судебных органов, позволяющих найти справедливое и юридически обязательное решение, они не прекращаются.

¹ *Elias T. O. The International Court and Some Contemporary Problems: Essays on International Law. The Hague, 1983. P. 56–57, 66 ; Sinclair I. Some Procedural Aspects of Recent International Litigation // ICLQ. London, 1981. Vol. 130. Pt. 2. P. 352 ; Rafat A. The Justiciability of Politicized Disputes // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. Geneve, 1983. No. 1. P. 5–6.*

Это обстоятельство Суд еще раз подтвердил в своем решении о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране. Напомним некоторые факты. Обязательная юрисдикция Суда по данному делу самым однозначным образом вытекала сразу из двух документов – факультативных протоколов к Венским конвенциям 1961 и 1963 гг. о дипломатических и консульских сношениях. Согласно постановлениям ст. 1 обоих протоколов споры по толкованию и применению конвенций могли передаваться в Суд по заявлению любой страны, являющейся участником настоящих протоколов. После того как Суд убедился, что оба государства, Иран и США, подписали протокол, он единогласно подтвердил свою юрисдикцию принять дело к производству на основе одностороннего заявления США¹. Будучи участниками обоих факультативных протоколов, США и Иран обладали равными правами в отношении возбуждения дела в Суде и, соответственно, несли равные обязательства в отношении добросовестного выполнения всех требуемых от них процессуальных обязанностей. Последнее обстоятельство предполагало содействие обеих сторон в достижении справедливого урегулирования спора в оптимально допустимые сроки. Между тем на фоне совершенно очевидного наличия у суда компетенции рассмотреть дело по существу позиция Ирана характеризовалась обструкционистскими действиями, направленными на создание искусственных преград на пути нормального прохождения данного дела. Иран нарушил принцип добросовестности при выполнении обязательства о признании обязательной юрисдик-

¹ CIJ. Recueil. 1979. P. 13–14.

ции, представив предварительные возражения против юрисдикции Суда. И это на фоне бесспорного наличия таковой у Суда. Более того, выдвинутый Ираном тезис о неюридическом характере спора и невозможности его разрешения через Суд был не более чем попыткой уклониться от четких и недвусмысленных постановлений факультативных протоколов к Венским конвенциям 1961 и 1963 гг., наделяющих Суд требуемой компетенцией для разрешения дела.

Выдвижение предварительных возражений, подобных тем, которые были заявлены Ираном, влечет за собой всегда, когда это, к сожалению, имеет место, негативные последствия для всей деятельности Суда, поскольку подрывает авторитет Суда и его дееспособность разрешать любые споры.

Суд, как и следовало ожидать, отверг возражения Ирана о неюридическом характере спора как несостоятельные. Судом в качестве антитезиса были выдвинуты два аргумента. В постановлении от 15 декабря 1979 г. (в котором Суд указал временные охранительные меры) Суд единогласно отметил, что захват посольства и его пользующегося международной защитой персонала «не может... рассматриваться как нечто “второстепенное” или “выходящее за пределы значимого” с учетом той важности, которую представляют собой затронутые в деле юридические принципы»². К уже сказанному Суд в своем решении по существу дела, вынесенном 24 мая 1980 г., добавил следующее: «... никогда ранее перед судом не выдвигалась точка зрения, предполагавшая, что, поскольку юридический спор, переданный на рассмотрение в суд, яв-

² CIJ. Recueil. 1979. P. 15.

лялся только одним аспектом политического спора, суд должен отказать сторонам в разрешении стоящих между ними юридических вопросов. В равной степени не представляется возможным найти какое-либо подтверждение указанной точки зрения в положениях ни Устава ООН, ни Статута Суда»¹.

Из двух представленных Судом аргументов второй, несомненно, имеет особое и непреходящее значение в аспекте подтверждения общей позиции Суда. А она на этот счет весьма однозначна: подсудность даже весьма политизированных споров. Правовые иски, как заключил Суд в своем решении, являются подсудными и могут быть урегулированы с помощью обязательных юридических средств даже в том случае, когда они составляют только один аспект политического спора. После того как суд удостоверился в подсудности ему дела согласно ст. 36 и 37 Статута Международного суда ООН и в том, что притязание истца имеет достаточное фактическое и правовое обоснование, он в полном соответствии с положениями ст. 53 Статута Международного суда ООН (Иран не явился в Суд и не представил своих доводов) вынес решение, в котором подтвердил основополагающее значение принципов международного права, применимых к дипломатическим и консульским отношениям.

Другим делом, решение по которому было вынесено 19 декабря 1978 г. на основании ст. 53 Статута Международного суда ООН ввиду неявки в суд ответчика, был спор между Грецией и Турцией о континентальном шельфе Эгейского моря. Значимость этого решения определяется не столько фактором действительности Суда, вынесшего

решение при отсутствии ответчика (Турции) и его нежелании совершать все требуемые процессуальные действия, сколько принципиальной позицией Суда по вопросу о несостоятельности возражений против его компетенции в силу неправового (политического) характера спора. Довод о некомпетентности Суда только в силу того, что спор не является юридическим и поэтому не может быть разрешен Судом, снова ставит под вопрос цельность международного права и косвенно допускает использование правила *non-liquet*. А это абсолютно неприемлемое и даже опасное для понимания эффективности международного права утверждение полностью противоречит практике международных судебных и арбитражных органов, которые постоянно подтверждали запрет *non-liquet*.

Суд в своем решении отверг аргумент Турции, что ее спор с Грецией имеет «глубоко политическую природу», по двум пунктам. Прежде всего постольку, поскольку, по мнению Суда, спор двух государств о делимитации их континентального шельфа вряд ли может вообще не иметь какой-то политической элемент. Вторым доводом Суда явилось заключение, что сам по себе спор был именно тем спором, «в котором главное составлял конфликт в отношении их взаимных прав». Греция как государство-заявитель настаивала на том, чтобы Суд высказался по всем представленным ею документам «в соответствии с принципами и нормами международного права»². Соответственно Суд нашел, что между Грецией и Турцией существует юридический спор в отношении разграничения континентального шельфа в Эгейском море, и пере-

¹ CIJ. Recueil. 1980. P. 20.

² CIJ. Recueil. 1978. P. 13.

шел к стадии рассмотрения своей юрисдикции применительно к этому спору.

Свои полномочия согласно ст. 53 Статута Международного суда ООН по разрешению дела в случае неявки ответчика Суд применил и в споре между Соединенным Королевством и Исландией о юрисдикции в области рыболовства. Здесь, как и в двух предыдущих примерах, Суд вынес свое решение при полном отсутствии ответчика в ходе производства. Однако между приведенными примерами существуют некоторые различия, в частности по вопросу о юрисдикции Суда. Так, если сравнивать это дело с делом о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране, то налицо два ярких примера, когда наличие у Суда юрисдикции рассматривать спор по существу почти не подвергалось сомнению. Однако любое сравнение (в том числе, что касается компетенции Суда) дела о юрисдикции в области рыболовства с делом о континентальном шельфе Эгейского моря сразу же вскроет те трудности, с которыми столкнулся истец (Греция) последнего при возбуждении дела в суде. Ведь известно, что в деле о континентальном шельфе Эгейского моря источник юрисдикции, на который ссылается заявитель, находился или мог находиться под вопросом по целому ряду причин. Известным представляется и тот факт, что сама допустимость заявления истца с точки зрения ее правового обоснования была открыта или могла быть открытой для оспаривания.

На фоне тех трудностей, с которыми столкнулся Суд в деле о континентальном шельфе Эгейского моря при установлении факта его подсудности (согласно ст. 36 и 37 Статута Междуна-

родного суда ООН), особых сложностей и вообще каких-либо сомнений в отношении факта существования компетенции Суда для разрешения спора между Соединенным Королевством и Исландией практически не существовало. Соглашение в форме обмена нотами от 11 марта 1961 г. прямо предписывало любой из сторон в случае возникновения спора о расширении юрисдикции в области рыболовства вокруг Исландии передавать право для его разрешения в Суд. Единственным затруднением, с которым столкнулся Суд, было не подтверждение факта наличия юрисдикции для разрешения дела (это было сделано в решении от 2 февраля 1973 г. в результате убедительного голосования в пользу существования такого факта – четырнадцать против одного), а неявка в Суд ответчика и полное нежелание с его стороны взаимодействовать с Судом по всем процессуальным действиям. Так, будучи информированным Судом в надлежащем порядке о своем решении от 2 февраля 1973 г. правительство Исландии отреагировало письмом министра иностранных дел от 11 января 1974 г., в котором было заявлено, что Исландия отказывается представлять контрмеморандум в установленные сроки.

Неконструктивная позиция Исландии хотя и создавала определенные сложности для нормального хода судебного процесса, но в конечном итоге не помешала Суду вынести решение. Положения ст. 53 Статута Международного суда ООН, позволившие Суду выполнить свою миссию, предполагали возможность осуществления Судом присущих ему функций в случае неявки одной из сторон или непредставления ею своих доводов. Однако до удо-

влетворения ходатайства заявителя о разрешении дела в его пользу Суд, естественно, должен удостовериться в подсудности ему дела согласно ст. 36 и 37 Статута Международного суда ООН, а также в том, имеет ли это притязание достаточное фактическое и правовое обоснование. Осознавая те сложности, с которыми могло столкнуться производство по делу при неявке одной из сторон и ее нежелании представить свои возражения в строгом соответствии с п. 2 ст. 79 Регламента Международного суда ООН, Суд подошел к анализу обоих условий конкретного применения ст. 53 Статута Международного суда ООН с присущей ему мерой ответственности. Вопрос о наличии собственной юрисдикции по делу и о том, насколько притязание Соединенного Королевства имело достаточное фактическое и правовое обоснование, были рассмотрены с должной тщательностью и скрупулезностью. В решении от 2 февраля 1973 г. сказано следующее: «Следует выразить сожаление о том, что правительство Исландии не смогло явиться для того, чтобы заявить свои возражения против юрисдикции Суда, которые оно, как представляется, имело. Тем не менее Суд в строгом соответствии со Статутом и его практикой должен исследовать *proprio motu* (по собственному почину) вопрос о своей собственной юрисдикции, для того чтобы иметь возможность рассмотреть заявление Соединенного Королевства. Более того, в настоящем деле обязанность Суда провести это расследование по своей собственной инициативе подтверждается положениями ст. 53 Статута Суда... Суд при рассмотрении своей собственной юрисдикции примет во внимание те возражения, которые, по его мнению,

могут быть выдвинуты против его юрисдикции»¹.

Во исполнение сказанного Суд впоследствии перешел к непосредственному анализу всех возможных возражений против его юрисдикции, которые были уже заявлены (в письме министра иностранных дел Исландии от 29 мая 1972 г. на имя Секретаря Суда) или могли быть заявлены Исландией. Хотя у Суда не было никаких сомнений в том, что спор точно подпадал под условия компромиссных постановлений, содержащихся в обмене нотами от 11 марта 1961 г., он тем не менее провел тщательное расследование всего хода переговоров, приведших к заключению соглашения в форме обмена нотами. Суд, в свою очередь, рассмотрел, но затем полностью отверг выдвинутый Исландией тезис, что соглашение в форме обмена нотами было совершенно под влиянием применения силы. По мнению Суда, история дипломатических переговоров, которая привела в 1961 г. к обмену нотами, показала, что соответствующее соглашение было разработано заинтересованными сторонами добровольно, на основе равенства и свободы принятия решения. Далее Суд отверг возможный аргумент со стороны Исландии, согласно которому объект и цель компромиссных положений заключенного соглашения были достигнуты, и поэтому само соглашение, соответственно, прекратило свое существование. И наконец, Суд в своем решении отвел значительное место обоснованной критике возможного аргумента Исландии, согласно которому соглашение 1961 г. прекращено ввиду коренного изменения обстоятельств. Суд со своей стороны отметил, что од-

¹ CIJ. Recueil. 1973. P. 7-8.

ним из основополагающих требований ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. является то, что изменение обстоятельств составляло существенное основание согласия участников на обязательность для них договора¹. Однако, заключил Суд, именно такого существенного изменения обстоятельств как раз и не было в данном случае. Соответственно, обмен нотами 1961 г. был признан Судом в качестве действующего и действительного с точки зрения международно-правового документа, который своими положениями прямо наделял Суд соответствующей юрисдикцией для принятия дела к производству и вынесения решения даже при неявке в Суд ответчика.

Анализ решений, вынесенных при неявке ответчика в Суд, свидетельствует о том, что сам факт неявки и/или непредставления своих доводов в форме контрмеморандума вызывает лишь незначительные первоначальные юридические последствия. Суд в соответствии с положениями ст. 53 Статута Международного суда ООН, перед тем как удовлетворить просьбу заявителя о разрешении дела в свою пользу, призван и обычно выполняет с достаточной степенью скрупулезности возложенные на него обязанности. А это, как известно, включает установление факта подсудности ему дела согласно ст. 36 и 37 Статута Международного суда ООН и определение того, насколько притязание истца имеет достаточное фактическое и правовое обоснование.

Не претерпевая особых юридических последствий негативного плана вследствие своей неявки и непред-

ставления своих доводов (поскольку Суд практически сам выполняет всю задачу по установлению подсудности и определению обоснованности иска заявителя), ответчик не вправе в результате своего недобросовестного поведения дополнительно усложнять работу Суда и получать незаконные преимущества процедурного характера. Со своей стороны Суд в такой ситуации должен проявлять максимум осторожности, чтобы косвенным путем не нанести ущерб правам того государства, которое добросовестно выполняло обязанности заявителя, в то время как государство, не явившееся в Суд, будет свободно от их соблюдения, используя другие средства для придания публичности своим взглядам. Что здесь имеется в виду?

Прежде всего речь идет о недопустимости злоупотребления процессуальными правилами. Практика разбирательства в Суде свидетельствует о наличии случаев, когда государство, получая практически все преимущества от статуса участника процесса, вместе с тем сохраняет за собой право не принимать в нем никакого участия. Так, отказываясь от явки в Суд и заявляя о своей незаинтересованности в настоящем разбирательстве, это государство в действительности развивает свою аргументацию с помощью серии обращений (которые Суд не может отклонить или не рассмотреть), как если бы оно само присутствовало и принимало участие в судебном процессе. Между тем при строгом анализе эти послания, представленные появившейся стороной, должны расцениваться как противоречащие существующим процессуальным правилам и, соответственно, недопустимые.

¹ CIJ. Recueil. P. 3, 18.

Конкретно недобросовестное отношение неявившейся стороны к выполнению процессуальных обязанностей может проявиться в попытках затягивать процесс на стадии вынесения временных охранительных мер, на стадии рассмотрения дела по существу, а также в попытках оспаривать решения Суда под предлогом лишения возможности высказаться по существу, хотя в действительности государство не воспользовалось предоставленной ему возможностью представить свою точку зрения по рассматриваемому делу в ходе письменной или устной части производства. Наиболее рельефно подобного рода действия появившейся стороны выглядят как недопустимые и противоречащие самому пониманию нормального судебного процесса на фоне принципа равенства сторон и принципа *audi alteram partem* (каждая сторона имеет равное право высказаться в Суде по всем вопросам права и факта). Принцип *audi alteram partem*, будучи производным от принципа равенства сторон, предполагает, что обе стороны имеют право изложить собственную точку зрения не только по какому-либо вопросу, находящемуся на рассмотрении Суда, но и по каждому письменному или устному заявлению противоположной стороны. Соответственно, в случае появления новых документов, изменения в юридическом основании искового заявления или дополнения к первоначальному иску другая сторона всегда обеспечена возможностью дать свой ответ или сделать соответствующий комментарий.

В целях упорядочения расследования процесс судопроизводства делится на две части – письменную и устную. Суд устанавливает определенные вре-

менные рамки для каждого процессуального действия. Все это подчинено задаче создать сторонам максимум возможностей для высказывания своей позиции по каждому вопросу, находящемуся в данный момент на рассмотрении Суда. Со своей стороны оба участника судебного процесса – истец и ответчик, – осознавая значимость предоставленных прав и в полной мере пользуясь ими, должны добросовестно выполнять все свои процессуальные обязанности, в частности, представлять в Суд все надлежащие документы (меморандум, контрмеморандум, ответ, возражения) в должной форме и в точно установленные сроки. По тому, насколько добросовестно та или другая сторона выполняет свои процессуальные обязанности, можно судить об общей позиции того или иного государства. Поскольку неявка в Суд уже сама по себе является существенным недостатком всякого производства, попытки искусственно затянуть процесс посредством чередующихся в разное время посланий Суду с намерением не дать заявителю возможности с достаточной степенью тщательности подготовить свой ответ и, наконец, несоблюдение сроков представления документов – все это характеризует неявившуюся сторону с крайне отрицательной стороны. Юридически оценить такое поведение иначе, как нарушение принципа добросовестности, трудно. Ведь даже не явившись в суд, сторона вполне может, не создавая Суду дополнительных сложностей, содействовать выполнению возложенной на него миссии по достижению справедливого урегулирования возникшего спора. В практике Суда хотя и не изобилуют, но тем не менее, к сожалению, еще имеют

место случаи, когда поведение неявившейся стороны невозможно охарактеризовать как содействующее решению Судом своей задачи в нормальном порядке и позволяющее завершить производство как можно скорее, на ранней стадии. А ведь в этом и состоит основное предназначение Суда в мировом сообществе – обеспечить в допустимо кратчайшие сроки разрешение спора и тем самым снять потенциальную напряженность между государствами (*interest reipublicae ut sit finis litium*)¹.

¹ *Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals.* London, 1953. P. 295.

Целенаправленный внешнеполитический курс Российской Федерации на обеспечение международного правосудия строится с учетом общей позиции России по поддержанию режима международной законности и правопорядка. Решимость, с которой Российская Федерация проводит меры по линии международной законности и правопорядка, предопределены пониманием универсальности и целостности международной правовой системы. Вклад России здесь прямо пропорционален ее статусу великой державы постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Библиографический список

1. *Elias T. O. The International Court and Some Contemporary Problems: Essays on International Law* / T. O. Elias. – The Hague, 1983.
2. *Monconduit F. L'Abus du droit de recours individuel devant la Commission Européenne des droits de l'homme* / F. Monconduit // *AFDI*. 1971. – Paris, 1972. – P. 347–365.
3. *Morelli G. Function et objet de l'intervention dans le proces international* / G. Morelli // *Essays in International Law in Honour of Judge Manfred Lachs*. – The Hague, 1984. – P. 403–409.
4. *Rafat A. The Justiciability of Politicized Disputes* / A. Rafat // *Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques*. – Geneve, 1983. – № 1.
5. *Rosenne Sh. Procedure in the International Court. A Commentary on the 1978 Rules of the International Court of Justice* / Sh. Rosenne. – The Hague, 1983.
6. *Scerni M. La Procedure de la C.P.J.I.* / M. Scerni // *RCADI*. 1938. – Paris, 1948. – T. 65.
7. *Sinclair I. Some Procedural Aspects of Recent International Litigation* / I. Sinclair // *ICLQ*. – London, 1981. – Vol. 130. – P. 2.

References

1. *Elias T. O. The International Court and Some Contemporary Problems: Essays on International Law.* The Hague, 1983.
2. *Monconduit F. L'Abus du droit de recours individuel devant la Commission Européenne des droits de l'homme.* *AFDI*. Paris, 1972. P. 347–365.
3. *Morelli G. Function et objet de l'intervention dans le proces international.* *Essays in International Law in Honour of Judge Manfred Lachs*. The Hague, 1984. P. 403–409.
4. *Rafat A. The Justiciability of Politicized Disputes.* *Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques*. Geneve, 1983. № 1.
5. *Rosenne Sh. Procedure in the International Court. A Commentary on the 1978 Rules of the International Court of Justice.* The Hague, 1983.
6. *Scerni M. La Procedure de la C.P.J.I.* *RCADI*. 1938. Paris, 1948. T. 65.
7. *Sinclair I. Some Procedural Aspects of Recent International Litigation.* *ICLQ*. London, 1981. Vol. 130. Pt. 2.

Р. Б. Головкин, Д. А. Лепёшин

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЛИДЕРСТВО» И «РУКОВОДСТВО»

Аннотация. Статья посвящена изучению соотношения понятий, обозначенных терминами «лидерство» и «руководство», а также исследованию отражения данного соотношения в действующем законодательстве.

Ключевые слова: лидерство, лидер, руководство, руководитель, общественные отношения, управление, исполнительно-распорядительная деятельность, действующее законодательство.

R. B. Golovkin, D. A. Lepyoshin

LEGAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS «LEADERSHIP» AND «GUIDANCE»

Abstract: The article is devoted to the study of the relationship between the concepts denoted by the terms «leadership» and «guidance», as well as research reflect this ratio in the current legislation.

Key words: leadership, leader, guidance, supervisor, public relations, management, executive and administrative activity, the legislation.

Стабильность функционирования и жизнедеятельности общества зависит от целого ряда факторов, обуславливающих данные процессы. Среди таких факторов важное место занимают явления лидерства и руководства, с помощью которых осуществляется воздействие на поведение людей путем его организации и управления.

Явления лидерства и руководства – сложны, многогранны и многофункциональны, они тесно переплетаются, взаимодействуют и развиваются. В целях повышения эффективности управления социальными процессами целесообразно подробнее исследовать различные ипостаси явлений лидерства и руководства, соотнести их между собой.

Явления лидерства и руководства принципиально важны для многих сфер жизнедеятельности общества: для политики, экономики, духовной жизни и т. д. В первом приближении лидерство – это то же самое, что и ру-

ководство, это способ влияния и управления. Для многих лидер – это предводитель, впередсмотрящий, руководящий людьми и двигающий к цели¹.

В философии под лидерством понимают умение одного человека увлечь делом или идеей многих; готовность нести ответственность не только за себя, но за целую группу людей; активное устремление к успеху; умение так организовать взаимодействие с людьми, чтобы каждый искренне захотел достичь поставленной лидером цели; сила характера + воля к победе + прекрасный дар убеждения; умение равно позитивно взаимодействовать с теми, кто слабее духом, с равными и сильнейшими².

¹ Тихонов А. К. Лидерство // Вестн. НЛП. URL: <http://vestniknlp.ru/index.php?sid=250&did=891> (дата обращения: 20.11.2014).

² Новейший философский словарь. URL: <http://www.xarakter.net/virtues/roman/authority/desc.php> (дата обращения: 20.11.2014).

С психологической точки зрения лидерство – это отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе. В контексте отношений власти лидерство подразумевает продолжительное, а неспорадическое осуществление власти, как правило, сопряженное с личностными характеристиками субъекта – лидера¹.

Термин «лидерство» (leadership) произошел от английского глагола «lead», что означает:

1) вести, быть проводником, приводить; to lead troops against the enemy ≈ вести войска против врага; to lead a horse by the bridle ≈ вести лошадь под уздцы. The path leads down to the river. ≈ Тропинка ведет к реке, и т. д.;

2) возглавлять, руководить, стоять во главе, управлять, командовать, председательствовать².

Таким образом, принимая во внимание значение слова «лидерство», можно заключить, что лидерство предполагает управление группами людей, основанное на личном примере лидера и на его личностных свойствах и качествах.

Лидерство рассматривается в политологии как один из механизмов регулирования отношений людей, социальных групп, институтов, общества в целом. Его сущность составляют отношения доминирования и подчинения, влияния и следования³.

Наиболее близким по смыслу к понятию «лидерство» является слово «руководство». В управленческой ли-

тературе руководство – одно из центральных понятий в теории организации и управления, которое может быть определено: либо как персонифицированная деятельность должностного лица в организации, связанная с непосредственным управлением персоналом (деятельность по управлению человеческими ресурсами в организации); либо как проявление лидерства в системе формальных отношений; либо как тип организационного поведения, обусловленный определенным должностным статусом и предусматривающий властные полномочия⁴.

В толковых словарях русского языка у слова «руководство» в основном выделяют четыре значения:

1. Действие по глаголу «руководить», деятельность руководителя. «Искусство руководства есть серьезное дело» (И. Сталин). Поручить кому-нибудь руководство чем-нибудь.

Действие по глаголу «руководиться» (канцеляризм.). Принять к руководству. Сообщается для руководства.

2. То, что руководит, чем нужно или можно руководиться. Марксизм – не догма, а руководство к действию.

3. Учебник, пособие для изучения чего-нибудь. Руководство по истории партии. Полезное руководство.

4. Руководители, коллектив, руководящий чем-нибудь. На заводе сменилось руководство. Новое руководство значительно оживило работу предприятия. Коммунистическая партия и ее руководство⁵.

В результате комплексного анализа действующего законодательства

¹ Словарь социальной психологии. М., 2001.

² Большой англо-русский и русско-английский словарь. М., 2001.

³ Хейвуд Э. Политология : учеб. для студентов вузов / пер. с англ.: Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М., 2005. С. 544.

⁴ Руководство. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.12.2015).

⁵ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.

удалось выяснить, что термин «руководство» в законодательных актах используется более тысячи раз¹. Представленные в правовых предписаниях и выражающем их законодательстве смыслы термина «руководство» более многочисленны, нежели словарные значения данного термина. В законодательстве под словом «руководство» понимаются:

- система органов и должностных лиц, осуществляющих управление в какой-либо сфере жизнедеятельности;
- основополагающая идея, руководящее начало управленческой деятельности;
- вид управленческой деятельности;
- вид правотворчества;
- форма ответственности за реализацию управленческой деятельности;
- одна из функций государства;
- вид властно-организующих действий;
- общее или непосредственное управление;
- персонифицированный формальный лидер;
- группа лиц, обладающих полномочиями по управлению коллективом;
- инструктивный технико-юридический или нормативный правовой акт.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что данный термин используется для обозначения и правового закрепления близких, но различных по объему значений понятий, которые взаимно пересекаются, образуют достаточно целостный регулятивно-смысловой комплекс в виде нормативных и индивидуальных правовых предписаний.

В целом использование в законодательстве различных значений термина «руководство», с одной стороны, позволяет повысить эффективность правового регулирования общественных отношений за счет стандартизации обыденных и информационно-справочных смыслов, обозначаемых как «руководство», с другой стороны, полисемантизм термина «руководство» способствует максимальному охвату

¹ См., напр.: Об участии граждан в охране общественного порядка : федер. закон от 2 апр. 2014 г. № 44-ФЗ. Ст. 13. Руководство деятельностью народных дружин // Рос. газ. 2014. 4 апр. ; О внешней разведке : федер. закон от 10 янв. 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.). Ст. 12. Руководство органами внешней разведки Российской Федерации // Там же. 1996. 17 янв. ; О таможенном регулировании в Российской Федерации : федер. закон от 27 нояб. 2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.). Ст. 3. Руководство таможенным делом в Российской Федерации // Там же. 2010. 29 нояб. ; Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей : федер. закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.). Ст. 14. Руководство работами по ликвидации чрезвычайных ситуаций // Там же. 1995. 31 авг. ; Об обороне : федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.). Ст. 13. Руководство и управление Вооруженными Силами Российской Федерации // Там же. 1996. 6 июня ; О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации (вместе с «Положением о формировании федеральных кадровых резервов федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации») : указ Президента Рос. Федерации от 13 дек. 2012 г. № 1653 (ред. от 1 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 51, ст. 7170 ; О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 28 нояб. 2015 г.). Ст. 17–19 // Там же. 1995. № 47, ст. 4472 и др.

различных сторон властно-управленческих отношений.

Установив, что «руководство» и «лидерство» – это родственные явления, для адекватного их соотношения авторами было проведено социологическое исследование.

Исследование проводилось на базе Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых и Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. В процессе исследования было опрошено 122 курсанта 3–4-х курсов, 86 студентов 1–4-х курсов. Опрос проводился в виде закрытого анкетирования, без учета демографических факторов¹.

Гипотеза опроса предполагала, что лидерство и руководство – это общественные отношения между особыми субъектами – лидером (руководителем) и другими лицами, осуществляющими вслед за указанным субъектом ту же деятельность, что и он. Руководитель (лидер) в свою очередь личным примером и с помощью других средств оказывает воздействие на лиц всей группы, где он лидирует. Лидерство (руководство) основывается на социальном регулировании и само может выступать способом регулирования (в том числе правового) общественных отношений. Опросные листы были подготовлены с вариантами ответов, причем допускалось несколько вариантов ответов на один вопрос, вслед-

ствие чего по некоторым вопросам общий процент ответов превысил сто процентов. Все вопросы условно можно подразделить на несколько групп.

Первая группа вопросов касалась представлений участников о лидерстве и руководстве и их сущности и свойствах.

На вопрос о сущности лидерства и руководства примерно половина респондентов (50,2 %) ответили, что это общественное отношение, в силу которого наиболее харизматичная личность «ведет» за собой при осуществлении какого-либо процесса, а руководитель – это, как правило, формальный лидер, наделенный полномочиями лидера законом. Другая, значительная часть, опрошенных (22,4 %) рассматривает лидерство как внутренние качества личности, стремление ее быть первым во всем, а руководство – это внешнее оформление этих качеств.

Не менее многочисленная группа (17,2 %) отметила в своих ответах, что и лидерство, и руководство – в большей степени это управление коллективом определенной личностью (лидером или руководителем).

На вопрос о том, чего больше пользы или вреда от лидерства, большинство респондентов (48,5 %) ответило, что от лидерства и польза, и вред равны. Достаточно много участников социологического исследования (20,9 %) отметили вред от формального лидерства, т. е. руководства. В целом результаты анкетирования по данной группе вопросов свидетельствуют о верных представлениях курсантов и студентов о сущности лидерства и руководства.

Вторая группа вопросов была направлена на изучение отражения в сознании респондентов понятия и сущно-

¹ Головкин Р. Б., Лепёшин Д. А. Руководство, лидерство, право, отношения (по материалам социологического исследования) // Бъдещето въпроси от света на науката : материали за 10-а междунар. науч. практ. конф. София, 2014. Т. 9 : Закон. С. 32–41.

сти юридических свойств лидерства и руководства.

На вопрос о том, что такое юридическое лидерство, больше всего респондентов (34,2 %) ответили, что это регулируемая правом разновидность общественных отношений, в которых лидерство и руководство формально отражено в законе. Данное отражение может иметь позитивное значение в случае закрепления как вариант правомерного поведения (например, лидерство в общественных объединениях, руководство образованием и т. д.), либо как вариант противоправного поведения (например, лидерство в преступных группировках, руководство преступным сообществом и т. д.).

На вопрос о том, совпадает ли при осуществлении правомерной юридической деятельности руководство и неформальное лидерство, большинство опрошенных участников (46,6 %) ответили, что чаще совпадает.

На вопрос, можно ли отнести к отношениям юридического лидерства (руководства) взаимосвязи господства и подчинения (власти), дали положительные ответы: «да» – 29,5 % и «может быть» – 26,6 %. Анализ ответов на рассматриваемую группу вопросов позволяет заключить, что основная масса респондентов имеют сформированное в сознании адекватное отражение сущности юридического лидерства как преимущественно-формального руководства.

В рамках третьей группы вопросов изучались понятия «лидер», «руководитель», их признаки, характер взаимоотношений руководителя (лидера) и его группы, а также внешнее отношение к лидеру других лиц, не являющихся членами группы лидера.

На вопрос о понятии «лидер» больше всего респондентов (34,2 %) ответило, что это лицо, наделенное государственно-властными полномочиями, т. е. фактически отождествили понятия «лидер» и «руководитель». 26,7 % респондентов ответили, что лидер – это авторитетный человек, возглавляющий какую-либо социальную группу.

Значительное предпочтение отдали респонденты (21,0 %) ответу, согласно которому лидер – это индивидуальный или коллективный субъект, оказывающий решающее влияние на деятельность других людей.

Иными словами, все ответы в данной группе так или иначе совмещали лидерство и руководство. Достаточно «ровные» ответы обусловлены, скорее всего, тем, что все пункты перечня ответов фактически правильные, но неполные, отражающие лишь отдельные свойства лидерства. На этом фоне, к сожалению, очень мало опрошенных отметили «правильность» всех вариантов ответов (7,9 %).

На вопрос о том, бывали ли случаи, когда участника анкетирования признавали лидером либо руководителем, большинство респондентов ответили положительно: достаточно часто – 47,6 %, более или менее часто – 34,5 %.

Относительно внешних информационных аспектов лидерства в стране большинство респондентов (52,4 %) ответили, что информацию о лидерах (руководителях) государства получают из средств массовой информации.

На вопрос, можно ли считать, что лидеры в общественных отношениях, в том числе в правовых, формируют целевые установки других субъектов процесса, возглавляемого лидером, большинство участников (34,4 %) от-

ветили относительно нейтрально: и «да», и «нет». Прочие ответы фактически также свидетельствуют о паритете мнений: в большей степени согласен(а) – 28,6 %, скорее не согласен(а) – 19,0 %.

В общем участники исследования относительно однозначно выявляют свойства лидера, особенности его бытия, индивидуально авторизируют и самоидентифицируют себя с лидером (руководителем).

Четвертая группа вопросов посвящена *установлению особенностей и свойств юридического лидерства и юридических лидеров, иными словами, юридически оформленного руководства и юридически оформленного руководителя.*

На вопрос о сущности юридического лидерства, большинство анкетированных лиц (34,2 %) ответили, что это регулируемая правом разновидность общественных отношений, в которых одно лицо (руководитель) доминирует и управляет другими лицами для достижения целей правового регулирования.

24,2 % респондентов положительно ответили на вопрос о том, что юридическое лидерство – это законная деятельность харизматичных личностей по управлению различными коллективами.

Достаточно большой процент (22,7 %) набрал следующий ответ: юридическое лидерство – это противоправная деятельность преступных авторитетов и руководителей организованных преступных сообществ, в силу которых организуются для противоправной деятельности определенные группы людей. Такое распределение ответов свидетельствует о низком уровне доверия формальному позитив-

но ориентированному лидерству и руководству.

Понятие «юридический лидер» большинство анкетированных (34,2 %) определили как лицо, наделенное юридическими полномочиями по изданию нормативных правовых актов и их реализации. Остальные предпочтения распределились примерно поровну: юридический лидер – это лицо, обладающее субъективными правами и обязанностями по отношению к другим участникам правоотношений (20,2 %); юридический лидер – это признаваемый правом авторитетный человек, возглавляющий какую-либо социальную группу (22,5 %); юридический лидер – это представитель государственной власти или органов местного самоуправления (14,2 %). Все перечисленные определения вместе образующие понятие юридического лидерства, отметили лишь 7,9 % участников анкетирования. На все остальные вопросы данной группы, касающиеся отдельных свойств юридического лидерства и юридических лидеров, касающиеся классификационных и сущностных моментов юридического лидерства ответы распределились приблизительно пропорционально. Общие представления по вопросам данной группы у студентов и курсантов имеются, они более или менее адекватны и позволяют в среднем верно судить о юридическом лидерстве как об оформленном юридически руководстве, а юридический лидер – это надлежащим образом оформленный в соответствии с законом руководитель.

Таким образом, как показало социологическое исследование, понятия «лидерство» и «руководство» воспринимаются в сознании респондентов

как близкие, пересекающиеся, а в случае правовой регламентации этих отношений как тождественные явления. Вместе с тем, как следует из анализа соотношения словарных значений терминов «лидерство» и «руководство», это близкие по содержанию, но все же не тождественные явления, объем этих понятий несколько отличается. При этом данные явления только на первый взгляд соотносятся как целое (руководство) и часть (лидерство). Это соотношение несколько глубже и сложнее, что обуславливается словарным значением слова «лидерство» – это лишь один из видов руководства. Тем не менее лидерство возможно и без руководства, например в отношениях, где индивидуальный успех лидера обеспечивает стремление остальных субъектов данных отношений к подобному успеху. Кроме того, термин «лидерство» может означать и простое первенство в каком-либо процессе, например в спорте. Следовательно, понятия «лидерство» и «руководство» соотносятся как два самостоятельных взаимопроницающих явления. Неформальное лидерство – это естественно сложившиеся отношения лидерства. Идеальный вариант для осуществления того или иного процесса – это когда формальный и неформальный лидеры выступают в одном лице.

Следует отметить и законодательную особенность соотношения понятий «лидерство» и «руководство». Как правило, при использовании в законодательстве термина «руководство» применительно к определенным субъектам, подразумевается руководитель – формальный лидер. В этом смысле понятия «лидерство» и «руководство» по объему совпадают. Иными словами,

руководитель – это признанный законом лидер в какой-либо сфере общественных отношений. Хотя и встречаются случаи, когда понятия «лидер» и «руководитель» разграничиваются в нормативных правовых актах¹ прямого закрепления. Специфика законодательного закрепления лидерства в форме руководства выражается в том, что, как правило, формальный лидер – руководитель через некоторый промежуток времени становится и неформальным лидером, даже если изначально его лидерские качества явно не выражены. Следовательно, лидерство является основой руководства, а руководство – это способ реализации лидерства. Если соотносить лидерство и руководство, то на первый взгляд лидерство представляется шире, нежели руководство, так как руководство – это, как правило, лишь формальное лидерство. Однако даже неформальный лидер осуществляет руководство в группе, где он является неформальным лидером. Следовательно, руководство – это функция любого лидерства, а лидерство – внутренняя сторона руководства.

По характеристике, ориентированной на достижение определенных результатов, возглавляемой руководителем (лидером) группе людей можно судить о степени успешности самого руководителя и успешности осуществляемого им руководства. Следо-

¹ Например, это следует из смысла наименования, закрепленного приказом Росмолодежи от 14 января 2013 г. № 2 «Об утверждении Положения о Всероссийском конкурсе лидеров и руководителей детских и молодежных общественных объединений “Лидер XXI века”» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»).

вательно, лидерство, как и руководство, – это общественное отношение между особым субъектом – лицом в силу формальных и неформальных обстоятельств, обладающим возможностью доминировать над другими лицами и осуществлять реализацию общественного отношения в виде преимущественно одностороннего управляющего воздействия на участников общественных отношений. Это управляющее воздействие осуществляется на основе социальных, в том числе правовых, норм. Право – это регулятор поведения руководителя (лидера) и его группы в государственно-властных и иных отношениях с формальным лидерством (например, лидерство в общественных объединениях регулируется не только внутриорганизационными нормами, но и правом). Связь права с руководством и лидерством обуславливает наличие относительно обособленного вида лидерства и руководства, которое можно обозначить как *юридическое руководство и лидерство*.

Следует иметь в виду и тот факт, что отношения формального и неформаль-

ного лидерства сами могут выступать в качестве социального регулятора, являясь, по сути, одним из организующих и стабилизирующих факторов жизнедеятельности общества в прошлом, настоящем и, по-видимому, в будущем.

Таким образом, в целом *руководство и лидерство как особые общественные отношения, регламентированные юридическими нормами, фактически по многим параметрам совпадают, при этом руководство – это характеристика внешнего проявления лидерства, а лидерство – это внутреннее проявление руководства*.

Однако если рассматривать значения данных терминов, которые проявляются в действующем законодательстве, то термин «руководство» используется для обозначения большего круга явлений, нежели термин «лидерство». Дело в том, что руководство – это не только комплекс психических качеств руководителя и его участие в общественных отношениях, но руководство – это, как уже указывалось выше, и управляющие субъекты, и принцип властно-управляющей деятельности, и технико-юридический инструктивный акт.

Библиографический список

1. Головкин Р. Б. Руководство, лидерство, право, отношения (по материалам социологического исследования) / Р. Б. Головкин, Д. А. Лепёшин // Бъдещето въпроси от света на науката : материали за 10-а междунар. науч. практ. конф. – София : «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2014. – Т. 9 : Закон. – С. 32–41.

2. Хейвуд Э. Политология : учеб. для студентов вузов / Э. Хейвуд ; пер. с англ.: Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

References

1. Golovkin R. B., Lepyoshin D. A. Management, Leadership, Law, Relations (on Materials of Sociological Research). *Bytedata Vybroshi from the Light on Naukata*. Sofia, «Byal GRAD-BG» LTD, 2014. Vol. 9. The Law. P. 32–41.

2. Hejvud E'. Politics. Transl. from English G. G. Vodolazov, V. Yu. Yel'skij. M., YUNITY-DANA, 2005. 544 p.

Р. Б. Головкин, А. В. Соколова

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНЖИНИРИНГА

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и инновационных свойств инжиниринга в современной России. Исследуются правовое закрепление инжиниринговой деятельности, обосновывается наличие юридического инжиниринга, выводится его понятие.

Ключевые слова: инжиниринг, законодательство, инжиниринговые услуги, инжиниринговые фирмы, юридический инжиниринг.

R. B. Golovkin, A. V. Sokolova

THE CONCEPT OF LEGAL ENGINEERING

Abstract. The article deals with the essence and properties of innovative engineering in modern Russia. The author examines the legal consolidation of engineering activities, substantiates the existence of legal engineering, it displayed the concept.

Key words: engineering, legislation, engineering services, engineering firm, law engineering.

В настоящее время отечественное государство вновь находится в состоянии непрекращающихся реформ во всех сферах жизнедеятельности общества, на фоне процессов мирового кризиса в политике и экономике, девальвации духовных ценностей и самой жизни человека. В этих условиях руководством страны взят курс на инновационное развитие общества, внедрение в производство и экономику передовых технологий, которые позволят обеспечить нужды населения страны и неприкосновенность нашего государства.

Одним из перспективных элементов форм инновационного развития России является *инжиниринг*. На основе анализа мирового рынка, проведенного Международной ассоциацией инженеров-консультантов в 2006 г., стоимость оборота инжиниринговых услуг оставляла около 260 млрд долл. Уже к 2013 г. стоимость оборота возросла до 530 млрд долл. По прогно-

зам к 2020 г. оборот инжиниринговых услуг превысит триллион долларов. В современном отечественном государстве объем инжиниринга оценивается в 1,5 трлн руб. Прогнозируется, что к 2018 г. он составит 2,8 трлн руб. Планируется формирование совместных инжиниринговых компаний. Намечены перспективы увеличения доли инжиниринговых контрактов в механизмах внутренней экономической деятельности. Инжиниринговая деятельность является важным направлением развития России, не случайно Президент Российской Федерации 15 февраля 2012 г. поручил Правительству Российской Федерации обеспечить принятие решений, направленных на развитие и поддержку отечественного инжиниринга, включая инжиниринг в отношении инновационных проектов и опытно-промышленного производства». На основе данного поручения принят ряд

постановлений правительства и программ развития инжиниринга¹.

Инжиниринг, инжиниринговая деятельность – это сложное многостороннее явление, сравнительно новое в нашей стране, но уже опосредованное целым рядом нормативных правовых и правоприменительных актов. Сегодня в более чем тысячи нормативных правовых актов России содержится упоминания либо о самом инжиниринге, либо о составляющей его деятельности. Тем не менее понимание инжиниринга противоречиво, а его юридическая составляющая вообще не учитывается. В связи с данными обстоятель-

¹ Приказ Минэкономразвития России от 24 апреля 2013 г. № 220 о создании и развитии региональных центров инжиниринга для поддержки производственных предприятий и инжиниринговых компаний малого и среднего бизнеса (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); поручение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2013 г. № ДМ-П8-3464 о создании и развитии инжиниринговых центров на базе образовательных организаций высшего образования. План мероприятий («дорожная карта») в области инжиниринга и промышленного дизайна (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 1300-р) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. II, ст. 4184); постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2014 г. № 134 об утверждении субсидий на реализацию пилотных проектов в области инжиниринга и промышленного дизайна. Подпрограмма 19. «Развитие инжиниринговой деятельности и промышленного дизайна» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328) (Там же. 2014. № 18, ч. IV, ст. 2173); приказ Минпромторга России от 24 декабря 2013 г. № 2076 «Об образовании Совета по инжинирингу и промышленному дизайну при Минпромторге России» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

ствами и в целях совершенствования данного вида инновационной деятельности требуется исследование сущности понятия и юридических свойств инжиниринга.

Согласно современной энциклопедии термин «инжиниринг» в английской транскрипции – engineering, произведен от латинского ingenium, обозначающего изобретательность, выдумку, знания. Сегодня инжиниринг – это предоставление на платной основе различных услуг инженерно-консультационного плана, предпроектные, проектные, послепроектные; рекомендации по эксплуатации оборудования, реализации получаемой продукции и др. Инжиниринговая деятельность широко представлена в международной экономической жизни, а также как одна из форм международных коммерческих связей в сфере науки и техники².

В Большом энциклопедическом словаре содержание термина «инжиниринг» раскрывается несколько по-другому и рассматривается, прежде всего, как вид транснационального рыночного взаимодействия в сфере науки и техники, главное направление данного взаимодействия – это предоставление услуг по доведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства³.

Более основательно, с учетом проявления направлений деятельности внутри инжиниринга, дано определение в Большом юридическом словаре. Инжиниринг – это проектно-консультационная, подрядная и управленческая дея-

² Современная энциклопедия. М., 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19726> (дата обращения: 11.02.2016).

³ Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

тельность, проводимая *специализированными фирмами* самостоятельно или с привлечением субпоставщиков под конкретный заказ заинтересованного лица. Инжиниринг может заключаться в выполнении заказов на технико-экономические исследования и обоснования целесообразности развития новых производств, сооружения или реконструкции промышленных объектов. При этом могут быть выполнены заказы на составление технических заданий, проведены предпроектные и научно-исследовательские работы, проектирование технологических процессов, приемов и способов, конструкторская проработка машин, оборудования, установок, приборов, изделий, разработаны составы материалов, сплавов, других веществ и проведены их испытания, проведены инженерно-изыскательские, проектные и иные работы для строительства объектов, разработка предложений по внутривзаводской и внутрицеховой планировке, межоперационным связям и переходам, проведены консультации и авторский надзор при шеф-монтаже, пусконаладочных работах и эксплуатации оборудования и объекта в целом, консультации экономического, финансового или иного порядка¹.

Как следует из представленного определения понятия «инжиниринг», это сложная, многоуровневая деятельность инновационного технико-экономического плана. Вместе с тем имеющиеся в справочной литературе определения (даже в юридической) не учитывают юридическую составляющую

¹ Большой юридический словарь онлайн. URL: http://www.mos360.ru/law_dictionary/36012/36012.html?PAGEN_1=345#VrA2ZkPo6EA (дата обращения: 15.02.2016).

инжиниринга, которая согласно действующему законодательству и логике развертывания инжиниринговых отношений обязательно присутствует в правовых отношениях.

Для уточнения понятия «инжиниринг» и выявления объема его юридических свойств обратимся вначале к анализу использования данного термина непосредственно в действующем законодательстве.

Некоторые нормативные правовые акты содержат дефинитивные элементы инжиниринга в целом и инжиниринга, опосредуемого тем или иным нормативным правовым актом. Так, п. 2 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским операторам услуг на возмещение части затрат на приобретение специализированного инжинирингового программного обеспечения..., утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2014 г. № 1200 (в ред. от 11 мая 2015 г.) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским операторам услуг на возмещение части затрат на приобретение специализированного инжинирингового программного обеспечения с целью повышения доступности специализированного инжинирингового программного обеспечения для конечных пользователей индустрии инжиниринга и промышленного дизайна в рамках подпрограммы “Развитие инжиниринговой деятельности и промышленного дизайна” государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”»², за-

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 47, ст. 6560.

крепляет дефиницию «специализированное инжиниринговое программное обеспечение». Согласно данному акту специализированное инжиниринговое программное обеспечение определяется как система программных продуктов, которые реализуются для обеспечения проектирования на всех или отдельных стадиях формирования объектов и их составных частей, расчет, анализ и моделирование физических механизмов, а также подготовка технологии процесса производства.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по специальности 14.05.02 Атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг (уровень специалитета) закрепляются объекты, на которые направлена инжиниринговая деятельность выпускников. Из контекста видов данной деятельности можно судить об объеме понятия «инжиниринг». Пункт 4.2 закрепляет в качестве объектов профессиональной инжиниринговой деятельности выпускников: ядерные и физические процессы, реализуемые в технике, призванной вырабатывать и использовать ядерную тепловую энергию; оборудование ядерных энергетических установок; процессы контроля, управления, защиты и диагностики состояния ядерных энергетических установок; информационные и измерительные приборы, системы контроля, управления, защиты и обеспечения безопасности, программно-технические комплексы информационных и управляющих систем ядерных энергетических установок; управление технологическими процессами атомных электростанций; безопасность эксплуатации и радиационный контроль атомных объектов и установок.

Кроме того, этот же нормативный правовой акт закрепляет и виды инжиниринговой деятельности выпускников: это научно-исследовательская, проектная, производственно-технологическая, организационно-управленческая виды деятельности¹.

Подобным же образом сконструирован и приказ Минтруда России от 13 октября 2014 г. № 712н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист промышленного инжиниринга в автомобилестроении”». Инжиниринговая деятельность выпускников в себя включает: анализ, конструирование, моделирование процесса производства и его совершенствования; установление проблем осуществления производства и участие в его совершенствовании; участие в разработке политики и организации развития инжиниринга организации².

В некоторых актах закрепляется служебная документация, которая составляет в процессе осуществления инжиниринговой деятельности. Например, согласно приказу Минкультуры России от 31 июля 2007 г. № 1182 (в ред. от 28 апреля 2011 г.) «Об утверждении Перечня типовых архивных документов, образующихся в научно-технической и производственной деятельности организаций, с указанием сроков хранения» к данным документам относятся: отчеты, справки, за-

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 14.05.02 Атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг (уровень специалитета) : приказ Минобрнауки России от 17 авг. 2015 г. № 849. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2016).

² Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2015. № 13.

писки о техническом сопровождении проекта; справки, отчеты, записки о техническом надзоре за объектом до сдачи его в эксплуатацию и в начальный период эксплуатации; заключительные отчеты, записки, справки с оценкой качества проведения проектно-изыскательских работ и т. д.¹

Отдельные законы фиксируют понятийное значение некоторых субъектов инжиниринговой деятельности. Так, в п. 14 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» содержится понятие инжинирингового центра. В соответствии с данным законом инжиниринговый центр – это юридическое лицо, реализующее услуги по инженерной и консультативной подготовке производства и реализации продукции (работ, услуг), подготовке строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных и других объектов, предпроектные и проектные услуги².

В Налоговом кодексе Российской Федерации вроде бы содержится легальная дефиниция инжиниринга, но, к сожалению, эта дефиниция ограничивает инжиниринг лишь услугами. К инжиниринговым услугам, согласно ч. 1 ст. 148 данного закона, относятся инженерно-консультационные услуги по подготовке процесса производства и реализации продукции (работ, услуг), подготовке строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов, предпроектные и проектные услуги (подготовка технико-экономических обоснований, проектно-кон-

структорские разработки и другие подобные услуги).

На основании анализа законодательства можно заключить, что нормативные правовые акты различной юридической силы по отдельности не дают полного представления об инжиниринге, а о юридическом инжиниринге сведения вообще отсутствуют, тем не менее вывести из этих актов собирательный образ инжиниринга в современной России можно.

Во-первых, инжиниринг – это не только услуги, но и особый вид деятельности. Сюда можно отнести инновационную деятельность индивидуальных субъектов, связанную научно-техническим и инженерным обеспечением процессов создания, функционирования различных технических, технико-социальных и социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдельных элементов и общества в целом.

Во-вторых, инжиниринг – это деятельность по оказанию услуг:

а) как правило, это деятельность различных инжиниринговых фирм, которая выражается в том, что эти организации принимают на себя *роль генеральных поставщиков и генеральных подрядчиков* при создании технических, технико-социальных и социальных объектов;

б) к инжинирингу относится и управленческая деятельность инжиниринговых фирм, заключающаяся в *осуществлении помощи в формировании организационной структуры и административного управления функционированием* различных технических, технико-социальных и социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдель-

¹ Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2007. № 46.

² Рос. газ. 2015. 12 янв.

ных элементов и общества в целом на базе передового мирового опыта в данной сфере деятельности. В нее входят разработка принципов планирования производства продукции на базе маркетинговых исследований рынков, оптимизация структуры управления, организация статистического учета и отчетности. При оказании услуг типа инжиниринг широко используются передовые научно-технические решения, в том числе и объекты промышленной собственности. Иногда они создаются непосредственно при выполнении того или иного этапа работ.

В-третьих, в дефинитивных элементах действующего законодательства нет ссылок на юридическую составляющую, но при этом существуют нормативные правовые акты, регулирующие эту деятельность. Иными словами, эта деятельность является разновидностью общественных отношений, урегулированных правовыми нормами, т. е. разновидностью правоотношений.

В-четвертых, анализ законодательства и словарного значения инжиниринга позволяет выделить следующие направления деятельности: проектно-консультационная, подрядная и управленческая деятельность; исполнение заказов на научные исследования и обоснования целесообразности развития новых технических, технико-социальных и социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдельных элементов и общества в целом; заказы на составление технических заданий по формированию указанных объектов; предпроектные и научно-исследовательские работы, проектирование технологических процессов; конструирование технических и социальных процессов, а также

машин, оборудования, установок, приборов, изделий, зданий, сооружений; испытания разработанных моделей инновационного развития различных технических, технико-социальных и социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдельных элементов и общества в целом; инженерно-изыскательские и иные работы; разработка предложений по созданию инфраструктуры различных технических, технико-социальных и социальных объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его отдельных элементов и общества в целом, а также межоперационным связям и переходам в рамках данных структур; авторский надзор, консультации экономического, финансового и юридического порядка при создании и функционировании оборудования и объектов в целом.

Для уточнения юридических свойств инжиниринга, помимо анализа словарного значения и действующего законодательства, целесообразно обратиться к юридической практике по индивидуальному регулированию инжиниринговых правоотношений.

Сегодня существует более нескольких тысяч судебных решений по делам об инжиниринге и с участием инжиниринговых компаний¹. Анализ судебной практики позволяет выделить две категории данных дел: дела об инжиниринговых спорах и иные дела с участием инжиниринговых компаний.

Для изучения инжиниринга, конечно, более перспективными представляются дела первой, указанной выше, категории. Эти дела в основ-

¹ Информация основана на анализе справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2016).

ном иллюстрируют инновационную сущность инжиниринга и связаны авторским правом, товарными знаками, новым оборудованием. Например, решение суда по интеллектуальным правам от 16 декабря 2015 г. по делу № СИП-439/2015. В рамках данного дела поступило требование о досрочном прекращении правовой охраны словесного товарного знака. Сторона, заявившая иск, ссылается на тот факт, что товарный знак не используется правообладателем на протяжении последних трех лет. Судебное решение выразилось в отказе от удовлетворения иска. Отказ мотивирован тем, что истец не представил доказательств, подтверждающих его заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны спорного товарного знака в отношении товаров, для которых зарегистрирован спорный товарный знак, а также доказательств использования этого доменного имени для индивидуализации товаров либо услуг, однородных товарам либо услугам, для которых спорный товарный знак зарегистрирован¹.

Дела с участием инжиниринговых компаний в основном связаны с контрактами, заключенными для предоставления инжиниринговых услуг. Например, определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2015 г. по делу № 307-ЭС15-13575, А56-17823/2012. Требование: О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о взыскании задолженности по государственному контракту, процентов за пользование чужими денежными средствами; или определение Верховного Суда Российской Федерации от

2 ноября 2015 г. № 307-ЭС15-14481 по делу № А56-22479/2014. Требование: О пересмотре судебных актов по делу о взыскании денежных средств и др.²

На основании вышеизложенного можно заключить, что правоприменительная практика судов в большей степени выражена в виде разрешения споров, а законодательство об инжиниринге в нормальном состоянии реализуется чаще всего, в форме использования предписаний и дозволений, содержащихся в нормативных правовых актах, поэтому оно не требует судебных решений.

Приведенными примерами из законодательства и правоприменения, как представляется, инжиниринговая деятельность не исчерпывается. Полагаем, можно проявить и инжиниринг самого права. Данный вывод обусловлен необходимостью инновационного проектирования, научно-исследовательских, управленческих и других работ при формировании и действии права, и на эти обстоятельства недвусмысленно указывает действующее законодательство.

Так, в постановлении Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» говорится о необходимости концепции законопроекта и техническом задании на разработку законопроекта³.

В концепции законопроекта определяются идеи, принципы, цели, задачи, предмет правового регулирования, субъекты, на которых распространяется действие законопроекта, место будущего закона в системе действующего законодательства и т. д.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2016).

² Там же.

³ Рос. газ. 2001. 9 авг.

Техническое задание на разработку проекта закона обычно содержит такие разделы, как: основание разработки законопроекта, его форма, вид и рабочее наименование; заказчик и разработчики законопроекта; перечень документов, подлежащих разработке; примерная структура законопроекта; виды, этапы и сроки работы; порядок финансирования и смета расходов (при заключении заказчиком договора на разработку законопроекта); порядок приемки работы.

Как видим, многие позиции из классического инжиниринга отражены и в законотворческой деятельности. Похожая ситуация сложилась и с субъектами инжиниринговой деятельности и субъектами, осуществляющими подготовку проектов нормативных правовых актов. Например, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2009 г. № 389 «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» указывается, что в целях подготовки законопроектов, образуются рабочие группы, в состав которых входят представители органов власти и управления, а также представители научно-

исследовательских, общественных и иных организаций¹.

В целом, как показал проведенный анализ, инжиниринговая деятельность – это сложное многоуровневое, инновационное и развивающееся явление, носящее не только технико-экономический, но и юридический характер. В связи с указанными обстоятельствами для дальнейшего изучения инжиниринга целесообразно сформулировать понятие «юридический инжиниринг».

Итак, **юридический инжиниринг** – это отраженный в праве особый вид деятельности коллективных и индивидуальных субъектов, связанный с научно-техническим, инженерным и юридическим обеспечением процессов создания, функционирования различных технических, технико-социальных, социальных и правовых объектов, обеспечивающих реализацию функций государства, его устойчивое развитие и эффективное обеспечение жизнедеятельности общества в целом.

Юридический инжиниринг с учетом его задач можно подразделить на **инжиниринг в праве** и **инжиниринг права**.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 19, ст. 2346.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь онлайн. – Режим доступа: http://www.mos360.ru/law_dictionary/36012/36012.html?PAGEN_1=345#.VrA2ZkPo6EA.
2. Современная энциклопедия. – Режим доступа: <http://slovariki.blogspot.ru/2015/08/2000/html>.
3. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 1456 с.

References

1. Big Law Dictionary Online. URL: http://www.mos360.ru/law_dictionary/36012/36012.html?PAGEN_1=345#.VrA2ZkPo6EA.
2. Modern Encyclopedia. URL: <http://slovariki.blogspot.ru/2015/08/2000/html>.
3. Great Encyclopedic Dictionary. Ed. by A. M. Prokhorov. M., Bol'shaya Rossijskaya Enciclopediya, 2000. 1456 p.

А. М. Марков

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с соотношением права и иных средств социально-нормативного регулирования, на примере взаимного воздействия норм права и отдельных элементов нравственных норм. Проведенное исследование позволило автору прийти к выводу о том, что безопасное, комфортное проживание в социальной среде, возможность реализации своих интересов, не нарушающих права и свободы других членов общества, требует своевременного законодательного реагирования на негативные проявления в социуме, выработку четкого, отлаженного и единообразного механизма правоприменения, комплексного подхода к формированию правопослушного поведения.

Ключевые слова: правовые нормы, право, правопослушное поведение, нравственность, мораль.

А. М. Markov

LAW AND MORALITY

Abstract. The article deals with the issues related to the relationship of law and other means socially-regulation, by the example of the mutual impact of the law and the individual elements of moral standards. The study enabled the author to conclude that the safe, comfortable accommodation in a social environment, the ability to realize its interests, does not violate the rights and freedoms of other members of society, requires timely legislative response to negative developments in the society, development of a clear, efficient and consistent mechanism law enforcement, a comprehensive approach to the formation of law-abiding behavior.

Key words: the rule of law, law, law-abiding behavior, moral, morality.

Право, наряду с обычаями, моралью, религиозными, иными социальными нормами, регулирует поведение человека в обществе и взаимоотношения людей. Как отмечал историк права Н. Л. Дювернуа, «история права начинается гораздо раньше появления каких-либо законодательных актов»².

Существует несколько подходов к определению понятия «право». В Большой советской энциклопедии право определяется как совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых

обеспечивается мерами государственного воздействия³. Согласно либертарно-юридической концепции право – это единство равной для всех нормы и меры свободы и справедливости⁴. В противоположность позитивистской теории, школа естественного права рассматривает право как совокупность принципов, вытекающих из естественной природы человека: право на жизнь, свободу, волеизъявление. В русском языке слово «право» созвучно слову «правда», употребляемому в значении «истина». Древнейший источник отечественного пра-

© Марков А. М., 2016

² Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. СПб., 2004. С. 4.

³ Большая советская энциклопедия. М., 1969.

⁴ Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопр. философии. 2002. № 3. С. 3–15.

ва также назывался «Русская правда». Несмотря на различие точек зрения по проблеме правопонимания, можно сказать, что право неразрывно связано с личностью каждого человека как мера его возможностей поступать определенным образом (альтернативное поведение) либо как обязанность воздержаться от определенных действий.

Нормы права являются универсальным регулятором общественных отношений, охватывая большинство социальных связей в обществе. Однако для того чтобы правовое регулирование было наиболее эффективным, правовые нормы, на наш взгляд, должны отвечать двум условиям.

Первое. Они должны быть справедливыми, т. е. соответствовать принципам равенства всех перед законом, обеспечивать гарантии жизнедеятельности и надежный уровень социальной защищенности, удовлетворять интересы всех членов общества.

Второе. Все члены общества должны обладать высоким правосознанием, которое включает в себя устойчивые положительные социальные установки, толерантность, осознание необходимости ограничения собственных интересов, правопослушное поведение.

Анализируя эти условия с точки зрения их применения к жизни общества, можно прийти к следующим выводам.

Справедливость как философско-этическая категория содержит в себе требования адекватной оценки тех или иных действий, должное воздаяние как за благие дела, так и за преступление. Равенство всех перед законом провозглашается, как правило, в Основном законе страны. Наряду с этим, реализация законов иногда сводится

к индивидуальному их восприятию или использованию в личных целях теми, на кого возложена обязанность их применения. В настоящее время складывается практика регламентации применения законов многочисленными инструкциями, письмами, разъяснениями, которые нередко по своей сути вступают в противоречие со смыслом регламентируемого ими нормативного правового акта. Некоторые нормативные правовые акты предполагают альтернативные варианты применения содержащихся в них правовых норм по «внутреннему убеждению», усмотрению правоприменителя. Такая свобода в реализации правовых норм требует от субъекта правоприменения не только высокого профессионализма, юридических познаний, но и предъявляет повышенные требования к нравственным принципам, чувству справедливости, отсутствию корпоративного или личного интереса. К сожалению, общество не достигло еще такого уровня нравственного развития, при котором субъективные факторы не могут диктовать принятие определенных решений. В итоге при схожих жизненных ситуациях результаты правоприменительной практики имеют весьма неодинаковые правовые последствия. Отсюда следует, что декларативно-формальный принцип равенства всех перед законом требует установления механизма (как правового, так и нравственного) для его реализации.

Правовые нормы должны способствовать стабильности и поддержанию правопорядка в обществе, а значит, служить гарантом социальной защищенности населения. Вместе с тем правотворчество, как показывает история,

лишь тогда способствует эволюции социальных отношений, когда «зерно легло в уже подготовленную почву», т. е. посылы законов должны соответствовать экономической составляющей общественных отношений и сложившимся нравственным, национальным устоям, менталитету населения. На практике нередки примеры таких несоответствий, что приводит к невозможности их применения.

Реализация функции обеспечения социальных гарантий посредством правовых норм исходит, как правило, из наличия финансовой возможности государства. Таким образом, сталкиваемся с тем обстоятельством, что качество и полнота этих гарантий находятся в непосредственной зависимости от уровня экономического развития общества, богатства страны. Основатели исторического материализма полагали, что достижение высшей формы организации общества – коммунизма возможно при условии высокого уровня развития способа производства: «...не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. Право является отражением состояния общества. Именно это обстоятельство послужило поводом для заявления, сделанного Ш. Монтескье: «Когда я поеду в правовое государство, я спрошу не про то, какие там есть законы, а про то, как эти законы работают и воплощаются в жизнь»².

¹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.

² Цит. по: Батиев Л. В. Учение Ш. Л. Монтескье о «духе законов» // Юрид. вестн. Рост. гос. экон. ун-та. 2005. № 1. С. 83.

Еще более сложным представляется выполнение требования об удовлетворении посредством применения норм права интересов всех членов общества. Основоположник идей анархо-индивидуализма М. Штирнер писал: «Как себе самому принадлежащий и творец своего права я не признаю иного источника права, кроме себя самого»³. На генетическом уровне в человеке заложен инстинкт самосохранения, который трансформируется в такую черту характера, как эгоизм. В этом нет ничего плохого, поскольку эгоизм в древние времена позволял выжить сильнейшим, что способствовало эволюции человека, а в наши дни – обеспечить себе и своей семье достойное существование. Но, как известно, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»⁴. В связи с этим каждый сталкивается с дилеммой сохранения баланса между удовлетворением своих интересов и необходимостью соблюдения прав других членов общества. М. Штирнер призывал избавиться от всяких ограничений для самих себя, в образе жизни сообразуясь лишь со своими собственными интересами. Тем самым он хотел, чтобы сам человек был мерилем своих поступков, жил свободно от ограничений, навязанных ему обществом, властью, религией. Высказанная идея весьма привлекательна, но интересы у всех разные и порой реализуемые интересы одного противоречат или нарушают интересы другого – возникает конфликт, в котором

³ Штирнер М. Единственный и его собственность / пер. с нем. Б. В. Гиммельфарба, М. Л. Гохшиллера. СПб., 2001. С. 133.

⁴ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 12. С. 99–105.

победит тот, кто сильнее (физически, властно или финансово). В итоге победитель навязет свою волю побежденному, для которого его жизнь уже не будет воплощением его интересов.

Естественно, что при разнообразии, а нередко и при противоречии интересов индивидуумов право должно обеспечивать максимальную реализацию их возможностей при сохранении свободы в выборе формы поведения других лиц.

Говоря об эффективности правового регулирования, необходимо иметь в виду, что правопослушное поведение, т. е. соблюдение установленных правовых норм, не может быть основано на страхе наступления санкций за их нарушение. Его фундаментом прежде всего является внутреннее убеждение в необходимости поступать именно таким образом, каким предписывают эти нормы. Когда представление о «правильности» поведения наиболее соответствует требованиям закона, тогда отсутствует необходимость в применении мер государственного принуждения для обеспечения его соблюдения.

На право нельзя возлагать несбыточных надежд. Нормы права должны регулировать уже устоявшиеся в обществе «нормальные», или обычные, отношения. Безусловно, право должно быть выражением стремления к улучшению жизни общества, к созданию, прежде всего, нравственных установок внутри самого человека, осознанию необходимости ограничений своего поведения. Однако нормы права не являются панацеей для избавления общества от «недостатков и пороков». Право не может быть эффективным в отрыве от правосознания, условий воспитания, социальных мероприятий и

экономической жизни людей. Лишь совокупность всех инструментов общественной регуляции может дать желаемый результат. Проявление такого вида деформации правосознания, как правовой идеализм также вредно для формирования конструктивного правового поля, как и правовой нигилизм.

Из этого следует, что, с одной стороны, критерием оценки правовых норм должна быть их справедливость, а с другой – нравственные принципы, мораль общества должны быть достаточно высоки, чтобы правопослушное поведение было естественной потребностью людей.

В научной среде приняты несколько видов классификации правопослушного поведения. Профессор Л. П. Рассказов выделяет по форме выражения *активное поведение* (совершение действий, предписанных правовыми нормами) и *пассивное поведение* (воздержание от запрещенных действий). По мотивам поведения он различает: а) *маргинальное поведение* – поведение, соответствующее праву из-за боязни государственного принуждения; б) *конформистское поведение* (например, пассивное соблюдение личностью норм права с целью получения собственной выгоды); в) *привычное поведение* – действия в силу образовавшейся привычки, не противоречащей праву; социально активное поведение, направленное на решение социальных задач и основанное на целесообразности правомерного поведения¹.

В этой связи представляется интересной следующая мысль профессора В. К. Самигуллина: если признать, что законы могут быть правовыми и неправовыми, то с какой стати того,

¹ Рассказов Л. П. Теория государства и права. М., 2008. С. 409.

кто бездумно следует требованиям неправовых законов, нужно считать носителем высокого правосознания¹. Однако нельзя согласиться с тем, что законы могут быть неправовыми, если они легитимны, приняты в соответствии с установленной государством процедурой. Можно говорить об их несправедливости, выраженности в них интересов определенного круга лиц, дискриминационности, но не об их неправовом характере. Высокое правосознание требует соответствующего уровня правовых норм. Вместе с тем и наличие таких норм еще не свидетельствует о высоком уровне правосознания общества.

Один из идеологов славянофильства К. С. Аксаков когда-то говорил, что «дух закона» чужд русскому народу. Наша нация привыкла жить по церковным заповедям, ей свойственны соборность и патриархальность. Сухой буквы закона народ русский не приемлет в принципе, предпочитая лучше решить дело «полюбовно», поговорив по душам, чем следовать предписаниям норм права. На такой неблагоприятной почве законности прижиться гораздо труднее, чем в тех же странах Западной Европы². Отношение российских людей к праву ярко выражено в поговорках о том, что «суровость наших законов компенсируется необязательностью их исполнения», «закон, что дышло – куда повернешь, туда и вышло», «вопрос: а как же “буква закона”? ответ: в русском языке нет такой буквы!». Возможно, сказывается также и насле-

дие советского периода, когда политико-правовая система была построена на искусственности лозунгов, идей и принципов, которые не имели ничего общего с реальной действительностью.

Мораль, являясь квинтэссенцией общественного сознания, формировалась на всем протяжении развития человеческого общества. Заслуживает внимания мнение ряда ученых о том, что мораль выработана эволюцией, методом естественного отбора для ограничения индивидуальных, эгоистических проявлений в поведении людей, которые могли разрушить прогрессивные формы группового выживания³. Выше говорилось о том, что эгоизм сильнейших являлся «двигателем» человеческой цивилизации. В общинах лучшие воины становились вождями, от которых часто зависело ее выживание. Наряду с этим, из наиболее уважаемых членов общины создавались советы старейшин, функции которых впоследствии трансформировались в представительные органы, что привело к разделению власти и, по выражению Ш. Монтескье, служило образованию системы «сдержек и противовесов»⁴ единоличной власти. Например, в римской общине существовал своеобразный нравственный контроль, которому община могла подвергать отдельных граждан или своей непосредственной властью или через уполномоченных лиц. Круг рассматриваемых вопросов был широк: от применения древних римских законов против роскоши до преследования за

¹ Самигуллин В. К. О деформациях правосознания // Вестн. ВЭГУ. 2009. № 5(43). С. 34.

² Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. М., 1981. С. 264.

³ См., напр.: Shermer M. The Science of Good and Evil. URL: <https://books.google.ru/books?id=r6zryqNbYdsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.01.2016).

⁴ Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955. С. 289.

безнравственный образ жизни. Наказанием служило наложение денежных пеней или изъятие домашних животных¹.

Выполняя функцию социальных регуляторов, и право, и мораль обеспечивают упорядочение общественных отношений. Вместе с тем мораль имеет более глубокие корни в процессе становления человеческой цивилизации, более прочную основу при выборе линии поведения, поскольку формирование системы ценностей, или желательных правил поведения, позволяло выжить и отдельному человеку, и общине в целом. «В своей первой и самой непонятной форме нравственность проявляется как привычка. Поступать по обычаям и привычкам своей страны значит быть нравственным»².

Теоретики идей анархизма фундаментальной концепцией своей теории называли принципы справедливости и свободы. Отрицая наличие природного эгоизма в людях, они полагали, что стремление к общественно полезному труду и созданию благ для потребления всем обществом можно воспитать в человеке.

Человек является существом социальным, его жизнь в обществе подчинена правилам поведения, сложившимся на основе обычаев, традиций, нравственных устоев, религиозных норм, корпоративных установок, правовых норм и т. д. В первые годы жизни ребенок получает от родителей и лиц, его окружающих, уроки того, как надо «себя вести», что такое «хорошо» и что такое «плохо». Обучаясь правилам поведения, ребенок сравнивает модели поведения в своей семье с поведением сверстников. Таким

способом происходит проецирование заложенных в него моральных принципов на их практическую реализацию. Здесь возможны несколько вариантов дальнейшего развития поведения:

– если привитые ребенку нравственные понятия совпадают с действиями окружающих, происходит безболезненная адаптация к социальной среде;

– если нравственные понятия более высокие, чем принципы поведения в кругу общения, то, в зависимости от характера и устойчивости имеющихся установок, может произойти коррекция поведения в сторону подстроения под понятия социальной группы либо отказ от общения с ее членами;

– если нравственные понятия индивида более низкие, чем у окружающих, то обычно происходит отказ от общения с ними (физический или эмоциональный), в более редких случаях субъект пытается повысить свои нравственные установки под влиянием внешних факторов воспитательного процесса.

Тем самым поведение человека в обществе формируется в начале жизни и корректируется окружающей средой. В этот период ребенок не имеет представления о законах, но его поведение так или иначе находится под влиянием общепринятых правил поведения – либо он соглашается с ними, либо пренебрегает ими, осознавая необходимость нести за их несоблюдение негативные последствия.

Как справедливо отметила Е. О. Филиппова, «несмотря на относительную кратковременность несовершеннолетия, этот период практически определяет дальнейшую судьбу каждого человека, так как именно в подростковом возрасте преимущественно происходит завершение формирования характера и станов-

¹ Моммзен Т. История Рима. Ростов н/Д, 1997. Т. 1. С. 418–419.

² Штирнер М. Указ. соч. С. 41.

ление личности при активном влиянии социальной среды, ближайшего окружения и общества в целом»¹. Действительно, нравственные принципы, заложенные в детстве на уровне подсознания и влияющие на выбор действия, не нуждаются во внешнем принудительном воздействии. Профессор Р. Б. Головкин также полагает, что «человек выстраивает свои взаимоотношения с другими людьми на основе базовых стереотипов поведения, заложенных программой социализации и воспитания и корректируемых индивидуально-ситуативными моментами»².

Возрастающая в обществе агрессия, нетерпимость, экстремистские проявления вызваны в том числе и наметившимся социальным «креном» в сторону приоритета индивидуализма, непониманием или игнорированием пра-

вил общежития. Глубокие «провалы» в системе воспитания, имевшие место в начале 1990-х гг., укореняющееся в населении осознание «власти денег» дают сегодня негативные результаты. В качестве иллюстрации можно привести реакцию законодателя на участившиеся в последнее время случаи нарушения Правил дорожного движения с тяжкими последствиями, которая выразилась во введении новой нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Безопасное комфортное проживание в социальной среде, возможность реализации своих интересов, не нарушающих права и свободы других членов общества, требуют своевременного законодательного реагирования на негативные проявления в социуме, выработку четкого, отлаженного и единообразного механизма правоприменения, комплексного подхода к формированию правопослушного поведения.

¹ Филиппова Е. О. Несовершеннолетняя преступность как объект криминологического исследования // Изв. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 2(52). С. 258–260.

² Головкин Р. Б., Зотова Ж. А. Право в системе регулирования поведения: соотношение социальных и технических норм // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2010. № 4(17). С. 82–89.

Библиографический список

1. Головкин Р. Б. Право в системе регулирования поведения: соотношение социальных и технических норм / Р. Б. Головкин, Ж. А. Зотова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2010. – № 4(17). – С. 82–89.
2. Самигуллин В. К. О деформациях правосознания / В. К. Самигуллин // Вестн. ВЭГУ. – 2009. – № 5(43). – С. 33–45.
3. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер ; пер. с нем. Б. В. Гиммельфарба, М. Л. Гохшиллера. – СПб. : Азбука. 2001. – 448 с.

References

1. Golovkin R. B., Zotova Zh. A. The Right to Conduct the Regulatory System: the Ratio of Social and Technical Standards. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2010. No. 4(17). P. 82–89.
2. Samigullin V. K. On Deformations of Justice. *Vestnik VE'GU*. 2009. № 5(43). P. 33–45.
3. Shtirner M. One and His Property. Transl. from German by B. V. Gimmel'farb, M. L. Gokhshiller. SPb., Azbuka, 2001. 448 p.

Б. А. Молчанов,

**ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПРИ ОСВОЕНИИ ПРИАРКТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы эколого-правовой политики Российского государства при промышленном освоении северного региона: лесов, водных пространств, животных ресурсов. Автор отмечает, что уровень профессиональных кадров северного региона эффективно влиял на развитие промышленности, транспорта, добычу природных ресурсов, что способствовало не только развитию инфраструктуры, но и образованию, культуре северного региона.

Ключевые слова: кадровая и эколого-правовая политика, Европейский Север России, образование, грамотность, освоение нефтяных запасов, сохранение животных ресурсов.

B. A. Molchanov

**ENVIRONMENTAL AND LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE WITH FREE
SHIPPING-STARTING ARCTIC SPACE (PRE-SOVIET PERIOD)**

Abstract. The article deals with topical issues of the environmental-legal policy of the Russian state in the industrial development of the Northern region: forests, bodies of water, animal resources. It is noted that the level of professional staff of the Northern region would have an effect on the development of industry, transport, natural resource extraction, which contributed not only infrastructure, but also education, culture of the Northern region.

Key words: human and environmental and legal policy, the European North of Russia, education, literacy, the development of oil reserves, the conservation of animal resources.

В конце XIX – начале XX в. Европейский Север представлял собой один из крупнейших экспортных районов страны, вывозивший лес, пиломатериалы. Все это способствовало развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности. В 1913 г. в Архангельской губернии было уже 44 лесопильных завода, причем их число за 15 лет увеличилось почти в три раза, количество работающих возросло почти в семь раз, а объем производимой продукции – в четыре раза. Экспорт пиломатериалов на одного жителя Архангельска в 28 раз превышал аналогичный показатель для Петербурга².

Бурный рост производства, несомненно, сказывался на неблагоприятном воздействии на природную среду.

Из фабрично-заводской промышленности значительными для северного региона оставались металлургические предприятия в Вологодской и Олонецкой губерниях³. Из отраслей легкой и пищевой промышленности относительно быстрое развитие получило льнопрядильное производство (фабрика Я. Грибанова в с. Красавино Велико-Устюгского уезда Вологодской губернии) и маслодельно-сыроваренное (Вологодская губерния). Архангельск в начале века лидировал в

© Молчанов Б. А., 2016

² Вертячих А. Капитал в Архангельске: вчера, сегодня, завтра. Архангельск, 1994. С. 12.

³ Потолицын А. И. Крестьянское революционное движение на Севере в 1905–1907 гг. Архангельск, 1930. С. 53.

российском экспорте смолы и пека. В 1912 г. через Архангельск вывозилось 85 % экспортируемой смолы.

Для экономики Русского Севера было характерно множество мелких промыслов и предприятий: кожевенные, меховые, скорняжные, кирпичные, гончарные, медеплавильные, красочные, мыловаренные, смолокурные, ремонтные мастерские, прянично-булочные, мукомольные и др. Достаточно сказать, что только в одной Архангельской губернии в 1901 г. подобных предприятий было 4 773, на которых работало 9 783 рабочих¹.

О пристальном внимании к северному краю, его несметным богатствам свидетельствовали многочисленные экспедиции, проводившиеся на протяжении многих столетий. Немаловажную роль в освоении Русского Севера сыграл выдающийся русский ученый М. В. Ломоносов, который считал, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»².

В качестве примера приведем наиболее интересные из совершенных экспедиций на Европейском Севере в прошлых веках. Так, в марте 1491 г. была организована и проведена первая русская геологическая экспедиция в район реки Печоры по поиску залежей меди. Найдены были залежи серебра и меди.

Первые ботанические сведения о Коми крае сообщил академик И. И. Лепёхин в период путешествия из Сибири в Архангельск по маршруту: Прокопьевка – Летка – Усть-Сысольск – Серегово в 1771–1772 гг. Им же было дано описание

нескольких видов рыб, встреченных в период названной экспедиции.

В 1785–1822 гг. велось строительство Екатерининского канала для соединения бассейнов рек Вычегды и Камы. Проводились изыскательские работы гидрологического характера³.

В 1806 г. по велению Александра I полковник С. П. Попов провел исследования по нивелировке Урала между реками Усой и Собью с целью постройки канала для плавания судов из Оби в Печору. Были выполнены съемка реки Усы и составлены два атласа на восточный и западный склоны Урала.

В 1830 г. сенаторы П. Мартенс и Н. Корнилов были отправлены императором Николаем I в Вологодскую губернию для составления плана соединения реки Печоры с Вычегдой. По итогам поездки была представлена докладная записка о необходимости и пользе соединения не только Печоры с Вычегдой, но и необходимости соединения Оби и Печоры⁴.

В 1837 г. по поручению Петербургского Ботанического сада путешественник А. Г. Шренк прошел по рекам Цильме, Печоре, Колве, через Большеземельскую тундру к Полярному Уралу. В списке 265 видов высших растений более 150 были отмечены в бассейнах перечисленных рек. В 1850 г. А. С. Молчанов провел обследование лесов бассейнов рек Сулы, Усы, Ухты, Кедвы, дал характеристику лесов, состава древостоев, оборота рубки, сбыта леса⁵. В 1862 г. академик К. М. Бэр и Н. П. Дани-

¹ Маслов П. Аграрный вопрос в России. М.; Л., 1926. С. 56.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1934. Т. 6.

³ Производительные силы Коми АССР. М.; Л., 1953. Т. 1.

⁴ Сидоров М. К. Картины из деяний Петра Великого на Севере. Спб., 1872. С. 175.

⁵ Милуков К. И. Леса в Запечорском крае // Лес. журн. 1850. № 14. С. 108–110.

ловский уделили внимание рыбному промыслу Усть-Цилемского района¹.

С 1862 по 1865 г. под руководством известного исследователя Русского Севера Ю. И. Кушелевского была организована на средства М. К. Сидорова экспедиция для обследования возможности соединения реки Печоры с Обью и Енисеем. В ходе экспедиции было описано геологическое строение Уральских гор, предпринята попытка для открытия сухопутного и водного сообщения на Севере Сибири от Енисея через Уральский хребет до Печоры.

Экспедиция под руководством Н. О. Лебедева в 1864 г. собрала в бассейне реки Цильмы и доставила в Статистический комитет образцы руды, содержащие 20 % меди. В 1853 г. А. А. Артеев обследовал верховья реки Усы и предложил вариант соединения Печоры с Обью. Архангельский губернатор Н. Д. Голицын, секретарь Н. Ермилов в 1887 г. проводили осмотр бассейна реки Печоры. Опубликовали сведения о горючих сланцах и нефти, горного колчедана и медной руде в Ухтинском районе.

Изучением состояния и перспективами развития сельского хозяйства и колонизации Коми края занимались экспедиции: в 1901 г. – по пяти южным волостям Усть-Сысольского уезда; в 1903 г. – по юго-западной части Печорского уезда; в 1904 г. – по юго-западной части Печорского уезда². Русский ботаник, почвовед и географ Г. И. Танфильев изучал географическое распространение лесов на севере Тиманского края, по рекам Суле, Печоре;

¹ Исследования о состоянии рыболовства в России. Спб., 1862. Т. 4.

² Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар, 1993. Ч. 1.

описал растительный покров тундры; выделил причины отступления границы леса; уделил внимание рыбному и звериному промыслам³.

Ценные ботанические и зоологические материалы были собраны экспедицией Географического общества, которой руководил А. В. Журавский⁴. В частности, с 1903 по 1914 г. он проводил геологические, географические, этнографические исследования в бассейне рек Печоры и Усы, Большеземельской тундре; организовал первое научное учреждение в Печорском крае – Печорскую Естественно-историческую станцию в с. Усть-Цильма.

В 1910 г. И. М. Шемигонов – начальник управления земледелия и государственных имуществ Вологодской губернии, инженер А. А. Акимов, секретарь Б. В. Бессонов, К. П. Щанов в составе экспедиции предприняли попытку исследования возможности осуществления проекта, разработанного инженером Мочульским по соединению великим водным путем Петербурга и Архангельска с Сибирью. П. П. Матафтин в 1912 г. подробно описал выходы угля на притоках Усы – Кось, Неча, Инта, Адзьва, Сыня. Отобрал образцы пород для Геологического музея Академии наук. Его записи были переданы директору геологического комитета Ф. Н. Чернышёву, в личном архиве которого они пролежали до 1929 г. не обнаруженными.

³ Танфильев Г. И. По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. // Изв. ИРГО. 1894. Т. 30.

⁴ Григорьев А. А. Отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1904 г. // С.-петерб. Тр. О-ва естествоиспытателей. Спб., 1905 ; Журавский А. В. Маршрут Большеземельской экспедиции 1904 и 1905 гг. // Ежегодник Зоол. музея Акад. наук. Спб., 1907.

Исключительно интересна страница исследований северного края, которая связана с периодом рудоискателей, первых и последующих экспедиций, попыток проводить разведки на нефть. Этот период охватывает более двухсот лет. В книге голландского ученого Н. К. Витсена, датированной 1692 г., отмечалось: «Небольшая речка Ухта с ее притоками Чибью и Манидой отстает от Печоры на одни сутки. На этой реке на расстоянии полутора миль от волока есть мелкое место, где из воды выделяется... черная нефть. Здесь находится доманик, который горит... и испускает от себя черный дым»¹. Через пять лет после выхода книги Витсена, в 1697 г., Петр Великий образцы этого доманика отправил уже в Голландию для исследования². В связи с обнаружением нефти по указу Петра I было предписано Бегр-коллегии «невтяной ключ в Пустозерском уезде по Ухти речке велеть свидетельствовать и учинить из него пробу»³.

В 1745 г. архангелогородец Фёдор Прядунов в этом месте основал нефтяной завод, собирал нефть с речной поверхности и, накопив 655 кг, в 1748 г. доставил ее в Москву. Поиски нефти проводились в том же районе по притокам Ухты – Чубе и Маниде, где также были найдены выходы нефти.

В 1868 г. началось промышленное освоение ухтинских месторождений нефти. В конце июля на реку Ухту прибыл доверенный от М. К. Сидорова С. П. Лопатин со специалистами и группой рабочих. Он установил буровую

разведочную скважину 6-верхового диаметра на 40 футов глубины простыми буровым ручными инструментами. Был получен «благонадежный для продолжения работ результат, а именно: нефть в буровой скважине начала выставляться в трубу с глубины скважины в 30 футов и все более и более увеличивалась. Нефть из скважины получена самая густая, черно-бурого цвета»⁴. Однако ввиду наличия твердых сланцев с окаменелостями и непригодностью инструментов буровые работы пришлось приостановить.

Нефтяную резиденцию на реке Ухте посетили вместе с М. К. Сидоровым иностранные ученые-путешественники – австрийский граф К. Вильчек, барон П. Штернекк и профессор геологии и естественных наук Венской горной академии М. Гофер. Осмотрев работы, грунт, журнал и составленный разрезной план напластований, встреченных при бурении горных пород, Гофер «отозвался, что признаки обещают хороший результат и что нефть хорошего качества залегает около 165-футовой глубины. Дай бог, такого успеха для блага не только здешнего края, но и всей России, чтобы иметь осветительное вещество собственно русское, а не американское, приобретаемое за русское золото»⁵.

На нефтяном промысле М. К. Сидорова на реке Ухте было добыто 32 т. Нефть вывозилась на торгово-промышленные выставки, организованные в России и за границей, передавалась в лаборатории на исследования, использовалась в качестве топлива на пароходе, принадлежащем М. К. Сидо-

¹ Витсен Н. К. Северная и Восточная Татария. Амстердам, 1692.

² Меленковец А. М. Ухтинская нефть // Арханг. губерн. ведомости. 1913. С. 2.

³ Центральный государственный архив древних актов, ф. 271, оп. 1, д. 90, л. 249, об. 250.

⁴ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 270, оп. 1, д. 1011, л. 1–2, об. 3.

⁵ Там же.

рову и т. д.¹ В сентябре 1881 г. М. К. Сидоров направил Д. И. Менделееву две бутылки нефти для отзыва о ее качестве². Менделеев, исследовав представленную нефть, посчитал возможным получать из нее смазочные масла – веретенное и машинное. Он предполагал также осмотреть Печорские нефтяные месторождения и определить рациональное направление использования «печорских нефтей», если Сидоров организует в бассейне Печоры нефтяные промыслы и заводы³.

Как мы видим, ухтинская нефть, заинтересовавшая еще Петра Великого, «до сих пор не может занять должного места в нашей промышленности до появления Сидорова. Когда Сидоров довел до всеобщего сведения свое ценное открытие нефти, делами заинтересовалось правительство и проявило ряд колебаний в вопросе: дать или не дать Сидорову право воспользоваться открытым богатством или удержать его за собой»⁴. С возникновением частного интереса к Ухте, на нее обратила внимание казна. Соперничество частной инициативы и казны на Ухте красной нитью проходит по всей Ухтинской истории, и каждый раз интерес к месторождению возбуждался попытками предпринимателей подойти к Ухте.

Когда дело М. К. Сидорова перешло к его преемникам и приостановилось, пропал и государственный интерес к

Ухте. В конце 1880-х гг. ухтинский вопрос был вновь поднят, и в 1889 г. в названный район направилась геологическая экспедиция во главе с академиком Ф. Н. Чернышёвым, который писал: «Я, конечно, далек от той мысли, чтобы считать исчерпанным вопрос о практической пригодности исследования нефтяной области; полагаю, что наша цель будет вполне достигнута, если данные, нами полученные, послужат хорошим руководством для будущего. Во всяком случае, если в эту область направятся промышленные силы, то потребуются еще более солидные разведки для выяснения степени богатства запаса нефти»⁵. Анализы нефти, по словам Чернышева, заслуживали особого интереса. Однако в дальнейшем «более солидных» разведок произведено не было. Разведки частного характера также не дали положительных результатов. Отрицательное отношение к ухтинским проблемам могло быть объяснено государственными интересами, целью которых была поставлена «выгода казны от сдачи нефтяных площадей с торгов».

В 1899 г. на Ухту приехал инженер А. Г. Гансберг, привлекший к этому вопросу графа Д. Канкрин, который получил монополию на добычу нефти в данном районе. Гансбергу удалось поставить промысловое бурение и проникнуть на большую глубину, но получилось искривление скважины, сломалась алмазная коронка бурова. Однако Гансбергу удалось получить нефть в количествах, имеющих уже промышленное значение. Между тем из-за недостаточного финансирования

¹ Трошин А. К. Нефтяные промыслы М. К. Сидорова на реке Ухте // Тр. Ин-та истории, естествознания и техники АН СССР. 1960. Т. 33. С. 214.

² НАМ ЛГУ, 1-В-57-1-58.

³ Пархоменко В. Е. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957. С. 101.

⁴ Стрижов С. К. К современному положению вопроса // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1910. № 8. С. 6–12.

⁵ Там же.

средств и в связи с бездорожьем буровые работы были прекращены¹.

Кроме ряда изысканий по лесному хозяйству, колонизационному вопросу и водным путям, которые существенны и необходимы сами по себе, результаты которых еще впереди, необходимо положительно отметить экспедицию Горного департамента, работавшую на Ухте под руководством известного профессора Горного института Н. Н. Яковлева. Работы в нефтяном районе вел талантливый горный инженер А. Н. Замятин. Он окончательно выяснил положение нефтеносной антиклинали, исследовал район распространения

нефти, найдя признаки ее за пределами прежних исследований, собрал интереснейшую геологическую коллекцию ископаемых. Геологические изыскания были нацелены на выбор мест для глубокого разведочного бурения средствами казны.

Однако развитие нефтяной промышленности на Русском Севере во многом зависело от состояния путей сообщения. Кроме того, к возможности колонизации этих громадных пространств, покрытых лесом, многие относились недоверчиво, ссылаясь на суровый климат и широту местности. С пониманием относился к исследованию месторождений и культуры Русского Севера бывший председатель Совета министров России П. А. Столыпин.

¹ Меленковец А. М. Указ. соч. С. 2 ; Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1914. № 17, 18. С. 536–540, 565–570.

Библиографический список

1. Вертячих А. Ю. Капитал в Архангельске: вчера, сегодня, завтра / А. Вертячих. – Архангельск : Кристо-логос, 1994. – 126 с.
2. Маслов П. Аграрный вопрос в России / П. Маслов. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 435 с.
3. Милюков К. И. Леса в Запечорском крае / К. И. Милюков // Лес. журн. – 1850. – № 14. – С. 108–110.
4. Сидоров М. К. Картины из деяний Петра Великого на Севере / М. К. Сидоров. – Спб. : Тип. Якова Трея, 1872. – 188 с.

References

1. Vertyachikh A. Yu. Capital in Arkhangel'sk: Yesterday, Today and Tomorrow. Arkhangel'sk, Criptologos, 1994. 126 p.
2. Maslov P. Agrarian Question in Russia. M., L., Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1926. 435 p.
3. Milyukov K. I. Supetarska Forest in the Region. *Lesnoj Zhurnal*. 1850. No. 14. P. 108–110.
4. Sidorov M. K. Painting from the Acts of Peter the Great in the North. Spb., Tip. Yakova Treya, 1872. 188 p.

М. В. Новиков

**ПРАВООТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ И СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих в современной отечественной и зарубежной науке подходов к понятию правоотношений и определению особенностей методов, посредством которых осуществляется их изучение.

Ключевые слова: правоотношения, юридическая методология, правовое регулирование.

M. V. Novikov

**LEGAL RELATIONS IN A MODERN RUSSIAN SOCIETY:
APPROACHES AND METHODOLOGY**

Abstract. This article analyzes the existing in modern domestic and foreign science approaches to the concept of legal definition and characteristics of the methods by means of which their study.

Key words: legal, legal methodology, legal regulation.

Категория «правоотношение», бесспорно, является одной из ключевых в теории права. Это предопределяет традиционное внимание к ней ученых. Правоотношения есть одна из форм общественных отношений. В философской литературе категория «общественное отношение», как правило, соотносится с категориями «деятельность» и «связь» и понимается в качестве объективированной деятельности людей, выступающей как сотрудничество многих индивидов в связи с их отношениями к природе и друг к другу¹, объективной и устойчивой структуры общественных связей, которая формируется в соответствии с видами и предметами человеческой деятельности². В зависимости от характера предметной деятельности выделяют экономиче-

ские, социальные, политические, духовные, правовые и другие отношения.

В русской дореволюционной литературе под юридическим отношением понималось бытовое отношение, которое регулировалось нормами права³. Вторая половина XX в. отмечена распространением социологического подхода к пониманию правоотношений, когда наряду с углубленным исследованием отдельных их элементов больше внимания стало уделяться изучению системных связей правоотношений с другими правовыми и неправовыми явлениями. Следствие данной тенденции – понимание правоотношения как вида идеологического отношения и одновременно как формы фактических общественных отношений⁴, выделение в нем материального (фак-

© Новиков М. В., 2016

¹ Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974. С. 103–104.

² Общественные отношения. Вопросы общей истории / под ред. П. А. Рачкова. М., 1981. С. 33.

³ Михайловский И. М. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 434 ; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 289 и др.

⁴ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 183.

тическое поведение) и юридического (субъективные права и обязанности) содержания¹, характеристика содержания правоотношения как средства реального общественного отношения и его формы².

Авторы приведенных концепций исходят из «нормативного» понимания права, когда специфика его норм исчерпывается тем, что государство придает последним гарантию принудительного осуществления. Право сводится к закону, и это сказывается на исследовании всех производных от них категорий. Тем самым в действительности юридическая наука занимается не правоотношениями, а «законоотношениями»³, возникающими под воздействием правовых (законодательных) норм.

В то же время не вызывает сомнений, что правоотношение, будучи видом общественных отношений, носит объективный характер. Правоотношения опосредуют типичные, объективно необходимые взаимосвязи. Субъектами их выступают носители определенных социальных ролей.

Данная проблема сопрягается с более общей проблемой соотношения юридической нормы и правоотношения, а еще шире – права и закона. Для позитивистского правопонимания она вообще не стоит. Право здесь сводится к закону, правоотношение – к законоотношению. Просто решается и проблема взаимосвязи норм и отношений: «Нормы права регулируют поведение людей, и результатом этого регулиро-

вания является возникновение правоотношений»⁴.

Однако нормы сами по себе не способны ни создать общественное отношение, ни придать ему новое качество, иначе управлять социальными процессами было бы слишком просто. Генетически и логически правоотношения предшествуют закону, а не служат его реализацией. Закон посредством адекватного, ясного и определенного формулирования уже сложившихся правовых норм и отношений может лишь придать им необходимое для реализации официальное общеобязательное и конкретизированное выражение.

В настоящее время отход от узконормативной, позитивистской трактовки правоотношения очевиден. Становится общепризнанным, что право – относительно независимый от государства и воли законодателя социальный феномен. Однако обычно не проводится четкого разграничения между философским и специально-юридическим подходом, правом и законом, правоотношением и законоотношением. Отмечая, что исторически и логически правоотношения возникают на основе экономических и иных фактических отношений, что законодатель не создает право, а творит законы, профессор Л. С. Явич одновременно пишет, что при активной законодательной деятельности, особенно в сфере публичного права, правовые нормы предшествуют правоотношениям⁵. Правоотношения – это особые идеологические отношения, возникающие вследствие воздействия норм права на поведение людей. Это специфические обще-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 112.

² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 6, 7, 36, 211, 305.

³ Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 352.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 82.

⁵ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1974. С. 121.

ственные отношения, возникающие в результате осуществления этих норм и представляющие собой связь прав одного лица с корреспондирующими им обязанностями другого лица¹.

Специфика правоотношений как особых идеологических отношений состоит в том, что с их образованием для одних лиц (управомоченных) открывается предусмотренная нормами права и обеспеченная государством возможность использовать в своих интересах и целях поведение других лиц (обязанных), для которых соответствующее поведение становится общественно необходимым².

Обособление и противопоставление нормы права и конкретных прав, обязанностей, правоотношений не имеют под собой никакой почвы. Одно немислимо без другого; норма права и соответствующие ей права и обязанности образуют некоторое неразрывное единство. Рассматривая соотношение норм права и правоотношений, особенно важно подчеркнуть, что нормы права регулируют поведение людей и что результатом этого регулирования является возникновение правоотношений. То обстоятельство, что нормы права регулируют также и поведение лиц, уже связанных с возникшими ранее правоотношениями, не оправдывает встречающейся в литературе формулировки: «... нормы права регулируют правоотношения»³ –, так как:

а) эта формулировка охватывает лишь частный случай регулирования

поведения людей и тем самым выдает часть за целое;

б) она проходит мимо того, что нормы права направлены на подчинение поведения людей выраженным в этих нормах требованиям и на установление соответствующих содержанию этих требований прав, обязанностей, правоотношений, а это важнейшее.

Правоотношения являются двусторонней связью лиц. То обстоятельство, что правоотношение не может возникнуть без соответствующей нормы права и что права и обязанности в правоотношении обеспечены государством, не дает никакого основания говорить о правоотношении как о трехсторонней связи.

Правоотношение – результат действия норм права не в том смысле, что это тот результат, ради которого установлены нормы права, тот результат, без которого нормы права лишены смысла. В правоотношениях через права и обязанности раскрывается социальное назначение норм права.

Нормы права – не самоцель, а средство. Целью, ради которой устанавливаются нормы права, является закрепление определенного порядка общественной жизни, а это невозможно без возникновения и обеспечения прав и обязанностей отдельных лиц, т. е. без возникновения и обеспечения правоотношений.

Правоотношение в указанном смысле есть такое общественное отношение, которое складывается на основе действующих правовых норм, участники которого выступают как носители определенных взаимных правомочий и юридических обязанностей, предусмотренных и обеспечиваемых нормами права, а следовательно, охраняемых государством.

¹ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 5.

² Там же.

³ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 69.

Правоотношение в своем большинстве – это возникающая на основе норм права, индивидуализированная общественная связь между лицами характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства.

Специфические признаки этого вида наиболее распространенных правоотношений, выделяющие его среди других общественных связей, заключаются в следующем.

1. Это связь между лицами, возникающая на основе норм права.

2. Это возникающая на основе норм права связь между лицами через их взаимные субъективные юридические права и обязанности. Особая юридическая связь между лицами, разумеется, всегда на базе материальных отношений и интересов существует именно потому, что данные лица являются носителями прав и обязанностей. Юридические нормы предоставляют одному лицу право, на другое же лицо возлагается обязанность, а может и права, и обязанности одновременно (в сложных правоотношениях). Право и обязанность едины. Едины по своему объекту, по своему фактическому содержанию, воплощенному для одного лица в том, что оно может, а для другого – в том, что оно должно. И в силу единства прав и обязанностей, которыми наделены разные лица, они связаны между собой.

3. Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая поддерживается принудительной силой государства. Как только те или иные лица становятся носителями субъективных юридических прав и обязанностей, так сразу же они попадают в специфическое положение по

отношению к государству. Государство поддерживает, гарантирует действия носителя субъективного права (управомоченному), обеспечивает исполнение обязанностей. Таким образом, правоотношение, будучи связью между теми или иными лицами, представляет собой также связь, но в иной плоскости и с иными характеристиками, данных лиц с государством (имеется в виду их гражданство, или подданство, или проживание на территории данного государства).

Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая в той или иной степени имеет индивидуализированный, конкретно-определенный характер. Правоотношение прежде всего так или иначе индивидуализировано по своим субъектам. Причем в одних случаях существует полная, двусторонняя индивидуализация, когда все участники правоотношения поименно определены, в других – индивидуализация является односторонней, когда точно фиксируются лишь субъекты одной из сторон правоотношения – носители субъективных прав. Наконец, существуют такие правоотношения, где индивидуализация выражается в строго определенной всеобщности прав и обязанностей, в том, что все лица являются носителями данных субъективных прав и обязанностей.

Правоотношению свойственна также индивидуализированность по содержанию прав и обязанностей, т. е. определенность того поведения, которому должны или могут следовать участники данного правоотношения. Нужно лишь учитывать, что в ряде случаев правоотношения приобретают полную, законченную определенность

на известной стадии своего развития. Так, уголовные правоотношения возникают в результате совершенного преступления, но полную определенность приобретают только после вынесенного обвинительного приговора.

Правоотношение – это всегда связь между лицами через реальные, фактически существующие, наличные права и обязанности, фиксирующие строго определенную меру поведения лиц.

Решающая конституитивная черта правоотношения состоит в том, что оно выражает особую общественную связь между лицами, связь через их права и обязанности. Это значит, что участники правоотношения связаны, т. е. занимают по отношению друг к другу определенное положение.

В приведенных выше определениях правоотношение рассматривалось в узком смысле. Мы считаем необходимым дать понятие правоотношения в широком смысле, как возникающего до закона особой формы социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их на свой страх и риск в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом порядке, не запрещенном государством.

Правоотношений, которые возникают в связи с юридическими нормами и на их основе, в жизни абсолютное большинство. Они служат средством перевода общих установлений юридической нормы (объективного права) в конкретные субъективные права и обязанности сторон (субъектов) в правоотношении.

Правоотношения, возникающие до закона, служат источником права, т. е. формируют общественную, а значит и

государственную волю. Правоотношения, возникающие на основе юридических норм, имеют в своем основании юридический факт (фактический состав). Они реализуют государственную волю, содержащуюся в юридических нормах, носящих общий (безличный) характер, гарантируются и охраняются государством. Государство создает необходимые условия (экономические, политические, организационные и др.) для полной реализации этого вида правоотношений. Если же нарушается мера свободы управомоченных или обязанных лиц, вступающих в правоотношение, государство принимает принудительные меры к их обеспечению.

Следует обратить внимание на то, что, несмотря на значимость, воздействие юридических норм на поведение (деятельность) людей в обществе и на их значение для закрепления и развития общественных отношений, нельзя согласиться с распространенным в юридической литературе определением правоотношений как общественных отношений, только урегулированных правом. Коль скоро фактически общепризнанным является существование естественных прав человека, коренящихся в его природе, в требованиях разума, т. е. существуют без соответствующих им норм позитивного права. Есть правоотношения, прежде всего в экономической сфере, которые возникают и существуют независимо от норм права. Они складываются как непосредственный результат отношений производства, обмена и распределения и даже являются тождественными им; а позднее получают санкцию закона.

Таким образом, можно говорить о существовании правоотношений до издания соответствующей нормы пра-

ва. В обществе возникают и постоянно будут возникать многочисленные правоотношения, не предусмотренные юридическими нормами.

Значение правоотношений как главных средств, обеспечивающих функционирование норм права, является всеобщим. Реализация всех юридических норм неизбежно проходит стадию правоотношения, т. е. субъективных юридических прав и обязанностей, находящихся в нераздельном единстве.

Правовые общественные отношения являются в современном обществе универсальной формой осуществления права, в которой как бы соединяются в единое целое все основные элементы механизма правового регулирования в процессе их практического функционирования. Во всяком случае трудно сомневаться, что правовые общественные отношения призваны выполнять такую роль. В самом деле трудно не заметить, что, с одной стороны, разви-

тие событий, которые норма права закрепляет в качестве юридических фактов, возможно, и в действительности происходит только в рамках правовых общественных отношений. С другой стороны, в правоведении справедливо подчеркивается, что правовые отношения являются той практической формой, в которой «оживают» юридические нормы, их предписания.

Правоприменительная деятельность также связана с возникновением и осуществлением правовых отношений. Более того, можно определенно утверждать, что такая деятельность вне юридических отношений невозможна.

Решения соответствующих органов по обобщению, разъяснению и комментированию действующего законодательства, имея своей конечной целью содействие процессу осуществления права, непосредственно принимаются в рамках соответствующих правовых отношений.

Библиографический список

1. Общественные отношения. Вопросы общей теории / под ред. П. А. Рачкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 199 с.
2. *Перфильев М. Н.* Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы / М. Н. Перфильев ; отв. ред. Б. А. Чагин. – Л. : Наука, 1974. – 235 с.
3. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 351 с.

References

1. Public Relations. Questions of the General Theory. Ed. by P. A. Rachkova. M., Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1981. 199 p.
2. *Perfil'ev M. N.* Public Relations. Methodological and Sociological Problems. Ed. by B. A. Chagin. L., Nauka, 1974. 235 p.
3. *Khalfina R. O.* General Theory of Legal Relations. M., Yuridicheskaya Literatura, 1974. 351 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.121

А. С. Колосов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве, в свете принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, право на защиту, защитник, Верховный Суд Российской Федерации.

A. S. Kolosov,

TOPICAL PROBLEMS OF APPLICATION OF THE LEGISLATION ON ENSURING THE RIGHT TO DEFENSE IN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The article analyzes actual issues of application of the legislation of the Russian Federation on ensuring the right to defense in criminal procedure in connection with the adoption of the decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2015 No. 29 «On the practice of application by courts of the legislation on ensuring the right to defense in criminal procedure».

Key words: criminal procedure, right to defense, defender, the Supreme Court of the Russian Federation.

Базовые положения, связанные с обеспечением права обвиняемого на защиту, получили закрепление в п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., согласно которому каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех

же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

д) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке¹.

Указанные положения международного законодательства получают развитие в положениях ст. 48–51 Конституции Российской Федерации, а также детальную конкретизацию в уголовно-процессуальном законе.

Проанализировав систему указанных норм, профессор А. В. Гриненко выделяет в механизме обеспечения права на защиту четыре элемента:

1) собственно право лица на защиту;

2) положения закона, которые раскрывают данное право на различных стадиях и этапах уголовного судопроизводства;

3) совокупность процессуальных возможностей самого лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство;

4) деятельность участников уголовного судопроизводства, направленная на обеспечение права на защиту лицу, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство².

При этом следует отметить, что, несмотря на весьма подробное закрепление в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) и детальную проработку в теории конституционного и уголовно-процессуального права, многие положения закона, призванные обеспечивать право обвиняемого на защиту, получали неод-

нозначную трактовку, что порождало споры среди правоприменителей.

В этой связи чрезвычайно важным событием следует признать принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2015 г. постановления № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»³ (далее: Постановление). Данное постановление пришло на смену во многом утратившему актуальность постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту»⁴, а также п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁵.

Мы полагаем необъективными и далекими от истины высказывавшиеся в юридической литературе суждения о том, что данное Постановление не содержит сколько-нибудь значимых новелл и лишь повторяет хорошо известные тезисы⁶.

По нашему мнению, в Постановлении через преломление в практическую плоскость правовых позиций, связанных с обеспечением права на защиту в уголовном судопроизводстве, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации за последнее двадцатилетие, получил разрешение ряд спорных вопросов, существовавших в следственно-судебной практике.

¹ Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3.

² Гриненко А. В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика // Рос. судья. 2015. № 8. С. 17–20.

³ Рос. газ. 2015. 10 июля.

⁴ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1978. № 4.

⁵ Рос. газ. 2004. 25 марта.

⁶ Быков И. Ничего нового // ЭЖ-Юрист. 2015. № 31. С. 2.

Так, в п. 1 Постановления однозначно трактуется вопрос о субъекте права на защиту. Верховный Суд Российской Федерации указал, что данным правом, наряду с подозреваемым, обвиняемым, осужденным, оправданным и другими категориями участников уголовного судопроизводства, традиционно наделавшимися правом на защиту, обладает и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также любое *иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.*

Указанное разъяснение имеет особое значение при рассмотрении судом материалов по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК РФ, а также при оценке правового статуса лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, связанные с ограничением их конституционных прав и свобод (например, обыск, выемка документов, содержащих банковскую тайну, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и т. д.).

Значимым, по нашему мнению, является разъяснение, содержащееся в п. 3 Постановления, согласно которому обязанность разъяснить субъекту права на защиту его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о

преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Данное положение, в частности, может иметь большое значение при оценке в качестве доказательства явки с повинной, отобранной у лица в ходе доследственной проверки.

Пункт 5 Постановления уточняет алгоритм проведения вводной части судебного заседания и прямо обязывает суд проверять, извещен ли обвиняемый о дате, времени и месте проведения судебного заседания в установленные сроки, а при несоблюдении указанных сроков – выяснять у обвиняемого, имел ли он достаточное время для подготовки к защите. Если суд признает, что этого времени было явно недостаточно, а также в иных случаях по просьбе обвиняемого суд должен объявить перерыв в судебном заседании либо отложить его на определенный срок. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации допускает возможность рассмотрения дела по существу в случае нарушения сроков извещения обвиняемого о дате, времени и месте судебного заседания, однако обязательными условиями этого являются фактическое предоставление обвиняемому разумного срока для подготовки к защите (по нашему мнению, не менее суток), а также заявление обвиняемого об отсутствии необходимости в дополнительной подготовке к защите.

Важным с практической точки зрения является и разъяснение, содержащееся в п. 7 Постановления, об основаниях и порядке дополнительного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела для составления апелляционной жалобы. При этом суду предписывается уточнять, какие именно материалы дела необходимы стороне защиты, а также выяснять, знакомился ли обвиняемый и защитник по оконча-

нии предварительного расследования со всеми материалами дела, а также с протоколом судебного заседания. В случае удовлетворения ходатайства суд должен устанавливать конкретный срок для дополнительного ознакомления с учетом установленных обстоятельств.

В абз. 2 п. 8 Постановления получил разрешения вопрос, недостаточно конкретно урегулированный ст. 258 УПК РФ, касающийся срока, на который из зала заседания может быть удален подсудимый в случае нарушения им порядка в судебном заседании. Так, при буквальном толковании ч. 3 ст. 258 УПК РФ можно сделать вывод, что момент, до которого осужденный удаляется из зала заседания, четко установлен в законе – до окончания прений сторон. Однако в Постановлении Верховный Суд Российской Федерации прямо указал на возможность удаления подсудимого и на меньший срок: на период допроса потерпевшего или свидетеля, до окончания судебного следствия. Такой подход, по нашему мнению, является абсолютно обоснованным, поскольку позволяет председательствующему дифференцировать длительность удаления подсудимого из зала заседания в зависимости от грубости допущенного им нарушения и других обстоятельств.

Представляет интерес разъяснение, содержащееся в абз. 3 п. 8 Постановления, согласно которому суд не обязан уведомлять обвиняемого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательств, а при наличии просьбы обвиняемого о получении такой информации суд должен предоставить ему время для обращения за помощью к своему адвокату.

Не ставя под сомнение обоснованность указанной рекомендации, мы все же полагаем, что при наличии объективной возможности в целях всестороннего обеспечения права подсудимого на защиту по возвращении для подготовки его к допросу, выступлению в прениях сторон либо с последним словом, ему может быть вручен протокол судебного заседания за период, в течение которого он отсутствовал в зале суда.

В п. 10 Постановления получил закрепление неоднократно высказывавшийся Конституционным Судом Российской Федерации¹ тезис о том, что право на приглашение защитника, предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ, не означает право обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и не предполагает возможность участия в деле любого лица в качестве защитника.

Кроме того, в указанном пункте Постановления Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что по смыслу положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат. Данное разъяснение призвано прекратить необоснованную практику ряда судов, которые допускали к участию в деле в качестве защитника лицо, не являющееся адвокатом (как правило, родственника обвиняемого), при рассмотрении ходатайств

¹ См., напр.: Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 янв. 1997 г. № 2-П // Рос. газ. 1997. 18 февр. ; определения Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 окт. 2005 г. № 393-О, от 20 июня 2006 г. № 242-О, от 18 дек. 2007 г. № 917-О-О, от 20 нояб. 2008 г. № 858-О-О, от 24 дек. 2013 г. № 1931-О, от 24 марта 2015 г. № 589-О, от 16 июля 2015 г. № 1551-О и др. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении ее срока на стадии предварительного расследования.

К сожалению, в указанном пункте Постановления Верховный Суд Российской Федерации не конкретизировал критерии, которыми следует руководствоваться при разрешении ходатайства обвиняемого о допуске защитника наряду с адвокатом, ограничившись лишь указанием на то, что при этом «следует учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу» (п. 11 Постановления).

В абз. 3 п. 10 Постановления Верховный Суд Российской Федерации поставил точку в неоднозначном толковании положений п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹, п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.)² относительно случаев выявления противоречий между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, такой адвокат *во всех случаях подлежит отводу*.

Несмотря на это, в юридической литературе продолжают высказываться суждения о том, что «при наличии подобных “конфликтов интересов” адво-

кат должен иметь возможность прекратить оказывать юридическую помощь в отношении одного из обвиняемых, которому он начал оказывать юридическую помощь позже, который изменил ранее данные показания, стал изобличать соучастника и т. п., и остаться защитником другого обвиняемого»³.

По нашему мнению, с такой позицией нельзя согласиться, поскольку продолжение участия такого защитника в деле на стороне одного из обвиняемых неизбежно повлечет за собой нарушение права на защиту другого обвиняемого, чьи интересы он ранее защищал в рамках этого же дела. В связи с этим изложенная позиция Верховного Суда Российской Федерации представляется абсолютно обоснованной.

Четвертый абзац п. 10 Постановления дает, по нашему мнению, однозначную трактовку ограничения участия защитника в деле, указанного в п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, содержание которого вызывало определенные дискуссии, относя его только к случаям, когда защитник в рамках *данного* или *выделенного из него дела* оказывает или ранее оказывал в ходе досудебного производства либо в предыдущих стадиях судебного производства и судебных заседаниях юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого. Указанное разъяснение имеет особое значение для удаленных малонаселенных районов нашей страны с небольшим количеством действующих адвокатов.

Чрезвычайно важным с точки зрения правоприменительной практики следует признать разъяснение, содержащееся в абз. 4 п. 12 Постановления,

¹ Рос. газ. 2002. 5 июня.

² Вестн. Федер. палаты адвокатов Рос. Федерации. 2013. № 3.

³ Грищенко А. В. Указ. соч. С. 17–20.

согласно которому в случаях, когда защиту обвиняемого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов.

Данное разъяснение призвано пресечь возможные злоупотребления со стороны защиты, направленные на необоснованное затягивание производства по делу.

В то же время следует признать, что указанное разъяснение порождает некоторую неопределенность относительно возможности проведения судебного разбирательства в случае явки защитника, участвующего в деле по назначению суда, и неявки защитника, действующего на основании соглашения.

В абз. 3 п. 13 Постановления конкретизированы случаи, которые не могут быть расценены в качестве отказа от помощи защитника, предусмотренного ст. 52 УПК РФ. К таковым, в частности, относятся заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката.

В п. 14 Постановления Верховный Суд Российской Федерации также разъяснил, что закон не предусматривает права обвиняемого выбирать конкретного адвоката, который должен быть назначен для осуществления его защиты. В то же время указанное разъяснение, безусловно, не ограничивает право обвиняемого пригласить конкретного адвоката для участия в качестве его защитника на основании соглашения.

В п. 15 Постановления конкретизируется круг лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту, что требует обязательного участия защитника. К таковым, в частности, относится достаточно распространенный случай наличия у обвиняемого психического расстройства, не исключающего вменяемости.

В связи с этим возникает весьма актуальный вопрос относительно обязательности участия защитника для таких обвиняемых при рассмотрении вопросов в порядке исполнения приговора. К сожалению, прямого ответа на данный вопрос Постановление не содержит.

Наконец, учитывая масштабы применения систем видеоконференц-связи в современном отечественном уголовном судопроизводстве, чрезвычайно востребованным практикой будет разъяснение, содержащееся в п. 16 Постановления, согласно которому в случаях, когда участие обвиняемого в судебном разбирательстве обеспечивается путем использования систем видеоконференц-связи, суду необходимо разъяснить ему право общения с защитником в отсутствие других участников судебного заседания и принять меры к обеспечению возможности такого общения. Предложенный механизм реализации прав обвиняемого, предусмотренных п. 8 и 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, позволит избежать последующих доводов обвиняемого о нарушении его права на защиту при рассмотрении дел и материалов с использованием систем видеоконференц-связи.

В завершение отметим, что постановление Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 разъяснило и урегулировало далеко не все спорные моменты, связанные с обеспечением права обвиняемого на защиту, однако, безусловно, оно явилось важным шагом к формированию единообразной судебной практики в рассматриваемой сфере и укреплению гарантий прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Быков И. Ничего нового / И. Быков // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 31. – С. 2.
2. Гриненко А. В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика / А. В. Гриненко // Рос. судья. – 2015. – № 8. – С. 17–20.

References

1. By'kov I. Nothing New. *E'Zh-Yurist*. 2015. No. 31. P. 2.
2. Grinenko A. V. The Provision of the Right to Defense: Legislative Consolidation and the Legal Practice. *Rossijskij Sud'ya*. 2015. No. 8. P. 17–20.

Д. А. Лепёшин, Н. Д. Лепёшина

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН
В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу дозволений действующего законодательства и положений Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающей возможность примирения сторон в гражданском процессе; изучению особенностей реализации данной процедуры через призму процессуальной экономии и соблюдения прав граждан.

Ключевые слова: примирение сторон, медиация, гражданское судопроизводство, примирительные процедуры, мировое соглашение.

D. A. Lepyoshin, N. D. Lepyoshina

**PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTE
OF MEDIATION IN A MODERN CIVIL PROCEDURE**

Abstract. This paper is a comparative analysis of the field of applicable legislation and regulations the Concept of a unified Civil procedural code of the Russian Federation, provided it was based on the possibility of reconciliation of the parties in civil proceedings. The peculiarities of implementation of this procedure through the prism of Pro-sessuale savings and respect for the rights of citizens.

Key words: conciliation, mediation, civil procedure, conciliation, conciliation agreement.

Современным направлением развития процессуального законодательства, связанным с экономией сил, времени и средств участников процесса, является расширение возможностей в сфере примирения. Развивающееся российское законодательство предусматривает широкое внедрение альтернативных методов разрешения спора (переговоры, посредничество, примирение и т. п.).

В Российской Федерации институт примирения первоначально получил свое признание в основном в коммерческой сфере.

Впервые понятие «примирительные процедуры» появилось в гл. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее: АПК РФ). Принципиальная новизна заключалась в том, что ст. 138, 190 АПК РФ допускали их применение как по спорам, возникаю-

щим из гражданских правоотношений, так и по публично-правовым спорам.

С 2002 г. предпринимался ряд попыток законодательно закрепить роль примирительной процедуры как на досудебной, так и на судебной стадиях при решении экономических споров.

В соответствии с АПК РФ задачей подготовки дела к судебному разбирательству является примирение сторон (ч. 1 ст. 133). Исходя из этого и на основании ч. 1 ст. 138 АПК РФ арбитражный суд при рассмотрении дела обязан принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора¹.

¹ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 31 окт. 1996 г. № 13. П. 12 // Рос. газ. 1996. 27 нояб. ; Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 28 окт. 2010 г. № 8011/10 по делу № А40-52241/09-47-351 // Вестн. ВАС РФ. 2011. № 2.

Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации также предусматривает меры, направленные на примирение сторон в ходе судебного разбирательства.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: ГПК РФ) одной из задач суда является принятие мер по заключению сторонами мирового соглашения. В силу ст. 148 ГПК РФ к задачам подготовки дела к судебному разбирательству относится, в частности, примирение сторон.

Задача судей судов общей юрисдикции согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации состоит: в разъяснении сторонам преимуществ окончания дела миром и того, что по своей юридической силе определение об утверждении мирового соглашения не уступает решению суда и в случае необходимости также подлежит принудительному исполнению; в соблюдении процедуры утверждения мирового соглашения¹.

При подготовке дела к судебному разбирательству судам общей юрисдикции также предписано предпринимать активные действия для примирения сторон². Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что на любой стадии судебного процесса возможно и желательно заключение мирового соглашения.

Анализ действующего процессуального законодательства показал, что институт примирения сторон в арбитражном процессе отличается от данного института в гражданском процессе.

При этом в научной литературе отмечается, что некоторые авторы критически относятся к процессуальным формам примирения сторон (отказ от иска, признание иска ответчиком и заключение мирового соглашения), что объясняется несовершенством законодательного регулирования такого процессуально-правового явления, как примирение сторон³. В настоящее время нормы альтернативных способов разрешения споров российского законодательства носят отрывочный и декларативный характер⁴.

Полагаем, что развитие и совершенствование института примирения является одной из важных задач, которая стоит перед законодателем. Это связано с объединением Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, поскольку встал вопрос об унификации судопроизводства по гражданским делам в целях повышения уровня эффективности российского судопроизводства.

Примирение сторон с учетом современных потребностей судопроизводства может быть эффективным лишь в форме самостоятельного института процессуального права.

Важное значение в достижении благоприятного исхода дела имеют способы примирительных процедур, которые подлежат закреплению в едином Кодексе.

На первом этапе данной работы решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от

¹ О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству : постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 июня 2008 г. № 11. П. 15 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 9.

² Там же. П. 6.

³ *Закирова Д. И.* Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 99.

⁴ *Коннов А. Ю.* Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журн. рос. права. 2004. № 12.

8 декабря 2014 г. № 124(1) одобрена Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: Концепция)¹.

В Концепции закреплены нормы, регулирующие институт примирения сторон. Специально примирительным процедурам посвящена гл. 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение».

В Концепции акцентируется внимание на досудебном примирении между сторонами, в том числе путем введения по отдельным, точно выверенным категориям дел обязательного претензионного порядка разрешения спора по аналогии со спорами в сфере перевозки. Концепция подразумевает, что судебный порядок должен применяться по таким категориям дел лишь в случаях, если досудебный порядок оказался неэффективным.

У суда закрепляется обязанность принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора.

В гл. 15 Концепции предписывается определить пути поиска общих точек соприкосновения сторонами для их возможного примирения, а также возможные результаты примирения и способы их фиксации судом.

Авторы Концепции предполагают нормативно закрепить общие принципы примирения. В частности, любые лица, содействовавшие примирению сторон (например, медиаторы, лица, участвовавшие в переговорах, и т. п.), должны сохранять конфиденциальность любой процедуры примирения (не только, например, медиации). Кроме того, должно быть предусмотрено, что примирение осуществляется на

добровольных началах с учетом принципов равноправия и сотрудничества.

В целях исключения форм злоупотребления правом на примирение целесообразно определить сроки проведения примирительных процедур и последствия искусственного заявления ходатайства о намерении провести примирительную процедуру (в данном случае могут использоваться механизмы реагирования на злоупотребление процессуальными правами).

Концепция предлагает четыре способа поиска путей примирения: переговоры, сверку расчетов, медиацию, судебное примирение. Остановимся на каждом из них подробнее.

Переговоры. Данная процедура указана как основная, которая осуществляется по воле сторон, без какого-либо внешнего постороннего участия. Правила ведения переговоров при этом не должны определяться процессуальным законодательством.

Этот способ наиболее часто применяется на практике, в связи с чем он правомерно поставлен на первое место среди примирительных процедур. Полагаем, что при законодательном закреплении необходимо ориентироваться на сильные стороны данного метода, а именно в переговорах не должны принимать участие третьи лица, которые могли бы повлиять на их ход и содержание. Кроме того, не следует закреплять каких-либо обязательств в отношении форм и процедур.

В США этот способ примирения называется досудебным совещанием по урегулированию спора. Стороны могут обратиться к судье, если стороны заключили мировое соглашение, суд утверждает его².

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 132–135.

Сверка расчетов. Этот способ может быть признан судом обязательным в случаях представления сторонами документов финансового характера, которые одна из сторон не имела возможности изучить до начала судебного разбирательства.

Обращаем внимание, что согласно Концепции суд в обязательном порядке должен назначать данную процедуру и в случае поступления иных новых документов по существу заявленных требований, с которыми другая сторона не имела возможности ознакомиться заблаговременно.

Полагаем, что данная форма будет эффективна при привлечении специалистов в области финансов.

Медиация. В связи с тем, что принят специальный закон в данной сфере, установление каких-либо правил представляется нецелесообразным.

Судебное примирение. Это четвертый из рассматриваемых способов примирения. В Концепции подчеркивается активная роль суда в примирительных процедурах, а также определяется задача, стоящая перед судом, – помочь найти сторонам общие точки соприкосновения интересов.

Судебное примирение может рассматриваться как взгляд на рассматриваемое судом дело как бы извне, с указанием сторонам спора на возможные пути разрешения конфликта миром.

Судебный примиритель не является участником процесса. Им может выступать судья в отставке, помощник судьи, не принимающий участие в рассмотрении дела, работник аппарата суда, имеющий высшее юридическое образование.

Согласно Концепции судебное примирение должно осуществляться на основе принципов независимости, беспристрастности, нейтральности и доб-

росовестности судебного примирителя. Он не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса. При этом судебный примиритель не вправе давать заключение о перспективе разрешения спора в судебном заседании.

Позволим себе не согласиться с теми авторами, которые признают судебное примирение не жизнеспособным¹. В качестве подтверждения своей точки зрения они приводят следующие аргументы. Во-первых, судья в отставке, а тем более сотрудник суда будет восприниматься как некое связующее звено с судьей, рассматривающим спор, а его разъяснения и рекомендации будут восприняты двусмысленно, что может вызвать недоверие. Во-вторых, невозможно полностью исключить элементы прогнозирования в разъяснениях, исходящих от примирителя.

Мы в свою очередь полагаем, что данный способ является прогрессивным, подтверждением тому является опыт ряда стран. Так, долгие годы процедура судебной медиации в Германии проводилась судьями абсолютно бесплатно и доказала свою эффективность².

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Габов А. В. [и др.] // Журн. рос. права. 2015. № 5.

² Аболонин В. О. Закон Германии «О поддержке медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов» (Mediations G) (с кратким пояснением) // Вестн. гражд. процесса. 2013. № 5. С. 203–212.

По нашему мнению, помимо личных качеств¹ (сочувствие, терпение, уверенность, ясность мысли, изобретательность), судебный примиритель должен обладать профессиональными качествами юриста. Ключевым моментом является авторитет судьи в отставке, опытного помощника судьи, их высокий уровень квалификации в области юриспруденции.

Считаем, что навыками проведения процедуры примирения должен обладать каждый квалифицированный юрист, тем более судья или помощник судьи. Сама квалификация

¹ *Коровяковский Д. Г.* Процедура медиации в России и в Великобритании: сравнительно-правовая характеристика // Рос. судья. 2014. № 12. С. 23–24.

юриста непременно должна подразумевать это.

Лидерские качества профессионала, способного грамотно информировать стороны о перспективе спора, могут серьезно повлиять на возможность примирения участников процесса, а равно итоговый результат спора. В этой связи роль лидера в процедуре примирения должна являться предметом отдельного исследования.

Между тем нормативное закрепление в едином Кодексе данных способов определяет необходимость регламентации действий суда по примирению сторон. В большей степени это касается четвертого способа, в котором прослеживается особая роль суда.

Библиографический список

1. *Аболонин В. О.* Закон Германии «О поддержке медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов» (Mediations G) (с кратким пояснением) / В. О. Аболонин // Вестн. гражд. процесса. – 2013. – № 5. – С. 203–212.
2. *Закирова Д. И.* Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Закирова Динара Ильдаровна. – М., 2009. – 217 с.
3. *Коннов А. Ю.* Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров / А. Ю. Коннов // Журн. рос. права. – 2004. – № 12. – С. 120–131.
4. *Коровяковский Д. Г.* Процедура медиации в России и в Великобритании: сравнительно-правовая характеристика / Д. Г. Коровяковский // Рос. судья. – 2014. – № 12. – С. 23–25.
5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Габов А. В. [и др.] // Журн. рос. права. 2015. – № 5. – С. 5–25.
6. *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение споров в США / Е. И. Носырева. – М. : Городец, 2005. – 320 с.

References

1. *Abolonin V. O.* German Law «On support of Mediation and Other Forms of Extrajudicial Conflict Resolution» (Mediations G) (with Brief Explanation). *Vestnik Grazhdanskogo Processa*. 2013. No. 5. P. 203–212.
2. *Zakirova D. I.* Preparation of Civil Cases for Trial. M., 2009. 217 p.
3. *Konnov A. Yu.* Concept, Classification and Main Types of Alternative Dispute Resolution. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2004. No. 12. P. 120–131.
4. *Korovyakovskij D. G.* Mediation Procedure in Russia and in the UK: Comparative Legal Characteristics. *Rossijskij Sud'ya*. 2014. No. 12. P. 23–25.
5. *Gabov A. V., Ganicheva E. S., Glazkova M. E., Zhujkov V. M., Kovtkov D. I., Lesniczkaya L. F., Mary'sheva N. I., Shelyutto M. L.* The Concept of a Unified Code of Civil Procedure: Proposals of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2015. No. 5. P. 5–25.
6. *Nosy'rova E. I.* Alternative Dispute Resolution in USA. M., Gorodecz, 2005. 320 p.

А. В. Гриненко,

**ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
И ИЗБРАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей задержания несовершеннолетнего лица по подозрению в совершении преступления. Предложено привести уголовно-процессуальный механизм задержания в соответствие с международными стандартами. Особое внимание уделено проблемам обеспечения прав несовершеннолетних при избрании в отношении их мер пресечения, особенно в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: уголовное дело, несовершеннолетний, защитник, законный представитель, следователь, задержание, заключение под стражу, подозреваемый, обвиняемый.

A. V. Grinenko,

**FEATURES OF DETENTION OF MINORS SUSPECTED OF CRIMES
AND ELECTION IN RESPECT OF THEM PREVENTIVE MEASURES**

Abstract. The article is devoted research of features of sarajane minors on suspicion of the crime sovereignty. Invited to lead the criminal-procedural mechanism of detention into line with international standards. Special attention is paid to problem ensure the rights of minors in the election against him preventive measures, especially in the form of detention.

Key words: criminal case, minor, defender, legal representative, investigator, detention, imprisonment, suspect, accused.

Специфическое правовое положение несовершеннолетних в обществе обуславливает необходимость регламентировать особые правила и процедуры обращения с несовершеннолетними правонарушителями на всех стадиях уголовного процесса, в том числе и при задержании несовершеннолетнего подозреваемого. Законодатель закрепил определенные требования в гл. 50 УПК РФ, которая регламентирует деятельность по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления 18-летнего возраста. Нижний предел возраста, с которого в отношении несовершеннолетних начинают применяться данные правила, соответствует возрасту наступления уголовной от-

ветственности у этой категории лиц. По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 87 УК РФ, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Поскольку в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при конструировании содержащихся в гл. 50 УПК РФ статей законодатель во многом исходил из положений, которые закреплены в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские

правила)¹. Данный акт был принят 29 ноября 1985 г. на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 40/33).

Статья 423 УПК РФ устанавливает основания и порядок задержания несовершеннолетнего подозреваемого, а также порядок избрания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого меры пресечения. Эти положения в полной мере соответствуют требованиям международных стандартов в сфере охраны прав несовершеннолетних при отправлении в отношении их правосудия. Так, согласно ст. 10 Пекинских правил при задержании несовершеннолетнего его родители или опекун немедленно ставятся в известность о таком задержании, а в случае невозможности немедленного уведомления, родители или опекун ставятся в известность позднее, но в возможно кратчайшие сроки. Судья или другое компетентное должностное лицо или орган немедленно рассматривают вопрос об освобождении. Контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ему (или ей) ущерба, с должным учетом обстоятельств дела. Однако мы наблюдаем несоответствия в законодательстве. Так, согласно ч. 1 ст. 423 УПК РФ задержание несовершеннолетнего и заключение его под стражу производятся в общем порядке, установленном УПК РФ.

То, что в ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе»

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК РФ сформулировано понятие задержания – не случайность, а адекватная позиция законодателя, который тем самым решил устранить или по крайней мере минимизировать проблемы, которые будут возникать (и возникают) во время применения данной процедуры.

Вместе с тем уже само понятие ввиду своей неопределенности и рассредоточенности по различным пунктам вызвало сложности как теоретического, так и практического плана.

Напомним, что в п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого определено как мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Поскольку в данном определении содержится еще один термин – «фактическое задержание лица», это также потребовало дополнительного законодательного разъяснения. В п. 15 ст. 5 УПК РФ указано, что момент фактического задержания представляет собой момент производимого в порядке, установленном настоящим УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Прежде всего отметим, что отсутствует четкое наименование данной меры процессуального принуждения. В ст. 5 УПК РФ в качестве синонимов используются два понятия – «подозреваемый» и «лицо, подозреваемое в совершении преступления». В гл. 12 УПК РФ во всех статьях применен термин «задержание подозреваемого». Вместе с тем подозреваемый – это лицо, в отношении которого было совершено

одно из действий, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ, в том числе лицо, которое уже задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Налицо своеобразный «логический круг»: задерживается подозреваемый, но лицо становится подозреваемым в результате задержания.

Таким образом, исходя из буквы закона, «задержание подозреваемого» может иметь место лишь в тех ситуациях, когда лицо ранее приобрело статус подозреваемого по другому основанию, установленному в ч. 1 ст. 46 УПК РФ (в отношении его было возбуждено уголовное дело, применена мера пресечения до предъявления обвинения и др.). Обычно же задерживается либо свидетель, либо лицо, которое на данный момент не имеет никакого процессуального статуса. Кроме того, могут иметь место ситуации, когда задерживается обвиняемый (если впоследствии в отношении его будет решаться вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу).

Для того чтобы лицо правильно осознавало сущность своего процессуального статуса, появившегося у него в результате задержания, представляется целесообразным унифицировать данное понятие и предложить такое наименование данной меры процессуального принуждения, как «уголовно-процессуальное задержание».

Вторая проблема заключается в неопределенности понятия «фактическое задержание». Несомненно, законодатель, используя данный термин, имел в виду практику большинства иностранных государств, а также положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.¹

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20, ст. 2143.

Исходя из общепризнанной мировой практики, лицо считается задержанным с того момента, когда оно утратило возможность свободно передвигаться и заниматься своими делами. Если оно было лишено указанной возможности, это знаменует начало задержания лица независимо от того, был ли составлен соответствующий протокол.

Однако российская действительность такова, что между фактическим задержанием (захватом) лица и его доставлением в орган предварительного расследования может пройти определенный промежуток времени, который уменьшает 48-часовой срок задержания. В связи с этим практика задержания пошла по тому пути, когда указанный срок начинает исчисляться не с момента фактического лишения лица свободы передвижения, а с момента доставления лица к следователю или дознавателю, причем момент такого доставления и стал называться моментом фактического задержания.

Вместе с тем это отнюдь не устраняет важной проблемы – каким образом отражать в протоколе обстоятельства задержания с их привязкой к пространству и времени? Особенно актуален данный вопрос в случаях, когда лицо было задержано во время совершения преступления или сразу же после его совершения, поскольку обстоятельства задержания одновременно образуют объективную сторону состава преступления.

Именно поэтому для обеспечения прав лица в момент его задержания следует на законодательном уровне объединить понятия, закрепленные в п. 11 и 15 ст. 5 УПК РФ, конкретизировав при этом сам момент фактического задержания лица и отделив его от процедуры задержания в уголовно-про-

цессуальном порядке, которая имеет ретроспективный характер¹.

Естественно, задержание несовершеннолетнего лица по подозрению в совершении преступления может иметь место лишь при наличии реальных оснований, из числа указанных в ст. 91 УПК РФ. Заметим, что в ч. 1 этой статьи в перечне оснований каждое из них начинается со слова «когда» – «когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения», «когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление» и др. Вместе с тем по общему правилу основаниями любых процессуальных решений, в том числе решения о задержании, являются конкретные доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления, а содержащийся в ч. 1 ст. 91 УПК РФ перечень – по сути, их конкретизация, причем эти основания призваны наглядно демонстрировать целесообразность применения данной меры процессуального принуждения.

Доказательства, подтверждающие обоснованность задержания, должны быть отражены в материалах уголовного дела надлежащим образом (путем допроса, очной ставки, обыска, выемки, других следственных действий). Вместе с тем реально это недостижимо во многих случаях, например, когда лицо задерживается в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения. В этих случаях, как представляется, задержание возможно и без предыдущего производ-

ства следственных действий. Однако незамедлительно после процессуального оформления задержания такие действия должны быть произведены, в результате чего в уголовном деле будут закреплены конкретные фактические основания для применения данной меры процессуального принуждения.

Часть 2 ст. 91 УПК РФ имеет более сложную для восприятия и как следствие для применения структуру. Она содержит указание на основания, которые являются менее явными, нежели перечисленные в ч. 1 указанной статьи, а также дополнительные условия, которые данные основания сопровождают. Вместе с тем сами по себе условия (лицо пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства и т. п.) основаниями не являются, а могут быть применены лишь в соответствующей «связке» с конкретными доказательствами, подтверждающими причастность лица к совершению преступления.

Что же касается процессуального основания, то задержание лица по подозрению в совершении преступления оформляется протоколом. В данном документе должны указываться не только само «наименование» основания в том виде, в котором оно зафиксировано в ст. 91 УПК РФ, но и конкретные обстоятельства, которые предшествовали задержанию, а также имели место непосредственно во время задержания.

В ч. 2 ст. 108 УПК РФ установлено, что к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Лишь в исключи-

¹ *Гриненко А. В.* Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журн. рос. права. 2005. № 3.

тельных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего подозреваемого в совершении преступления средней тяжести.

К сожалению, на данном этапе законодательно не определено, какие обстоятельства относятся к исключительным. Не дано разъяснений по этому вопросу ни в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни в каких-либо действующих подзаконных актах органов предварительного расследования и прокуратуры, что, безусловно, оказывает отрицательное влияние на правоприменительную практику. В такой ситуации каждый следователь принимает решение о необходимости обращения в суд с ходатайством об аресте, исходя из понимания исключительности, которая основана на личном опыте, служебных интересах и требованиях прокурора и суда.

Согласно ст. 13 Пекинских правил содержание под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры в течение кратчайшего отрезка времени. Содержание под стражей до суда по возможности заменяется другими альтернативными мерами, такими как постоянный надзор, активная воспитательная работа или помещение в семью или воспитательное заведение либо дом. Несовершеннолетние, содержащиеся под стражей до суда, пользуются всеми правами и гарантиями Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (приняты Организацией Объединенных Наций 30 августа 1955 г.)¹. Несовершеннолетние, находящиеся под стражей до

суда, должны содержаться отдельно от взрослых, а также в специальном учреждении или в специальном отделении учреждения, где содержатся также и взрослые. Во время пребывания под стражей несовершеннолетним должен обеспечиваться уход, защита и вся необходимая индивидуальная помощь – социальная, психологическая, медицинская, физическая, а также помощь в области образования и профессиональной подготовки, – которые им могут потребоваться ввиду их возраста, пола и личности.

В любом случае при решении вопроса об избрании той либо иной меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому должен рассматриваться вопрос о его отдаче под присмотр (ст. 105 УПК РФ). Присмотр состоит в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство.

В ч. 3 ст. 423 УПК РФ установлена обязанность должностных лиц уголовного судопроизводства незамедлительно извещать законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого о его задержании, заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей. При этом на процедуру задержания несовершеннолетнего не распространяется порядок, согласно которому при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление с согласия прокурора может не производиться (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

¹ Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311.

В данном случае возникает следующая проблема для правоприменителя. Согласно ч. 4 ст. 92 УПК РФ подозреваемый должен быть допрошен в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 46 УПК РФ, т. е. в течение 24 часов с момента задержания. В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления должностного лица с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Получается, что после задержания несовершеннолетнего подозреваемого немедленно уведомить законного представителя не получается, так как он еще не наделен такими правами до тех пор, пока должностное лицо не начнет допрос несовершеннолетнего. Или другой вариант: должностному лицу необходимо вынести постановление о допуске лица в качестве законного представителя, а потом уже уведомлять его о задержании несовершеннолетнего.

Законными представителями несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ являются родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего, представители учреждений либо организаций, на попечении которых находится лицо, органы опеки и попечительства. Перечень является исчерпывающим.

В соответствии со ст. 15 Пекинских правил родители или опекуны имеют право участвовать в судебном разбирательстве, и компетентный орган вла-

сти может потребовать их присутствия в интересах несовершеннолетнего. Однако компетентный орган власти может отказать им в таком участии, если имеются основания полагать, что это необходимо в интересах несовершеннолетнего.

Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются конкретные доказательства того, что своими действиями он может нанести ущерб интересам несовершеннолетнего (лицо подстрекает несовершеннолетнего к уклонению от явки к следователю, является соучастником преступления и т. п.). В постановлении об отстранении от участия в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого излагаются мотивы и основания отстранения конкретного законного представителя от дальнейшего участия в уголовном деле.

Следователь (дознатель) не вправе выносить данное постановление без достаточных оснований, т. е. еще до того момента, когда лицо было допущено к участию в уголовном деле в качестве законного представителя. Отказ от допуска может иметь место лишь в тех случаях, когда лицо не отвечает требованиям, предъявляемым к законному представителю (п. 12 ст. 5 УПК РФ).

Однако следует отметить, что указанные меры процессуального принуждения должны применяться в исключительных случаях, когда иными способами достичь целей правосудия не представляется возможным.

Библиографический список

1. Гриненко А. В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными / А. В. Гриненко // Журн. рос. права. – 2005. – № 3. – С. 96–99.
2. Международная защита прав и свобод человека : сб. док. / сост. и вступ. ст. Г. М. Мелкова. – М. : Юрид. лит., 1990. – 672 с.

References

1. *Grinenko A. V.* Arrest and Detention Must be not Only a Law-governmental and Reasonable, but also Motivated. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2005. No. 3. P. 96–99.
2. International Protection of Human Rights and Freedoms. Comp. G. M. Melkov. M., Yuridicheskaya Literatura, 1990. 672 p.

И. В. Головинская,

**ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ
В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению практики применения изменений, вносимых в уголовно-процессуальный закон, касающихся участия понятых в производстве следственных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, понятые, следственные действия.

I. V. Golovinskaya,

**THE PROBLEMS OF PARTICIPATION
OF WITNESSES IN INVESTIGATIVE ACTIONS**

Abstract. The article is devoted to practice of application of changes in criminal procedure law on the involvement of witnesses in production as investigative actions.

Key words: criminal procedure, the investigator, witnesses, investigations.

Одним из критериев деления участников уголовного процесса на группы является выполнение ими процессуальной функции: обвинение, защита, правосудие. Вместе с тем присутствует еще одна группа лиц, которые в силу закона имеют процессуальное положение и обладают рядом прав и обязанностей. Это иные участники уголовного судопроизводства. Их роль заключается в оказании содействия правосудию, а также в обеспечении гарантий защиты прав и законных интересов лиц, заинтересованных в исходе дела.

К числу иных участников уголовного судопроизводства относится понятой (ст. 60 УПК РФ) – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. Закон не допускает получение статуса понятого несовершеннолетними; другими участни-

ками уголовного судопроизводства, их близкими родственниками и родственниками; а также работниками органов исполнительной власти, наделенными полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования. Права понятого заключаются в участии в следственном действии и подаче по поводу следственного действия заявлений и замечаний; ознакомлении с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; принесении жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, ограничивающие его права. Наряду с правами, понятой обременен рядом обязанностей: он не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке. В противном случае он подлежит ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Понятой приобретает процессуальный статус с момента привлечения к участию в производстве следственного действия. Он не является стороной в уголовном деле; не имеет личного интереса в исходе уголовного дела. Его назначение – содействие расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела посредством выполнения процессуальных обязанностей.

На протяжении десятилетий и практические работники, и ученые-процессуалисты делились на две группы: на тех, кто считал участие понятых в следственных действиях необходимым, и на тех, кто утверждал, что их участие не только проблематично, но и бесполезно. Аргументы первой группы сводились к защите прав лиц, в отношении (или по поводу) которых проводятся следственные действия. Представители второй группы апеллировали к сложностям обеспечения участия и дальнейших явок понятых, правдивости их показаний в суде, процессуальной экономии средств и сил. Считаем, что разумные обоснования своих позиций присущи как представителям первой, так и второй группы. Действительно, в ряде случаев невозможно обеспечить участие понятых в производстве следственных действий. Иногда не позволяет место его проведения, иногда – время. Не секрет, что нередко случаи привлечения «дежурных» понятых, вследствие участия которых объективность и законность проводимого действия вызывают сомнения¹.

¹ Головинская И. В. Участие понятых в производстве следственных действий // Вопросы теории и практики российской правовой науки : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2013.

Результатом длительной полемики ученых и практиков стало принятие закона о внесении в УПК РФ существенных изменений², суть которых, если говорить кратко, сводится к усмотрению следователя о необходимости участия понятых в проведении следственного действия.

Теперь в случае проведения обыска (ст. 182 УПК РФ) и личного обыска (ст. 184 УПК РФ), при производстве выемки с изъятием электронных носителей информации (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), предъявления для опознания (ст. 193 УПК РФ) понятые необходимы. Однако ч. 3 ст. 170 УПК РФ оговаривает условия, когда следователь вправе отступить от данного правила. Так, условиями неучастия понятых в производстве названных следственных действий являются: труднодоступная местность и отсутствие надлежащих средств сообщения, а также опасность для жизни и здоровья людей при производстве следственного действия. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Невозможность применения технических средств в ходе следственного действия обязывает следователя сделать в протоколе соответствующую запись.

В отношении таких следственных действий, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), производство осмотра (ст. 177 УПК РФ), осмотр трупа, эксгумация (ст. 178 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9, ст. 875.

УПК РФ), производство выемки (ст. 183 (кроме ч. 3.1) УПК РФ) законодатель участие понятых оставил на усмотрение следователя. При этом в случае их неучастия также обязательно применение технических средств фиксации процесса следственного действия. Как и в вышеуказанных случаях, если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

С внесением изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон усилились ожидания значительного сокращения случаев привлечения понятых к проведению следственных действий. Казалось, если закон не устанавливает императивное требование о необходимости их участия, то следователи будут активно использовать технические средства фиксации следственных действий. Гарантией достоверности проведения следственных действий является участие других, помимо понятых, участников процесса: совершеннолетних родственников, защитников, представителей, законных представителей, представителей организаций и других, имеющих право следить за ходом процесса производства следственного действия. Наряду с этим УПК РФ предусматривает различные средства защиты участников процесса, в том числе такие как обжалование действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда в порядке ст. 123–125 УПК РФ. Кроме того, сдерживающим фактором от злоупотреблений со стороны органов, производящих рассле-

дование уголовных дел, служат и меры ответственности названных лиц, в том числе и самая жесткая из них – уголовная. Все это должно обеспечить достоверность проведения следственного действия и без участия «иных участников», которыми являются понятые.

Однако, стало ли меньше вопросов и проблем в связи с внесенными в УПК РФ изменениями? По прошествии трех лет действия новых правил можно утверждать, что случаи применения технических средств фиксации (и тем более производство соответствующей записи в протоколе о невозможности их применения) вместо участия понятых не стали массовыми. Очевидно, этому есть объяснение.

Первая причина состоит в том, что у участников уголовного процесса и суда в том числе могут возникнуть сомнения в достоверности полученных в ходе производства следственного действия результатов, а также в соблюдении процессуального порядка его производства. Вероятно, нельзя исключить возможность злоупотреблений при производстве следственных действий даже при наличии технических средств. В этом случае возникает вопрос о разрешении указанных сомнений: как и чем удостоверить законность выполненных действий и достоверность полученных результатов (в отличие от этого, понятых практически всегда можно допросить в суде)?

Вторая причина – насколько надежными могут оказаться технические средства фиксации? Как поступать суду, если при рассмотрении уголовного дела в суде видеозапись будет непригодной по техническим причинам: признавать полученные доказательства недопустимыми? Ведь другой

возможности проверить результаты следственного действия, проведение которого удостоверено лишь подписью следователя в протоколе, нет, а сторона защиты вполне возможно будет их отрицать. Назначать ли судебную экспертизу для установления причин непригодности, например, видеозаписи? Усматривается ли в таком случае преступный умысел или априори следует полагать, что результаты фиксации следственного действия пришли в негодность случайно?

Третья причина – опасения следователя по поводу судебной перспективы уголовного дела вследствие оспаривания стороной произведенного следственного действия или полученных результатов. Признание судом ряда весомых доказательств недопустимыми может свести на нет все усилия следователей по собиранию доказательственной базы и привести к «развалу» уголовного дела, вследствие чего преступник останется безнаказанным, а права и интересы потерпевшего незащищенными.

Четвертая причина – сложность применения самих технических средств, а также отсутствие в законе регламентации того, кто, как и какими именно средствами должен фиксировать ход следственного действия. Должен ли следователь выполнять такие действия самостоятельно или поручать их выполнение специалисту? Кого можно привлекать в качестве специалиста для выполнения конкретных действий? Надо ли в этом случае такому специалисту расписываться в протоколе о выполнении им конкретных действий? Так или иначе, но сегодня нет никакой гарантии, что лицо, фиксирующее производство следственного действия, выполнит все так, что

впоследствии возникшие у сторон сомнения в суде можно будет всегда и безоговорочно рассеять посредством просмотра видеозаписи.

Несмотря на то, что сами следователи в большинстве своем полагают, что понятые – рудимент уголовно-процессуальных отношений, их участие в уголовном процессе бесполезно и проблем с ними немало, практика производства следственных действий свидетельствует о том, что следователи традиционно привлекают понятых для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и фиксации его результатов, хотя закон позволяет в ряде случаев применить альтернативный вариант. Указанные причины подтверждают факт того, что внесенные в уголовно-процессуальное законодательство изменения не разрешили дилемму участия понятых в уголовном деле. Как и прежде, среди ученых и практиков нет единого мнения по данному вопросу. Спорными остаются следующие положения: обязательное привлечение понятых к производству следственных действий; альтернативное (по усмотрению следователя) их участие; полный отказ от участия понятых в уголовном деле, т. е. выведение понятых из числа субъектов уголовного процесса.

Возможно, со временем последняя позиция – об упразднении института понятых – разрешит существующую проблему, и общество научится больше доверять органам расследования. Полагаем, не стоит преувеличивать опасения по поводу возможной фальсификации хода и результатов следственных действий сотрудниками органов расследования в отсутствие понятых или средств фиксации.

В обоснование вышесказанного можно привести несколько аргументов: во-первых, в большинстве своем такие должности замещают добросовестные законопослушные граждане, способные на высоком профессиональном уровне осуществлять должностные полномочия, в том числе и касающиеся производства следственных действий; во-вторых, установленная УК РФ ответственность является сдерживающим фактором от злоупотреблений со стороны сотрудников органов расследования; в-третьих, умышленные противозаконные действия во время производства следственных действий можно (ни для кого не секрет) осуществить и при наличии в этом процессе технических средств фиксации, и при участии понятых; и в-четвертых, следователь (дознатель) – участник уголовного процесса, наделенный комплексом процессуальных прав и обязанностей, как и эксперт. Полученные в ходе производства следственного действия доказательства поступают от следователя к эксперту для производства соответствующей экспертизы. И понятые при этом не присутствуют. Не производится и видеофиксация работы эксперта с полученными от следо-

вателя доказательствами. И ни у кого не возникает сомнений в подлоге или фальсификации экспертом полученных веществ, документов и т. п., по которым он будет проводить экспертизу, хотя именно от результатов экспертизы порой зависит и исход уголовного дела, и привлечение лица к уголовной ответственности, и вид, и размер назначенного ему наказания. Закон позволяет лишь обжаловать результаты экспертизы, назначать другие (комплексную, повторную) экспертизы. Как и следователь, эксперт может быть привлечен к уголовной ответственности (за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ). Получается, что следователь (дознатель) – это субъект, недоверие к действиям которого обуславливает привлечение понятых к производству следственных действий. Оправданно ли такое недоверие? Возможно, наряду с отказом от института понятых следует рассмотреть вопрос об усилении уголовной ответственности лица, производящего расследование уголовного дела, за противоправные деяния, в том числе и за фальсификацию доказательств, сместив при этом акцент на преступный умысел.

Библиографический список

1. Головинская И. В. Участие понятых в производстве следственных действий / И. В. Головинская // Вопросы теории и практики российской правовой науки : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Сенцова. – Пенза : Приволж. Дом знаний, 2013. – С. 31–34.
2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 9, ст. 875.

References

1. *Golovinskaya I. V. Participation of Witnesses in Investigative Action. The Theory and Practice of Russian Legal Science. Ed. by G. V. Senczov. Penza, Privolzhskij Dom Znanij, 2013. P. 31–34.*
2. *Federal Law of March 4, 2013 № 23-FL «On Amending Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation». *Sobranie Zaconodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2013. No. 9, art. 875.*

И. В. Погодина,

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В НАЛОГОВОЙ И ТАМОЖЕННОЙ СФЕРАХ

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимодействия бизнеса и финансовой администрации (таможенной и налоговой служб): современная форма, тенденции сотрудничества, государственно-частное партнерство. Указывается на зарубежный опыт в данной сфере. Особое внимание уделяется государственно-частному взаимодействию в налоговой сфере. Сделан вывод о том, что современный налоговый орган и таможня – это не только контролирующие органы, но и сервис-агентства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, таможня – бизнес, таможенная инфраструктура, налоговая служба, налоговый контроль.

I. V. Pogodina,

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN TAX AND CUSTOMS SPHERES

Abstract. The questions of interaction of business and financial administration (customs and tax authorities): a modern form of cooperation trends, public-private partnership. Specifies the foreign experience in this field. Particular attention is paid to public-private cooperation in the tax area. It is concluded that modern tax authorities and customs – is not only regulatory authorities, but also service agencies.

Key words: public-private partnership, the customs-business, customs infrastructure, tax authorities, tax inspection.

Новая философия и идеология фискального дела в нашей стране требуют от государственной администрации выполнения нескольких трудно сочетаемых задач, среди которых фискальная, правоохранительная, содействие бизнесу. При этом участники экономической деятельности фактически получают статус «клиент».

Следует признать, что органы финансовой администрации (таможенные и налоговые) в последние два десятка лет превращаются из только фискальных (и иногда карательных) в органы содействия и помощи участникам экономической деятельности.

Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации¹ предполагает провести оценку вклада таможенных органов в формирование условий ведения бизнеса. Этот вклад должен заключаться в оказании эффективных и качественных государственных услуг в области таможенного дела, а также в содействии увеличению скорости таможенных процессов, снижению издержек предпринимателей и конечных потребителей товара.

Конечно, сбор государственных доходов и правоохранительная деятельность всегда будут приводить к

¹ О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2012 г. № 2575-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 2, ст. 109.

задержкам в потоке товаров, поиску путей оптимизации налогообложения, что в итоге повысит стоимость предметов. Однако с помощью ряда инструментов (например, новых информационных технологий) можно упростить процедуры оформления, тем самым сократив их. Перед финансовой администрацией стоит весьма сложная задача – достижение баланса между контролем и упрощением услуги.

Особое внимание следует уделить партнерству в отношениях финансовой администрации государства и бизнеса, которое является одним из наиболее эффективных путей обеспечения развития государственной собственности, поскольку предполагает привлечение к финансированию и управлению частного сектора на принципах партнерства¹.

Государственно-частное партнерство (далее: ГЧП) используется в различных отраслях экономики, но более традиционно для образования, электроэнергетики, коммуникаций, строительства. Роль частного субъекта (инвестора) в ГЧП традиционно заключается в привлечении финансирования, сооружении и последующей эксплуатации объекта, а роль государства – в предоставлении земельного участка и обеспечении возвратного финансирования по проекту².

Возможно ли создание системы государственно-частного взаимодействия в форме партнерства в сфере

¹ *Родин А. А.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовом регулировании государственно-частного партнерства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 20 с.

² *Губанов И. А.* Государственно-частное партнерство в реализации функций Российского государства: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 27 с.

налогообложения? Следует ли вообще относить существующие формы взаимодействия налоговых, таможенных органов и бизнеса к ГЧП? Ответить на эти вопросы в настоящее время затруднительно. Очевидно лишь то, что ГЧП в сфере «таможня – бизнес» – это общемировая тенденция. Она направлена на повышение качества таможенных процедур, сокращение сроков таможенного оформления, ориентацию таможенных органов на потребителя услуг.

Для таможенных органов могли бы быть востребованными отношения по реконструкции государственного недвижимого имущества, реализации инфраструктурных проектов, внедрения новых информационных технологий. В настоящий момент в Российской Федерации из-за существующих бюджетных ограничений отсутствует возможность осуществить финансирование всей необходимой публичной инфраструктуры, требуемой для реализации полномочий государственных органов в соответствующих сферах деятельности только за счет бюджетных средств. Не является исключением и инфраструктура, используемая для таможенного оформления товаров и транспортных средств.

В таможенном деле ГЧП очевидно могло бы помочь построить новые пропускные пункты либо выкупить у собственников здания пунктов пропуска через государственную границу, которые сейчас арендуют государственные контрольные органы³.

Примеры использования механизмов ГЧП для строительства пунктов пропуска можно найти в зарубежной

³ *Архипов Л. Н.* Модернизация пунктов пропуска через механизм государственно-частного партнерства // Миграц. право. 2014. № 2. С. 14–19.

практике. Например, американская таможенная служба CBP Department для государственных (таможенных нужд) собирает сборы (пожертвования) и реализует программу компенсаций за предоставленные услуги (Служба Таможенного и Пограничного контроля США¹. Успешно реализована вариация ГЧП на мексиканской границе, где грузоотправители и путешественники финансировали определенные расходы СВР персонала, давая им возможность оформлять больший объем импортных мексиканских товаров².

Примером ГЧП в информационной сфере в таможенном деле может выступать взаимодействие между Microsoft и Всемирной таможенной организацией³. Оно направлено на использование передовых технологий в торговле. Проектами охвачены такие страны, как Конго, Сенегал, Мозамбик и др. Суть упомянутых проектов заключается в следующем: коммерческая организация, которая служит в качестве «компании специального назначения», проектирует, строит, эксплуатирует и обслуживает системы «Единого окна». Как правило, такую систему делают обязательной для организаций внешнеэкономической деятельности и используют в различных государственных учреждениях, чтобы связать

банки, экспортеров, импортеров, таможенные органы и страховщиков одной платформой.

Накопленный опыт зарубежных стран, несомненно, может быть полезен в России и поможет предупредить возможные ошибки при реализации проектов ГЧП.

Таким образом, зарубежом ГЧП «таможня – бизнес» не у кого не вызывает удивления. Было проведено ряд всемирных конференций по данной тематике⁴. В России же в сфере таможенного дела в настоящее время следует говорить о взаимодействии, а не о ГЧП. Формы такого взаимодействия пока весьма ограничены. Их теоретическое развитие и нормативное закрепление еще впереди. Впрочем, о возможности существования ГЧП в области таможенного дела уже не спорят.

Неоднозначные мнения высказываются в отношении ГЧП «налоговая служба – бизнес». Часто государственно-частное взаимодействие в сфере взимания внутренних налогов и выполнения иных функций налоговой службы вызывает недоумение как теоретиков, так и практиков. Однако такое взаимодействие все же возможно, например, в области налогового контроля. Возможно построение отношений между налоговыми органами и крупными налогоплательщиками, таким образом, чтобы последние фактически осуществляли горизонтальный мониторинг. Предлагается также частичное делегирование полномочий по прове-

¹ U.S. Customs and Border Protection / CBP Department) : [сайт]. URL: <http://www.cbp.gov/border-security/ports-entry/resource-opt-strategy/public-private-partnerships-frequently-asked-questions> (дата обращения: 09.01.2016).

² URL: <http://www.americaru.com/> (дата обращения: 20.12.2015).

³ Майкрософт : [сайт]. URL: <http://www.microsoft.com/publicsector/ww/international-organizations/partnerships/Pages/world-customs-organisation.aspx> (дата обращения: 20.12.2015).

⁴ Центральноеазиатское региональное экономическое сотрудничество (Central Asia Regional Economic Cooperation) : [сайт]. URL: <http://www.carecprogram.org/index.php?page=customs-ppp-forum-2004> (дата обращения: 20.12.2015).

дению контроля аудиторским организациями. Очевидно, что такие организации должны получить аккредитацию.

Следует сказать, что наша страна имеет исторический опыт ГПЧ в сфере налогообложения. Имеется в виду институт откупщиков. Напомним, что с древних времен собирали налоги, как и все частнохозяйственные доходы государства, сдавая их в аренду или на откуп. Откупщик за определенную сумму покупал право собирать подати в течение года, рискуя своим имуществом в случае недобора, но имея шанс на получение прибыли.

О пользе этого института говорить не приходится, однако просуществовал он лишь до середины XIX в. Так, к 1863 г. корпорация откупщиков состояла из 146 лиц, обязанных платить государству в год 128 млн руб. Однако при этом сами откупщики получали около 600 млн руб. чистого дохода. В их распоряжении находились служащие разных степеней в количестве 36 тыс. человек¹.

Не следует путать элементы ГЧП с услугами, оказываемыми, например, в пунктах пропуска через границу. Такие услуги могут предоставляться только по воле лиц, которым они оказыва-

ются, в интересах этих лиц и в соответствии с императивными нормами гражданского законодательства о возмездном оказании услуг².

Как представляется, для максимального содействия бизнес-инициативам финансовое администрирование в России должно строиться на следующих принципиальных положениях:

- понятность (что предполагает сформулированные точно и ясно требования);
- гласность и открытость;
- доступность (в том числе пропаганда правил и норм, легкий поиск информации);
- активность государственных органов (основными ингредиентами деятельности должны стать «информирование – консультирование – взаимодействие»);
- применение современных технических средств и методов контроля;
- изучение международного опыта (что подразумевает не только быть в курсе международных событий, но и осуществить бенчмаркинг управления в других странах);
- обмен знаниями и опытом не только с коллегами, но и с бизнесом.

¹ Петров Ю. И. Влияние правительственных мер в области налогообложения на положение населения Российской империи во второй половине XIX столетия // *Налоги*. 2015. № 5. С. 36–40.

² Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 2 окт. 2012 г. № 6272/12 по делу № А51-11638/2011 // *Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации*. 2013. № 1.

Библиографический список

1. *Архипов Л. Н.* Модернизация пунктов пропуска через механизм государственно-частного партнерства / Л. Н. Архипов // *Миграц. право*. – 2014. – № 2. – С. 14–19.
2. *Губанов И. А.* Государственно-частное партнерство в реализации функций Российского государства: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Губанов Илья Андреевич. – СПб., 2010. – 27 с.

3. Родин А. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовом регулировании государственно-частного партнерства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Родин Артём Алексеевич. – М., 2010. – 20 с.

References

1. Arkhipov L. N. Modernization of Checkpoints Through the Mechanism of Public-private Partnership. *Municipal'noe Pravo*. 2014. No. 2. P. 14–19.

2. Gubanov I. A. Public-private Partnership in the Implementation of the Russian State Functions: Theory and Practice. SPb., 2010. 27 p.

3. Rodin A. A. Interaction International and National Law in the Legal Regulation of Public-private Partnership. М., 2010. 20 p.

А. С. Капусткин,

НАГРАДНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье автор рассматривает процессуальное наградное законодательство, виды и стадии наградных процессов, уделяет особое внимание информированию граждан о наградах и состоявшихся награждениях.

Ключевые слова: награда, процесс, геральдический регистр, стадии, просвещение.

A. S. Kapustkin,

AWARD'S PROCEDURAL LEGISLATIONS

Abstract. In this publication the author explores award's procedural legislation, types and stages of award processes, attention to the importance of informing peoples about the awards and rewarding.

Key words: award, procedure, heraldic register, stage, education.

Говоря о процессуальном наградном законодательстве, необходимо выделять различные юридические процессы: процесс утверждения награды (включая утверждение правил осуществления наградной процедуры) и процесс реализации наградной процедуры. Первый вид наградного процесса близок к нормотворческому процессу, второй вид – относится к правореализующему процессу.

Исследователь В. Е. Трофимов считает, что неспецифические процессуальные аспекты правотворческого процесса по принятию актов наградного законодательства должны быть исключены из понятия наградного дела как подлежащие общим правилам конституционно-правового и административно-правового регулирования¹.

Процесс утверждения государственной награды Российской Федерации включает в себя стадии, характерные для индивидуального нормотворчества,

– нормотворческая инициатива и создание проекта нормативного правового акта, принятие нормативного правового акта, опубликование (обнародование) нормативного правового акта. Для наград субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, учреждаемых представительными органами публичной власти, характерна также стадия обсуждения проекта нормативного правового акта, которая может предусматривать процедуру чтений.

Специфика нормотворческой деятельности в сфере наградного законодательства на стадии разработки и принятия проекта нормативного правового акта заключаются не только в особой юридической технике, но и в том, что приходится учитывать также геральдические и исторические традиции наградных систем².

И. М. Лазарев указывает, что в общей теории юридического процесса под ста-

© Капусткин А. С., 2016

¹ Трофимов Е. В. Соотношение наградной системы и наградного дела // *Фундамент. исслед.* 2009. № 1. С. 104.

² См., напр.: О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099. П. 71 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2010. № 37, ст. 4643.

диями обычно понимаются относительно самостоятельные этапы процесса, на каждом из которых решаются специфические задачи производства и с этой целью совершаются строго определенные правовыми нормами юридические действия и составляются (издаются) юридические документы (правовые акты)¹.

Вместе с этим мы считаем, что заслуживающим внимания является вопрос о наличии такой стадии процесса учреждения награды, как ее внесение в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

Пунктом 3 Положения о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации установлено, что знаки отличия, награды федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации вносятся в Государственный геральдический регистр Российской Федерации².

Для регистрации наград необходимо представить в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации их графическое изображение (рисунок), геральдическое описание и решение, утверждающее символ или отличительный знак в качестве официального. Таким образом, прежде чем направить пакет документов в Геральдический совет, награда должна быть утверждена соответствующим нормативным правовым актом (указом Президента Российской

Федерации, приказом министерства Российской Федерации, законом субъекта Российской Федерации, муниципальным нормативным правовым актом). В случае необходимости Геральдический совет при Президенте Российской Федерации имеет право затребовать историческую справку, официальное толкование изображения и другие материалы у соответствующих федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

Следует обратить внимание, что сегодня в Государственный геральдический регистр Российской Федерации вносятся также государственные награды Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, награды муниципальных образований. Согласно ответу на наш запрос председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации государственного герольдмейстера Г. В. Вилинбахова от 15 ноября 2011 г. № А72-2-587 в данный регистр могут быть занесены и награды общественных объединений.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что стадия внесения награды в Государственный геральдический регистр Российской Федерации является следующей после завершения нормотворческих стадий учреждения награды.

Мы также можем сказать, что следуя буквальному толкованию Указа Президента Российской Федерации от 21 марта 1996 г. № 403, данная стадия является характерной для процесса учреждения наград федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и факультативной

¹ Лазарев И. М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 120.

² О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 21 марта 1996 г. № 403 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 13, ст. 1307.

для процесса учреждения наград иных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений.

Документом, которым завершается данная стадия процесса учреждения награды, является свидетельство о регистрации, выдаваемое Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации¹.

Сложность в однозначном отнесении внесения награды в Государственный геральдический регистр Российской Федерации к числу стадий наградного процесса заключается в том, что непосредственно такая обязанность в отношении государственных наград не установлена наградным законодательством. Не установлены и меры ответственности за учреждение и использование органами федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации наград без их внесения в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

Вместе с тем п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 21 марта 1996 г. № 403 установлено, что право на официальный символ и отличительный знак, внесенные в Государственный геральдический регистр Российской Федерации, принадлежит обладателю свидетельства о регистрации официального символа и отличительного знака или его правопреемнику.

¹ О Порядке выдачи свидетельств о регистрации официальных символов и отличительных знаков в Государственном геральдическом регистре Российской Федерации : распоряжение Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2003 г. № 471-рп // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 43, ст. 4232.

В связи с изложенным нам представляется, что вопрос о существовании такой обязательной или факультативной стадии наградного процесса, как стадия внесения награды в Государственный геральдический регистр Российской Федерации является дискуссионным.

В настоящее время данную стадию возможно рассматривать только как факультативную, так как отсутствует установленная законодательно ответственность за использование наград без их внесения в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

Таким образом, процесс утверждения награды включает следующие стадии (ниже в скобках мы укажем юридические документы, принимаемые на соответствующей стадии процесса):

1) нормотворческая инициатива и создание проекта нормативного правового акта (итоговый документ – проект нормативного правового акта);

2) обсуждение нормативного правового акта (итоговые документы – редакции проекта нормативного правового акта по результатам чтений, таблицы поправок, постановление представительного органа публичной власти);

3) принятие нормативного правового акта (итоговый документ – нормативный правовой акт, подписанный уполномоченным лицом);

4) опубликование (обнародование) нормативного правового акта (итоговые документы – указание в самом нормативном правовом акте на необходимость его публикации и очередной номер издания источника официального опубликования с публикацией текста нормативного правового акта);

5) внесение сведений о награде в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

При этом внесение сведений о награде в Государственный геральдический регистр Российской Федерации включает в себя следующие процедуры:

- направление в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации пакета документов (итоговый документ – графическое изображение (рисунок) награды, геральдическое описание награды, нормативный правовой акт об учреждении награды);

- проведение Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации геральдической экспертизы представленных документов (итоговый документ – заключение геральдической экспертизы);

- доработка представленных документов в соответствии с рекомендациями Геральдического совета при Президенте Российской Федерации (факультативная стадия) (итоговый документ – официальное письмо Геральдического совета при Президенте Российской Федерации с рекомендациями, новая редакция пакета документов);

- составление геральдического описания награды Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации, направление в соответствующий орган публичной власти для утверждения, в случае отсутствия (факультативная стадия) (итоговый документ – описание награды, разработанное Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации, утверждающий его нормативный правовой акт);

- регистрация награды – внесение в Государственный геральдический регистр Российской Федерации (итоговый документ – свидетельство).

Процесс награждения наградами (наградное производство) является разновидностью поощрительного

производства. Как указал профессор Д. Н. Бахрах, в централизованном поощрительном производстве можно выделить стадии: 1) возбуждения дела о поощрении; 2) общественной и государственной оценки материалов о поощрении; 3) принятия решения о поощрении; 4) исполнения решения¹. Близкой к данной позиции придерживались П. П. Сергун и А. Ю. Якимов². А. П. Коренев выделял: 1) возбуждение ходатайства о поощрении; 2) представление к поощрению; 3) рассмотрение представления (дела) о поощрении и принятие решения о поощрении; 4) вручение поощрения³.

Отдельные авторы выделяют в поощрительном производстве по аналогии с административным процессом также факультативную стадию обжалования решения о поощрении или об отказе в поощрении⁴. Данная стадия нехарактерна для наградного производства, так как существующая в Российской Федерации наградная система не допускает обжалование решения о награждении, в том числе самим поощряемым. Данный вопрос будет рассмотрен нами подробнее

¹ Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журн. рос. права. 2006. № 7. С. 76.

² Сергун П. П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 187 ; Якимов А. Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Государство и право. 1999. № 3. С. 8.

³ Коренев А. П. Административное право России. М., 1996. Ч. I. С. 226.

⁴ Беркутова О. С. Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 141 ; Кононов П. И. Административно-процессуальное законодательство и проблемы его кодификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 179.

при изучении участия в наградном процессе судебной власти.

А. Н. Караваев в поощрительном производстве выделяет пять стадий: 1) стадия возбуждения ходатайства о поощрении и оформление соответствующего представления; 2) стадия согласования представления о поощрении с должностными лицами государственных и муниципальных органов и принятие предварительного решения о поощрении; 3) стадия окончательного решения о поощрении компетентным должностным лицом и издание соответствующего правового документа; 4) стадия исполнения и наделения поощряемого наградным статусом; 5) стадия наследования поощрения¹.

Учитывая, что в юридической науке поощрение также понимается как вид средства правового стимулирования, мы считаем возможным, изучая данный вопрос, рассмотреть существующие взгляды ученых на стадии стимулирования в праве как процесса. Так, О. В. Левин подчеркивает, что стимулирование в праве является длящимся во времени единым процессом, состоящим из нескольких логически взаимосвязанных стадий: 1) закрепление правовых стимулов в нормативных правовых актах; 2) информирование субъектов правового стимулирования о правовых стимулах; 3) осознание субъектами правового стимулирования правовых стимулов; 4) реализация юридических норм, закрепляющих правовые стимулы².

Выделяя процесс учреждения награды и процесс реализации награжде-

¹ Караваев А. Н. Поощрение в системе правоохранительной службы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 12.

² Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 9.

ния как два вида наградного процесса – правотворческий и правореализующий – мы не склонны объединять их стадии в единый процесс. Вместе с тем следует положительно оценить стремление О. В. Левина обратить внимание на важность в процессе стимулирования информирования субъектов правового стимулирования о правовых стимулах и осознания ими этих стимулов. Обязанность государства заниматься пропагандой с использованием средств массовой информации значения государственных наград за ратные и трудовые подвиги предусмотрена подп. 4 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»³, т. е. источником более высокой юридической силы, чем источник (Указ Президента Российской Федерации, подзаконный акт), которым регламентируется наградная система Российской Федерации.

Книги, посвященные пропаганде наград, наградного законодательства и награжденных лиц, издавались в Российской империи⁴. В Советском Союзе выходило достаточно много изданий, рассчитанных на широкий круг читателей, посвященных просвещению, в том числе молодежи⁵, в сфере наград и наградного законодательства⁶.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 3, ст. 168.

⁴ См., напр.: 14-летний георгиевский кавалер Коля Зуев, рисковавший жизнью, совершивший ряд смелых вылазок и трижды удостоившийся высочайших наград – Георгиевских крестов II, III и IV степени. М., 1905. 16 с. ; Российские императорские и царские ордена: краткий исторический очерк, выдержки из орденских статуты и правила ношения орденов / сост. В. Квадри и К. Конаржевский. Спб., 1901. 81 с.

⁵ См., напр.: Балязин В. Н. За подвиг ратный и трудовой : кн. для учащихся. М., 1987. 240 с.

⁶ См., напр.: Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М., 1987. 336 с.

Сегодня шагом вперед в реализации подп. 4 ст. 8 Федерального закона «О ветеранах» могут стать партнерство государства с органами власти субъектов Российской Федерации и представителями гражданского общества, выделение из федерального бюджета на данные средства субсидий, грантов и т. п. Так, во Владимирской области в 2000 г. к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне администрацией области при поддержке коммерческих организаций был издан биографический справочник «Венок славы Александра Невского» о жителях региона, участвовавших в Великой Отечественной войне, – кавалерах ордена Александра Невского¹. В 2011 г. нами был составлен биографический справочник об уроженцах и жителях Владимирской области, удостоенных почетного звания «заслуженный юрист РСФСР» или «заслуженный юрист Российской Федерации»².

Учитывая, что одним из отличительных признаков награды, в первую очередь это касается государственных наград, является общественное признание заслуг, то существенную роль в наградном производстве должно занимать информирование граждан о состоявшихся награждениях, а, возможно, и о лишении наград. Документом, резюмирующим завершение данной стадии наградного производства, может стать самостоятельный индивидуальный правовой акт, содержащий поручение соответствующим органам государственной власти информировать насе-

ление Российской Федерации о состоявшемся награждении, статуте врученной награды, заслугах награжденного лица, либо данное поручение может быть включено в текст индивидуального правового акта о награждении. Важность данной стадии возрастает и в связи с реализацией одной из задач награждения – стимулирования у граждан поведения, являющегося желательным с точки зрения учредителя награды.

Перенося структуру производства о поощрении на наградное производство субъектов Российской Федерации, Д. В. Белоцеркович выделяет следующие стадии: 1) возбуждение ходатайства о награждении; 2) рассмотрение наградных материалов; 3) принятие решения о награждении; 4) вручение награды; 5) отмена награждения или лишение награды³.

В. М. Дуэль также называет пять стадий наградного процесса: 1) возбуждение дела о награждении; 2) государственная и общественная оценка материалов о награждении; 3) принятие решения о награждении; 4) исполнение решения (награждение); 5) отмена награждения⁴.

В. А. Винокуров выделил основные и факультативные стадии наградного процесса. К основным стадиям, по его мнению, относятся: 1) возбуждение ходатайства или оформление представления к награждению; 2) согласование представления или ходатайства; 3) принятие решения о награждении;

³ Белоцеркович Д. В. Административно-правовое регулирование государственных наград субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁴ Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

¹ Венок славы Александра Невского. 55 лет Победы. Владимир, 2000. 40 с.

² Заслуженные юристы Земли Владимирской / сост. А. С. Капусткин ; предисл. В. Ф. Яковлева. Владимир, 2011. 80 с.

4) вручение награды. К факультативным стадиям, которые данный автор считает возможным рассматривать и в качестве отдельных производств, отнесены: 1) оформление права награжденного на установленные законодательством преимущества; 2) лишение лица наград государства; 3) восстановление лица в правах на награды государства; 4) отмена акта о награждении; 5) признание утратившим силу акта о награждении при отказе награжденного от получения награды государства¹.

Здесь целесообразно частично согласиться с критикой данной точки зрения В. Е. Трофимовым, который, на наш взгляд, справедливо отметил: «В. А. Винокуров допускает явное смешение наградного производства с другими административными производствами, когда включает оформление прав награжденного лица на преимущества в качестве стадии в наградной процесс. Получение социально-правовых преимуществ награжденным лицом осуществляется в ходе разнообразных производств, относящихся главным образом к предмету права социального обеспечения. Сходная ошибка допущена автором, когда он выделяет в стадии вручения награды отдельным этапом внесение записи о награждении в личное дело или трудовую книжку награжденного»².

В. Е. Трофимов считает, что стадийность наградного производства значительно отличается от типичных стадий административного процесса и пред-

лагает выделить десять стадий наградного производства:

- 1) возбуждение ходатайства о награждении;
- 2) согласование ходатайства о награждении;
- 3) представление к награде;
- 4) предварительное рассмотрение представления к награде;
- 5) принятие решения о награждении;
- 6) сообщение (вручение) награды;
- 7) разрешение вопросов о наградных символах и документах (выдача дубликата или муляжа наградного символа, дубликата наградного документа, замена наградных символов и документов, возвращение наградных символов и документов награжденному лицу или его наследникам, возвращение наградных символов и документов награждающему субъекту, передача наградных символов и документов на хранение и экспонирование в музей);
- 8) разрешение правопреемства;
- 9) отмена награждения или лишение награды;
- 10) восстановление в правах на награду³.

По нашему мнению, данный вариант построения стадий наградного производства в России можно назвать наиболее полным, однако стоит обратить внимание, что он в основном отражает производство по награждению государственными наградами, на уровне субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, общественных объединений ряд стадий может быть совмещен (например, ходатайство и представление), отдельные стадии могут быть не предусмотрены (например, лишение наград, отмена награждения).

¹ Винокуров В. А. Конституционно-правовые основы регулирования наград государства в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 39–40.

² Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации : монография. М., 2011. С. 570.

³ Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации. С. 572–573.

Вместе с тем мы считаем необходимым сначала в юридической науке, а затем и законодательно утвердить существование стадии, предложенной В. А. Винокуровым, – стадии признания утратившим силу акта о награждении при отказе награжденного от получения награды государства, либо включения ее в стадию наградного процесса, в рамках которой предусматривается отмена награждения или лишение награды. Так как все три действия – отмена награждения, лишение награды и признание утратившим силу акта о награждении при отказе награжденного от получения награды – представляют собой различные случаи депоощрения.

Е. В. Трофимов считает, что, давая награжденному лицу позитивную оценку и выражая намерение в его социализации в подвластной награждающему субъекту социальной группе, награждающая институция допустила ошибку в личности награжденного, заявляющего об отказе от награды, а именно – ошибку в социальной ориентации награжденного лица. Этот автор пишет, что если награждающий субъект все же признает ошибку в личности награжденного, то он должен отменить награждение. В связи этим такое основание для отмены награждения, как отказ награжденным лицом (но не его наследниками) от награды должно прямо указываться в наградном законодательстве в качестве одного из оснований, которое по решению награждающего субъекта может повлечь отмену награждения, хотя и не обязывает награждающего субъекта отменить награждение, так как награждающий субъект вправе остаться при своем мнении относительно заслуг и личности награжденного лица¹.

¹ Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации.

Можно предположить, что история отечественного наградного законодательства последних лет имеет примеры признания и исправления награждающим своих ошибок, но не в выборе субъекта награждения, а в выборе вида награды. Указом Президента Российской Федерации от 6 февраля 1996 г. № 155 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 23 декабря 1995 г. № 1296 “О награждении орденом “За заслуги перед Отечеством” IV степени Мироновой М. В.”»² был отменен Указ Президента Российской Федерации от 23 декабря 1995 г. № 1296 «О награждении орденом “За заслуги перед Отечеством” IV степени Мироновой М. В.»³. Как нам представляется, это было сделано в связи с тем, что 31 января 1996 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации о награждении М. В. Мироновой более высокой степенью той же государственной награды – орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени⁴.

Как нам представляется, с одной стороны, можно понять законодателя, который не хочет подрывать авторитет учрежденных им наград, а значит и свой собственный авторитет, изначально закрепляя в законодательстве возможность отказа от награды. Но с другой стороны, лишение гражданина права отказаться от награды является своеобразным актом насилия, награда должна быть желанна, а не навязана против воли награжденного. В связи с этим мы считаем, что отказ гражданина от награды должен быть безальтернативным основанием для принятия награждающим решения об отмене акта о награждении.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 8, ст. 750.

³ Там же. 1995. № 52, ст. 5154.

⁴ Там же. 1996. № 6, ст. 549.

Еще более осложняется с моральной, политической и юридической точек зрения данный вопрос при отказе иностранного гражданина от государственной награды Российской Федерации. Так, до настоящего времени не отменен Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 2008 г. № 1109 «О награждении орденом Дружбы Кикабидзе В. К.»¹. Гражданин Грузии актер Тбилисской киностудии «Грузия-фильм» В. К. Кикабидзе отказался от российского ордена в связи с действиями России во время грузино-южноосетинского конфликта в 2008 г.²

Указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 1562 «О награждении орденом Святого апостола Андрея Первозванного Солженицына А. И.»³ до настоящего времени не отменен, несмотря на публичный отказ писателя принять награду. Известны и другие примеры отказа российских граждан от государственных наград. Таким образом, приходится констатировать, что юридически в Российской Федерации отказаться от государственной награды нельзя, можно лишь не принять ее наградной знак. Однако в других странах отказ от наград допускается. Так, Указом Президента Республики Молдова от 30 ноября 2010 г. № 648 был признан утратившим силу Указ Президента Республики Молдова от 24 декабря 2009 г. № 126-V в части награждения господина Дмитрия Чубашенко орденом «Ordinul Republicii» в связи с его отказом от награды⁴.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 30, ч. II, ст. 3620.

² Кобзон удивлен отказом Вахтанга Кикабидзе от российского ордена // Рос. газ. 2008. 19 авг.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 50, ст. 6145.

⁴ Monitorul Oficial. 2010. № 235-240, ст. 745.

Альтернативой «легализации» возможности отказа от государственной награды может стать установление для лица, ходатайствующего о награждении (например, на стадии согласования ходатайства), или лица, направляющего представление, обязанности получить от претендента на награду согласие быть награжденным. Такое согласие может быть оформлено отдельным документом либо введено в качестве дополнительной графы в форму наградного листа.

Изучая наградное производство, необходимо принимать во внимание, что оно представляет собой процесс применения норм наградного права. В процессе применения норм права выделяют пять логически последовательных стадий⁵, которые применительно к предмету нашего исследования можно изложить в следующем виде:

1) установление и анализ фактических обстоятельств дела (стадия установления заслуг);

2) выбор правовой нормы, по которой надлежит разрешить дело; на данной стадии, например, может быть принято решение об изменении вида награды;

3) проверка юридической силы и толкование выбранной нормы наградного законодательства;

4) вынесение правоприменительного акта (документально-оформительская стадия);

5) контрольно-исполнительная стадия (реальное исполнение решения о награждении – вручение награды, доведение информации до заинтересованных лиц, органов и организаций).

⁵ Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2000. С. 225.

Через все указанные стадии правоприменения проходит субъект, принимающий конечное решение о награждении, ряд субъектов наградного процесса проходит лишь отдельные из указанных стадий. Например, Комиссия по государственным наградам при Президенте Российской Федерации проходит через первые три.

Говоря о правоприменительной практике награждения, следует обратить внимание на необходимость в будущем проведения исследований таких вопросов, как юридический отказ и юридическая аргументация в наградном правоотношении.

По мнению И. П. Гладышевой, юридический отказ – это правомерный акт волеизъявления управомоченного субъекта путем принятия решения о прекращении либо недопущении правореализующего процесса в целях полного или частичного удовлетворения отдельных личных или общественных интересов вследствие отрицания их индивидуальной или социальной полезности, вызванного влиянием внутренних (субъективных) оценок, внешних факторов и правоприменительных воздействий, выражающийся в формах активного воспрепятствования, функционального бездействия либо информационного оповещения управомоченного субъекта в отношении соответствующих адресатов¹. В наградном процессе значение юридического отказа велико. Данное явление наблюдается, например, при принятии

¹ Баранов В. М., Баранова М. В., Гладышева И. П. Юридический отказ (теория, практика, техника). Н. Новгород, 2011. 656 с. ; Гладышева И. П. К вопросу о понятии «юридический отказ» // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2010. № 2(13). С. 75–76 ; Ее же. Юридический отказ: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 35 с.

решения об отказе в награждении, а также при принятии согласующими инстанциями решения о нецелесообразности поддержки ходатайства о награждении. Важность изучения данного вопроса возрастает в связи с вопросом о наличии субъективного права на награду.

Не меньшую значимость, на наш взгляд, имеет разработка проблемы юридической аргументации в наградном процессе. Ведь именно от качества аргументированности представления нередко зависит решение о награждении или об отказе в награде. Е. А. Макеева считает, что правовая аргументация как научная категория представляет собой познавательно-ценностный способ убеждения в истинности (ложности) того или иного рассуждения, справедливости (несправедливости) заключения суда, виновности (невиновности) обвиняемого, характеризующийся преимущественно вероятностным логическим выводом, диалоговостью и направленностью на правовую аудиторию². Вопрос о юридической (правовой) аргументации встает также и при подготовке документов об отказе в награждении. Так, в процессе награждения государственными наградами Российской Федерации, в случае принятия согласующими инстанциями решения о нецелесообразности поддержки ходатайства о награждении согласующие инстанции информируют об этом ходатайствующий орган (организацию) с подробным указанием причины отказа³.

² Макеева Е. А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа : дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 13.

³ О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37, ст. 4643.

Следует уделить внимание такому вопросу, как расширение участия граждан и представителей гражданского общества в наградном процессе. В связи с этим к положительным явлениям следует отнести то, что Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 1217 в составе Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам значительно увеличилось представительство общественности. Теперь, кроме чиновников, в состав Комиссии входят люди науки и искусства, первый заместитель секретаря Общественной палаты Российской Федерации, члены общественных организаций¹. Подобные изменения должны произойти в наградных системах всех уровней.

Своеобразным ответом общества на недостаточное участие его представителей в наградном процессе, несправедливые «награждения и ненаграждения» стало учреждение общественных наград. К сожалению, этот интересный и вполне эффективный инструмент участия граждан в жизни государства нередко используется в противных морали и целям награждения формах – поощрение за деньги. Однако это не означает, что от общественных наград следует отказаться. Необходимо защитить реальные формы поощрения и отграничить их от «наград тщеславия».

В демократическом государстве с развитыми институтами гражданского общества представители общественности должны принимать активное участие в награждении сограждан, только таким образом возможно приближение к идеалу – награждению государственными наградами заслуг,

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 35, ст. 4786.

получивших общественное признание, т. е. единению двух лиц (государства и общественного мнения), по выражению Р. Иеринга, награждающих от имени общества заслуги, во избежание ошибок и того, и другого.

Существенным недостатком законодательства ряда субъектов Российской Федерации является отсутствие четкого нормативного регулирования вопроса о лишении награды субъекта Российской Федерации, отмены награждения и восстановления в правах на такую награду. Однако можно привести примеры региональных и муниципальных законодательных актов. Так, в ст. 10 Закона Московской области от 22 декабря 2006 г. № 243/2006-03 «О наградах Московской области»² установлен порядок лишения наград Московской области; в ст. 18–19 Закона Хабаровского края от 30 января 2013 г. № 258 «О наградах Хабаровского края»³ регламентируются отмена награждения наградой края, лишение награды края и восстановление гражданина в правах на награду края; гл. 8 Положения о почетных званиях и наградах органов местного самоуправления Нижнетуринского городского округа⁴ посвящена правовому регулированию основания и порядка лишения награды данного муниципального образования.

Еще меньший процент региональных законов содержит нормы о защите наград соответствующего уровня, об установлении ответственности за неправомерное учреждение, установление, изготовление или ношение наград субъекта Российской Федерации. В качестве

² Ежедневные новости. Подмосковье. 2006. № 244 ; 2007. № 13.

³ Собр. законодательства Хабар. края. 2013. № 1.

⁴ Время. 2007. № 13.

примера региона, в котором такие нормы приняты, следует назвать Удмуртскую Республику: ст. 28 Закона Удмуртской Республики от 13 октября 2011 г. № 57-РЗ «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений» предусмотрена ответственность за неправомерное учреждение, установление, изготовление или ношение наград, нагрудных знаков к почетным званиям¹.

С учетом всех изученных в ходе настоящего исследования позиций мы предлагаем выделить следующие стадии наградного производства:

- 1) возбуждение ходатайства о награждении;
- 2) согласование ходатайства о награждении;
- 3) представление к награде;
- 4) предварительное рассмотрение представления к награде;
- 5) принятие решения о награждении;

¹ Собр. законодательства Удмур. Респ. 2011. № 38.

- 6) разрешение правопреемства;
- 7) сообщение (вручение) награды;
- 8) информирование населения о состоявшемся награждении;

9) разрешение вопросов о наградных символах и документах (выдача дубликата или муляжа наградного символа, дубликата наградного документа, замена наградных символов и документов, возвращение наградных символов и документов награжденному лицу или его наследникам, возвращение наградных символов и документов награждающему субъекту, передача наградных символов и документов на хранение и экспонирование в музей);

- 10) отмена награждения или лишение награды;
- 11) восстановление в правах на награду.

Необходимо учитывать, что после принятия решения о восстановлении в правах на награду, должны повториться стадия сообщения (вручения) награды и стадия информирования населения о состоявшемся награждении.

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации / Д. Н. Бахрах // Журн. рос. права. – 2006. – № 7. – С. 67–77.
2. Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дуэль Вера Михайловна. – М., 2005. – 181 с.
3. Караваяев А. Н. Поощрение в системе правоохранительной службы : дис. ... юрид. наук : 12.00.14 / Караваяев Александр Николаевич. – Саратов, 2005. – 180 с.
4. Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации : монография / Е. В. Трофимов. – М. : Юрист, 2011. – 944 с.

References

1. Bakhrakh D. N. Promotion Activities in Public Administration. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2006. No. 7. P. 67–77.
2. Due'l V. M. State Awards in the Russian Law: Theory and Practice Problems. M., 2005. 181 p.
3. Karavaev A. N. Promotion in the System of Law Enforcement Service. Saratov, 2005. 180 p.
4. Trofimov E. V. Premium Business in the Russian Federation. M., Yurist, 2011. 944 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Головкин Роман Борисович,
заместитель начальника
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения
наказаний по научной работе
доктор юридических наук, профессор
E-mail: *golovkinrombor@mail.ru*

Головинская Ирина Викторовна,
профессор кафедры
публично-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
Федеральной службы
исполнения наказаний
доктор юридических наук, доцент
E-mail: *irgolovinskaya@yandex.ru*

Гриненко Александр Викторович,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений
(университета)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института Владимирского
государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
доктор юридических наук, профессор
E-mail: *avgrinenko2@mail.ru*

Капусткин Александр Сергеевич,
главный специалист
по развитию Государственного
Владими́ро-Суздальского музея-заповед-
ника, член Геральдической комиссии
при губернаторе Владимирской области
E-mail: *kac33@mail.ru*

Каламкарян Рубен Амаякович,
ведущий научный сотрудник Института
государства и права РАН
доктор юридических наук, профессор
E-mail: *kalamkarjan@gmail.com*

Golovkin Roman Borisovich,
Deputy Head of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
of Russia on Scientific Work
Doctor of Law, Professor

Golovinskaya Irina Victorovna,
Professor of Public and Law
Studies Department
of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
Doctor of Law, Associate Professor

Grinenko Alexander Victorovich,
Professor of Criminal Law,
Criminal Procedure
and Criminalistics Department
of Moscow State Institute of International Re-
lations (University)
of the MFA of Russia, Professor
of Criminal Law Studies Department
of Law Institute of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs
Doctor of Law, Professor

Kapustkin Alexander Sergeevich,
Chief Specialist in the Development
of State Vladimir-Suzdal Museum Reserve,
a Member of the Heraldic Commission
under the Governor of the Vladimir Region

Kalamkaryan Ruben Amayakovich,
Leading Researcher
Institute of State and Law
Russian Academy of Sciences
Doctor of Law, Professor

Колосов Антон Сергеевич,
председатель Ковровского городского
суда Владимирской области,
доцент базовой кафедры
судебной деятельности
Юридического института
Владимирского государственного
университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *kolosov.anton@gmail.com*

Лепёшин Дмитрий Александрович,
судья Владимирского областного суда,
доцент базовой кафедры
судебной деятельности
Юридического института Владимирского
государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: *Lepeshine@mail.ru*

Лепёшина Наталья Дмитриевна,
ассистент кафедры финансового права
и таможенной деятельности
Юридического института Владимирского
государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: *vlsu-cdo-@yandex.ru*

Марков Андрей Михайлович,
начальник апелляционного отдела
уголовно-судебного управления
прокуратуры Владимирской области
E-mail: *procurator71@mail.ru*

Молчанов Борис Алексеевич,
профессор кафедры
уголовного права уголовного процесса
и криминалистики Российского
университета дружбы народов
доктор юридических наук, профессор
E-mail: *bamvi@bk.ru*

Kolosov Anton Sergeevich,
Chairmanship of the City Court
of Kovrov Vladimir Region,
Assistant Professor of Judicial
Activity Department of Law Institute
of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law), Associate Professor

Lepyoshin Dmitrii` Alexanderovich,
Judge of Vladimir Regional Court, Assistant
Professor of Judicial Activity Department
of Law Institute of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs

Lepyoshina Natal`ia Dmitrievna,
Assistant Lecturer
of Financial Law and Customs
Operations Department of Law Institute
of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs

A. M. Markov,
Head of the Appellate Division
Criminal Court Prosecutor's Control
of Vladimir Region

Molchanov Boris Alekseevich,
Professor of Criminal Law,
Criminal Procedure
and Criminalistics Department
of the Russian University
of Peoples' Friendship
Doctor of Law, Professor

Новиков Михаил Васильевич,
заместитель директора
Юридического института
по научной работе
Владимирского государственного
университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *m_novikov@mail.ru*

Погодина Ирина Владимировна,
заведующий кафедрой финансового права
и таможенной деятельности
Юридического института Владимирского
государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *irinapogodina@mail.ru*

Соколова Алена Владимировна,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
Владимирского юридического института
Федеральной службы
исполнения наказаний
E-mail: *sokolova.alenka@mail.ru*

Novikov Mihail Vasil'evich,
Deputy Chief of Law Institute
on Scientific Work
of Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law), Associate Professor

Pogodina Irina Vladimirovna,
Head of Financial Law and Customs Activity
Department of Law Institute
of Vladimir State University named after A. G.
and N. G. Stoletovs
PhD (Law), Associate Professor

Sokolova Alena Vladimirovna,
Post-graduate Student of Research
and Teaching Staff Training Faculty
of Vladimir Law Institute
of the Penitentiary Service of Russia

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlg.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формата А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:

- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
- рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
- интервал между строками – полуторный;
- гарнитура шрифта Times New Roman;
- набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5– 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf